

А. Лозовский

РАБОЧАЯ ФРАНЦИЯ

(ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ○ ○ ○ ○ ○ 1923 ○ ○ ○ ○ ○ ПЕТРОГРАД

Гиз. № 3468.

Главлит. № 485. Москва.

Напеч. 5.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя книга о рабочем движении во Франции составила из серии статей, написанных для «Правды». Вначале я думал пополнить эти статьи очерком рабочего движения до и особенно во время войны, но я вынужден был оставить эту мысль, ибо пришлось бы отложить на неопределенное время и само издание этой книги. Это не *исследование* о французском рабочем движении, а *только лишь заметки и впечатления* о нем. Автор поставил себе задачу дать *представление* русскому читателю о той борьбе течений, которая происходит в настоящее время внутри рабочего движения Франции. С этой целью мы даем в виде приложения два важных документа Профинтерна и Коминтерна. Первый—обращение Профинтерна к Сент-Этьенскому Конгрессу, а второй—послание Коминтерна Парижскому Конгрессу коммунистической партии. В этих двух обширных посланиях затронуты все большие вопросы французского рабочего движения. Они прекрасно резюмируют и освещают то, что обрисовано в настоящих *заметках и впечатлениях*.

А. Л.

Москва, 30 сентября 1922 г.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Советская Россия имеет двоякого рода дипломатов и делегатов: неприкосновенных, т.-е. пользующихся гарантиями буржуазных правительств, и прикосновенных: Одни ездят официально на конференции с разрешения правительств, другие отправляются на с'езды без такого рода разрешения. Одни могут оставлять в неприкосновенности свои усы и бороду, другим приходится оставлять то и другое в парикмахерской перед границей. Отличительное свойство неприкосновенных делегатов заключается в том, что они находятся под бдительным надзором и в полицейском окружении. Они свободны, но не могут передвигаться туда, куда они хотят. Они неприкосновенны и поэтому не могут говорить, где хотят и что хотят. В этом отношении прикосновенные делегаты, к числу которых принадлежал пишущий эти строки при поездке во Францию, находятся в гораздо более выгодных условиях. Бдительный надзор за вами возможен, но не обязателен. Выступить можно когда угодно и где угодно, при условии принятия некоторых предварительных предосторожностей. Мы видим, таким образом, что прикосновенность, при всех ее неудобствах, имеет целый ряд положительных сторон. Она дает возможность свободно ездить по стране, разговаривать с кем угодно и сколько угодно, толкаться по улицам, посещать собрания, ходить по редакциям газет и даже в парламент. Прикосновенный делегат находится не в большем полицейском окружении, чем всякий гражданин соответствующей страны. Правда, есть известный риск во всем этом деле. Ваши похождения могут быть неожиданно прерваны, и вам могут напомнить с чисто полицейской деликатностью, что вы принадлежите к разряду прикосновенных.

Но все же, несмотря на такого рода вмешательство со стороны полиции в ваши внутренние дела и на явное нарушение автономии и независимости вашей личности, прикосновенный делегат имеет столько преимуществ перед неприкосновенным, что я ни на минуту не сомневался, когда после зрелого обсуждения в Профинтерне и Коминтерне был решен вопрос о моей поездке в страну четырех революций и декларации прав человека и гра-

жданина. Я должен сказать, что оба высокоавторитетных учреждения, и Коминтерн и Профинтерн, несмотря на мировой размах их работы, не могли мне гарантировать благополучный исход моей поездки. Но так как все мы были уверены, что более, чем до социальной революции во Франции, я сидеть не буду, то вопрос был быстро решен, и... я поехал.

В Г е р м а н и и.

Я в Германию не мог приехать в своем настоящем виде по той простой причине, что в 1920 году социал-демократы сочли за благо после обыска меня выслать из своей демократической республики. Высылка последовала после моего выступления в Галле. И я и т. Зиновьев были признаны «обременительными» иностранцами, мы были заключены, под домашний арест и просидели в гостинице, окруженные шпиками, целую неделю, в ожидании парохода. За мною числилось не только выступление в Галле. Еще до этого я выступал в Берлине на обще-германском съезде фабрично-заводских комитетов и причинил большие огорчения Грассману, Лейпарту, Умбрейту и другим руководителям обще-германского профессионального движения. На этом съезде я в приветственной речи напомнил отношение центрального органа профсоюзов Германии «Корреспондент-Блатт» к брест-литовскому миру, при чем, когда я читал явно империалистические выдержки из «Корреспондент-Блатт», я слышал за председательским столом восклицание: «Это неслыханная наглость». После этой «неслыханной наглости» мне еще пришлось провести ряд больших митингов и собраний в Берлине, в Брауншвейге, в Лейпциге, где я рассказывал о борьбе российского пролетариата. Полиция, через депутатов независимой партии, передала мне, чтобы я воздержался от публичных выступлений и только разговаривал с руководителями союзов и не обращался к массам. Но я не послушался и продолжал свои выступления у железнодорожников, коммунальных работников и металлистов. Галле переполнил чашу терпения, и нас отправили под хорошим конвоем до Штетина. Правда, нас сопровождала не только полиция, но и красная гвардия, коммунистическая. В вагоне, где мы сидели, пять представителей немецкой полиции очутились в красногвардейском окружении и были рады, что их не трогали. Моя высылка тогда состоялась, несмотря на то, что в начале нашего приезда в Берлин делегация В. Ц. С. П. С. получила официальное приглашение к бывшему тогда министру иностранных дел, доктору Симонсу, с которым у меня была хотя и небольшая, но очень интересная беседа на тему о перспективах Европы. Министр иностранных дел, доктор Симонс, отдал нам свой визит через своих полицейских чиновников.

На этот раз я был скромным путешественником, одним из тех многочисленных спекулянтов, которых так много в Берлине. Представители газет не приходили ко мне, я не вынужден был давать интервью. Я не выступал на собраниях, хотя и хотелось, потому что целью поездки была Франция, а не Германия.

Само собой разумеется, что я в Германии видел всех, кого мне нужно было видеть, и в этом отношении мое неофициальное положение, т.-е. моя прикосновенность, мне не только не мешало, но даже помогло. Так как мне в Германии пришлось прождать около двух недель, пока мне удалось добыть хороший французский паспорт, то я все это время занимался по преимуществу чтением белогвардейской литературы. Берлин кишит русскими. Количество их доходит до 300.000 человек, при чем все это по преимуществу бывшие люди. В Берлине имеется много русских кафе и ресторанов и есть даже ресторан «Медведь», много книжных магазинов и издательств. Бывшие русские офицеры очень часто учиняют скандалы с битьем стекол и зеркал и целыми пачками попадают в полицейский участок. Российская колония живет в Берлине по преимуществу спекуляцией. Куда ни пойдешь, особенно в богатой части Берлина,—везде слышна русская речь. Из 100 слышанных мною разговоров 50 касались акций, облигаций, дивидендов и всевозможного рода коммерческих и финансовых комбинаций. Раньше было много людей, которые думали, что вот-вот придет Советское правительство, снимет шапку, низко поклонится и скажет эмигрантам: «Ну, господа, конечно! Поезжайте в Россию, все, что у вас было отнято, будет вам возвращено, еще заплатят проценты за огорчение». Но таких упорных мечтателей становится все меньше и меньше. Сменовеховство охватывает все более и более широкие круги русского населения Берлина. Все большее количество эмигрантов добиваются узнать, могут ли они вернуться и что выйдет, если они возвратятся. Все они не прочь пока-что торговать с Россией, но так торговать, чтобы нагреть как можно больнее «проклятых большевиков». Как-то мне пришлось встретиться, уже после моего возвращения из Франции, с одним таким «обиженным» буржуем. Он все скулил, что у него отняли завод в Самаре, дом в Питере, и что, вообще, кровно обидели. «Хоть бы толк из всего этого был,—жаловался он,—а то ведь отняли-то у меня отняли, да и сами не воспользовались. Душа болит, как там в Советской России относятся к торговым делам: меня запрашивают из Англии и из Америки об икре и о большой партии кишек и т. д., разве с большевиками можно какие-нибудь дела делать?».

— Да вы чего собственно хотите?—спросил я у моего скулящего собеседника.

— Очень просто, я хотел бы, чтобы нашему брату дали свободно развернуться в России. не мешали бы нам работать, а то, ведь, у «них» все равно ничего не выйдет без нас.

На это я ему ответил: «Посмотрим, имейте в виду, что вы без России обойтись не можете, а она без вас, сколько угодно».

Были у меня и другие встречи с русскими в Берлине. Вся эта взыскующая по своей собственности публика сидит и ждет у моря погоды. Она подхватывает всевозможного рода слухи, надеется, что «все скоро кончится» и что вот-вот придется поехать спасать разрушенную большевиками Россию. Довольно большие надежды возлагались на неурожай, но совсем другое настроение застал я при обратном проезде. К этому времени выяснился уже урожай в России, Генуя и Гаага показали силу Советской России, и я слышал речи в минорном тоне о том, что, собственно говоря, чорт с ними, с большевиками, может быть, все-таки лучше в России, чем в этом проклятом Берлине, где нельзя хорошенько развернуться.

Наконец, некоторые технические затруднения были улажены, я перевел свою внешность на французский язык, получил в бельгийском консульстве визу и под именем Макса Веллера, гражданина французской республики, отправился в Париж через Брюссель.

В оккупированной Германии.

Для того, чтобы безболезненно проехать все необходимые границы, мне пришлось некоторое время побывать в оккупированной Германии, т.-е. в Кобленце, Трире и Кельне. Как только проезжаешь в Кобленц и в Трир, бросается в глаза громадное количество французских солдат и офицеров. Войска здесь отборные. Их задача — вечно напоминать немцам, что они разбиты, что они потеряли войну и что самым главным виновником разгрома Германии является Франция. Десятки тысяч французских солдат, пребывающих на территории Германии, являются постоянным источником столкновений и конфликтов. Войска не должны вмешиваться во внутренние дела, на самом же деле они вмешиваются. Неоднократно французские войска вмешивались во время стачек, при чем, как нетрудно догадаться, брали сторону предпринимателей. В населении чувствуется глухая вражда к оккупантам. Она наружно не прорывается, но глухая ненависть клокочет в немецком населении против этого постоянного присутствия французских солдат в их собственном доме. Куда бы вы ни пошли, в кинематограф или в театр, в ресторан или на вокзал, везде вы чувствуете искры ненависти, вспыхивающие в глазах немцев при виде французской солдатской формы. Ненависть к французам тем более велика, что они привезли в Германию цветные войска, которые, как известно, тоже занимаются охраной цивилизации и культуры от немецкого варварства. Оккупированная область постоянно растравляет военную рану Германии, она порождает громадную ненависть во всем немецком народе, а не-

ненависть у среднего немца к французам так же велика, как и к полякам.

Я в ресторане в Кобленце. За одним столом сидят три французских офицера, громко разговаривают, громко хохочут и рассказывают друг другу о военных похождениях. С соседних столиков на них поглядывают враждебно немцы. Видно, как глаза враждебно поблескивают, как сжимаются кулаки каждый раз, когда раздается веселый хохот завоевателей. Средний немец выдержан и старается не показать своих чувств.

Какие настроения рабочих в оккупированных областях? Мне пришлось мало разговаривать с рабочими. Я видел только несколько человек и только в той мере, в какой они имели отношение к моей поездке. По мнению этих товарищей, среди рабочих вражда к оккупационной армии не меньше, чем в остальном населении. Здесь, в этой оккупированной области, особенно наглядно видна политика Франции. Видно на опыте, как она сеет шовинистическое семя. Нескольких дней наблюдения в этих городах достаточно, чтобы видеть эту глухую вражду и все усиливающуюся ненависть. Оккупация германских провинций является той областью французской политики, о которой меньше всего говорят и против которой меньше всего протестуют во Франции. Что делает военная администрация в этих немецких областях? Каковы ее отношения к населению? Почему вражда между армией и населением все увеличивается? Вот вопросы, которые как-то проходят мимо сознания среднего француза: оккупация считается чем-то естественным, она не волнует ни французскую прессу, ни французское общественное мнение. Даже в рабочей и коммунистической прессе вопросы оккупации занимают какое-то второстепенное место, они не стоят в центре борьбы революционного пролетариата Франции. И коммунистическая партия и революционная конфедерация труда как-то проходят мимо этого чудовищного факта, и оккупационная политика покрыта таинственным покрывалом. А между тем оккупация Рейнских областей является постоянной угрозой европейскому миру и может привести гораздо скорее, чем многие это думают и подозревают, к европейской войне. Французская буржуазия сеет на территории Германии ветер, и невооруженному глазу видно, что она скоро пожнет бурю.

П а р и ж.

С особым чувством под'езжал я к Парижу. Быстро прошли несколько часов, отделяющие Брюссель от Парижа, и вот вдали показался город-гигант. Я уехал из Парижа более пяти лет тому назад, в начале мая 1917 года. Мой от'езд не обошелся гладко. Когда разразилась русская революция, то союзники в первую голову пустили в Россию социал-патриотов. Первыми отправились в

Россию Алексинский, Плеханов, Авксентьев и другие. Нас, издававших в Париже интернационалистические органы «Наше Слово» и «Начало», было решено не пускать в Россию. Уже в марте месяце я обратился за разрешением, но мне в префектуре открыто сказали, что мне паспорта не дадут, а почему — я сам должен знать. Я действительно сам знал, но так как я не имел ни малейшего желания просидеть русскую революцию в Париже, то я прибег, хотя и к своеобразному, но действительно средству для того, чтобы получить разрешение. Я начал посещать ежедневно социалистические и профессиональные собрания и выступать с докладами о русской революции. Я не пропускал ни одного случая, чтобы не выступить, при чем подробности о происходящих событиях в России вызвали в парижских рабочих такой энтузиазм, что французское правительство решило из двух зол выбрать меньшее, т.-е. выдать мне паспорт и разрешить отправиться через Англию в Россию.

Я везжал в Париж, где оставил столько друзей и единомышленников, с которыми работал во время войны. Еще сидя в поезде, я мечтал о том, как я пойду в Биржу труда, где я в течение двух лет сидел в качестве секретаря одного из парижских синдикатов, как отправлюсь в дом Всеобщей Конфедерации Труда и вообще окунусь в знакомый мне синдикальный воздух. Но вдруг я вспоминал, что я собственно не я и что моихождения могут носить довольно ограниченный характер. Я так раздумывал, что забыл, как меня зовут и когда и где я родился. Я лихорадочно начинаю рыться в своем кармане, вытаскиваю свой паспорт с необходимым количеством виз и штемпелей и вижу, что зовут меня Макс Веллер и что я — промышленник, владелец крупных автомобильных заводов.

Со мною несколько раз случалось, что я вдруг забывал свое имя, день рождения и другие подробности. Поэтому я, сидя в вагоне, бесконечное число раз повторял в уме свое имя, старался запомнить, что родился в сентябре 1884 года и т. д. Это не так просто, как это может показаться с первого раза, потому что, будучи в Германии, я родился совсем в другом году и в другом месяце, а так как мне пришлось заново родиться, в течение каких-нибудь 2—3 дней, то неудивительно, что в голове происходит на этот счет некоторая путаница. Но, как бы то ни было, за несколько верст до Парижа я знал на-зубок все, что мне полагалось, и более или менее спокойно ожидал новых впечатлений. Но вдруг под самым Парижем мне показалось, что какой-то господин слишком внимательно начал на меня заглядываться. Если бы это был не господин, а дама, то это было бы во французском порядке вещей, но господин, нос которого показался мне как-будто бы знакомым, заставил меня проэкзаменоваться себя и быть на-чеку. Со мной из Брюсселя ехал товарищ-бельгиец, провожавший меня до Парижа. Мы сидели в разных купэ, иногда во время дороги нечаянно встречались у окна и рассма-

тривали пейзаж. Перед самым приездом, когда мы вновь случайно встретились с ним, я ему, между прочим, сказал, что лучше будет, если мы в одиночку будем выходить, при чем каждый поедет в другую сторону, ибо, если любопытный господин, которого, как мне кажется, я встречал уже в Брюсселе, интересуется мною, то бельгийцу, во всяком случае, незачем проваливаться. Было ясно, что если я благополучно выберусь с вокзала, значит первая партия выиграна.

Вот поезд подходит к вокзалу, и я с совершенно независимым видом выхожу на платформу, врезаюсь в толпу, по выходе беру автомобиль и говорю шофферу: «На Рю Реомюр, поближе к фондовой бирже».

На положении буржуа.

Итак, я — промышленник и коммерсант. Положение, как известно, обязывает. Нужно в своей жизни выдержать характер и не подавать повода подозревать, что вы не буржуй и не француз. Отель, в котором я поселился, был заселен так называемым деловым людом — коммерсантами и биржевыми дельцами. Для того, чтобы администрация отеля знала, что у нее живет человек благонамеренный, я сейчас же по приезде заказал через контору, чтобы мне по утрам доставляли «Матен» и «Пти Паризьен». У себя в комнате я не держал ни одной коммунистической и даже социалистической газеты. По вечерам я приходил в отель с газетой «Тан» в руках, покупал «Информасион», при чем для того, чтобы окончательно убедить администрацию отеля в том, что я принадлежу к устоям современной Франции, я приносил с собой монархическую «Аксион Франсез» и оставлял ее на виду в своей комнате. Граф Витте в своих мемуарах пишет, что французские республиканцы очень любят встречать и отдавать почести коронованным особам. Его замечание, несомненно, верно. Если хочешь быть спокойным в республиканской Франции, то будь монархистом или читай монархические газеты. Французский Пуришкевич. Леон Додэ, вместе с его закадычным другом, талантливым негодяем Шарлем Морасом, наверное, не подозревали, что их газета оказала мне такую услугу. Читать «Аксион Франсез» во Франции, это значит быть 100-процентным патриотом. Но для того, чтобы мой патриотизм, моя благонамеренность и моя любовь к французскому отечеству была вне всякого сомнения, я купил несколько антибольшевистских книг и брошюр, заручился парочкой французских немцеводов, положил на стол коллективный труд Рафаловича, Михельсона и т. д. на французском языке «О русском государственном долге», раздобыл несколько преис-курантов крупных автомобильных фирм, подчеркнул некоторые цены красным карандашом и привел таким образом в необходимый порядок свою комнату. Известно, что

во французских отелях имеется очень много любопытных. О положении квартиранта судят по его книгам, по чемоданам, по белью, по галстукам, по его вкусам и привычкам. Все у меня в комнате было в таком состоянии, что всякая отельная крыса, сунувшая свой нос в мою комнату, должна была заключить, что здесь живет человек достойного образа мыслей. Одним словом, истинный, добрый патриот. Оставалось принять еще здесь некоторые меры внешнего характера для того, чтобы окончательно доказать свою принадлежность к господствующему классу. Особенность французского буржуа заключается, как известно, в том, что он ругает направо и налево немцев, поедом ест большевиков, с которыми он не прочь поторговать в надежде, что они проторгуются, и плохо знает географию, ибо думает, что Франция является пупом земли. Мне крайне неприятно было обедать среди населяющей данный отель публики, но пришлось несколько раз сидеть за общим столом, любезно выслушивать рассуждения французских деловых кругов о Германии и о Советской России. Так как у меня язык не поворачивался, чтобы ругать большевиков, то я ограничивался тем, что очень приятно улыбался и вообще показывал своим лицом, что я вполне разделяю возмущение моих застольных коллег этими «разбойниками». Чаевые я давал столько, сколько надо, в обрез. Тот, кто дает много чаевых, не настоящий французский буржуа. Такие вещи делают только лишь иностранцы, которые для того и приезжают в Париж, чтобы кидать деньгами: французский буржуа расчетлив и деньгами не швыряет.

В отеле знали, что я приехал в Париж время провести и занимался мимоходом делами, так что не удивлялись моему нерегулярному образу жизни. Французские отельщики имеют достаточный опыт в этом отношении. Они знают, что если кто-нибудь приезжает из провинции, то он должен основательно «осмотреть» Париж, чем они себе и объясняли мое позднее возвращение домой. Так устанавливал я свой авторитет француза и промышленника. Для того, чтобы этот авторитет не был случайно поколеблен, никто в Париже из другого мира не знал, где я живу, каково мое имя и род моих занятий. Так я обеспечил себе тыл и затем занялся своей некоммерческой, неторговой деятельностью.

Организация связи.

С первого дня своего приезда я взялся за организацию передаточного механизма. Я приехал в Париж 11 июня, в 5 часов вечера, а в 8 часов я уже через знакомых имел свидание с Марселем Кашеном, с которым я предварительно переговорил о положении дел во Франции. Тов. Кашен был очень неопределенно частроен, в связи с предстоящим съездом профсоюзов, и недо-

статочно точен в оценке внутренних течений Унитарной Конфедерации Труда. Но в первый вечер меня, главным образом, интересовало общее положение Франции, степень обостренности политической борьбы, конкретные взаимоотношения, установившиеся между партией и левыми союзами, и т. д. Эта предварительная беседа дала мне некоторые указания, которые мне нужны были для того, чтобы ближе присмотреться к тому, что происходит во Франции. Но я отложил на пару дней встречу с товарищами и занялся организацией квартиры, где я мог бы спокойно проводить вне дома время, читать необходимую мне литературу и вообще заниматься. Такая квартира была найдена. Она находилась около площади Италии, довольно далеко от моего отеля, и туда я отправлялся регулярно по утрам. Это была квартира адвоката, куда я приходил в качестве его помощника. Поскольку я был его помощником и должен был разбирать его дела, для консьержки было совершенно нормально, что я провожу целые дни в этой квартире. Здесь я перечитывал нужную мне коммунистическую, анархическую и синдикалистскую литературу. Адвокат этот оказался очень расторопным и понимающим конспирацию товарищем, мы с ним быстро столковались и распределили роли. Когда нужно было организовать особо конспиративное свидание, он сам брался за это дело, а обычно в моем распоряжении был товарищ, который связывал меня со всем коммунистическим и синдикалистским миром. Ежедневные встречи с товарищами и внимательное чтение коммунистической и синдикалистской литературы, с одной стороны, и экономической литературы — с другой, дали мне возможность быстро ориентироваться и учесть соотношение сил как внутри Франции, так и внутри пролетариата.

Для того, чтобы нам была понятна борьба течений внутри французского рабочего движения и удельный вес каждого из этих течений, нам необходимо бегло остановиться на экономическом и политическом положении Франции. Без предварительного знакомства с состоянием нынешней Франции и с теми вопросами, которые волнуют не только французскую буржуазию, но и широкие массы населения, трудно будет понять сильные и слабые стороны французского рабочего движения, причины его своеобразного развития и медленного революционирования.

ГЛАВА II.

Экономическое положение.

Франция давится своей победой — вот что бросается в глаза, как только внимательно начинаешь присматриваться к современному положению 3-ей республики. Потеря полутора миллионов убитыми, громадные опустошения, произведенные на севере Франции, ни в какой мере не компенсируются победой. Франция провела все, что она хотела, во время мирных переговоров. Германия не участвовала в выработке договора, ей представили готовый текст, который она должна была подписать. Версальский договор, составленный крупнейшими дельцами союзных стран, предусматривал, казалось бы, все. Германия должна платить за все потери и убытки, при чем для верности уплаты французские войска занимают значительную часть германской территории. Каждому известно, что Версальский договор представляет собою шедевр бесстыдства и империалистической жадности; разнузданные ростовщические инстинкты нашли свое полное выражение в этом памятнике буржуазной демократии. Казалось бы, что при этих условиях Франции легко было бы ликвидировать свои финансовые затруднения. Но это только казалось; на самом деле — чем дальше от Версальского договора, тем все хуже и хуже. Непосредственно после мира началась вакханалия вокруг возмещения убытков. Предприятия и акционерные общества, расположенные на севере и подвергшиеся оккупации, получили баснословные суммы. Общества с основным капиталом в 20 — 30 миллионов получили по 500 — 600 миллионов. Крупные промышленники, дельцы всякого рода, банковские и финансовые акулы нагрели руки на возмещениях. В первую голову получили сторицей крупные предприятия. Чем меньше было предприятие, тем меньше о нем заботились, при чем до сих пор наиболее бедные и разоренные слои населения ничего не получили от правительства, которое щедрой рукой рассыпало миллиарды любимцам 3-ей республики. Эти суммы выдавались государством, при чем они засчитывались на Германию, которая должна была, как известно, все покрыть и все исправить. Но так как Германия, несмотря на колоссальное давление, не могла всего покрыть, и каждый нажим

на Германию увеличивал только неустойчивость в центральной Европе, что отражалось также на союзных странах, то пришлось все возрастающие государственные расходы покрывать путем налогов и дальнейших займов. Но налогоспособность широких масс населения крайне напряжена, и обложение богатых слоев населения встречает жестокое противодействие со стороны разживших на войне новых и старых богачей. Вся предпринимательская пресса и все могущественные хозяйские организации ведут бешеную кампанию против «фискальной инквизиции» и предрекают всякие несчастья французскому отечеству, если правительство будет проводить довольно невинный закон о подоходном налоге. В то время как в Англии путем прямых налогов покрывается почти $\frac{1}{3}$ бюджета, во Франции прямые налоги дают 7—8 проц., а между тем деньги во что бы то ни стало нужны, и поэтому вводится налог на заработную плату, увеличиваются не только в охранительных, но и в фискальных целях таможенные ставки, начинаются поиски сокращения расходов, при чем эти сокращения проводятся за счет количества государственных служащих и, главным образом, за счет высоты их жалованья. Одним словом, финансовые затруднения заставляют стоящую у власти буржуазию увеличивать нажим на Германию, с одной стороны, и на трудящиеся массы, с другой.

На 4-й год мира государственные деятели и экономисты Франции начинают поговаривать о банкротстве, при чем эти мысли у них вызываются требованиями английского правительства начать уплачивать долги и постановлением американского сената о том, чтобы Франция уплатила свой долг Америке плюс $4\frac{1}{2}$ проц. в 25 лет. Когда руководители современной французской политики сделали маленький арифметический расчет, оказалось, что в ближайшие 25 лет Франция должна будет не только отдавать все, что она получит от Германии — если Германия будет регулярно платить, — но еще и приплачивать довольно солидную сумму. Депутат Жувенель, докладчик финансовой комиссии, составил следующую наглядную таблицу:

Франция должна платить союзникам: 1) Соединенным Штатам 13 миллиард. зол. мар., уплачиваемых в 25 лет по $4\frac{1}{2}$ проц., ежегодный взнос — 876 мил. зол. мар.; 2) долг Англии 11.600 милл. зол. мар., ежегодный взнос 781 милл. зол. мар. Итого 1.657 милл. зол. мар.

Франция получит от Германии: 52 проц. от 3 миллиардов марок ежегодных взносов Германии, предполагая, что репарац. комиссия не согласится на новый мораториум и что Германия будет действительно платить 1.560 милл. зол. мар.

Т.-е. мы видим, что разница не в пользу Франции в 97 миллионов марок золотом, или в нынешней французской валюте около 300 миллионов франков. Неудивительно, что Жувенель озаглавил свою статью «Мир банкротства», и во французской прессе появляется ряд статей, требующих пересмотра Версаль-

ского договора, ибо он недостаточно обеспечивает интересы Франции. Затруднения финансовые вытекают не только из необходимости начать платить долги союзникам, но из общей задолженности 3-ей республики. Французская патриотическая пресса неоднократно возмущалась тем, что Франция, понесшая такие великие жертвы в этой войне, должна платить еще за доставленное англичанами и американцами снабжение. «Мы защищали общее дело, — пишет патриотическая печать. — Мы вложили в это дело жизнь и кровь полутора миллионов наших граждан, а вы снаряжение. Почему мы должны платить?» Но английских и американских кредиторов жалкими словами не удивишь, и при малейшем намеке со стороны французов на их желание не платить, — «великий заатлантический друг» задает пикантный вопрос: «Вы что же, разве большевики, что не хотите долгов платить?». На это следует немедленно ответ: «Мы хотим платить, но не можем, ибо нам Россия не платит и Германия не дает всего, что нам следует». В этих финансовых затруднениях бьется сейчас 3-я республика.

Откуда все-таки взять деньги? Французская буржуазия не для того прославляла войну за право, чтобы сейчас платить. Ее жадность, наглое уклонение от элементарных гражданских обязанностей называется охраной личной свободы и борьбой с фискальной инквизицией. Один из лучших знатоков финансовой проблемы, Жозеф Кайо, в своей недавно вышедшей книге «Куда идет Европа, куда идет Франция», подвергает жестокой критике финансовую и экономическую политику 3-ей республики. Он, попытавшийся еще до войны обложить господствующие классы, знает прекрасно силу их сопротивления и он беспощадно вскрывает финансовое хозяйничанье Клемансо, Бриана, Пуанкаре, при чем Кайо прекрасно понимает, что все они приказчики денежного мешка и никогда другой политики вести не могут; тем более интересны его выводы.

По словам Кайо, Франция ведет с 1914, и особенно с конца 1917 г., по настоящее время «полтику банков и плутократии». Попытки обложить господствующие классы делаются, главным образом, для того, чтобы «скрыть политику непрерывных займов, политику, которая вызывает радость банкиров и находящихся на их содержании публицистов». Франция вступила в войну с долгом в 27 миллиардов, а сейчас государственный долг 3-ей республики достигает 310 миллиардов. В 1922 году бюджет сведен с 7 миллиардным дефицитом, в 1923 г. дефицит автоматически будет возрастать. Этот финансово-экономический тупик является результатом «политики национализма и плутократии». Под предлогом что «Германия все заплатит», шло и идет систематическое расширение народных денег. Высокие цены платим поставщикам? Ничего, Германия заплатит. Замешательство и путаница в области финансов? Пустяки, Германия все заплатит. Непомерно высокие оценки убытков? Ничего, Германия заплатит. Частные интересы, интересы крупных фирм севера и востока Франции ото-

двинули на задний план интересы общие. Суммы, выданные им, не находятся ни в каком соответствии с тем, что Германия должна заплатить. Все та же политика: политика плутократии, основанная на лжи (ст. 153). Но Кайо на этом не останавливается. Широкими штрихами рисует он «дурацкую налоговую политику» и дает характеристику некоторых налогов, которые «сами себя пожирают». Таможенная политика того же порядка. И здесь, как и в других областях, дает себя чувствовать «режим военной диктатуры». Правительство,—здесь Кайо цитирует известного профессора финансового права Жеза,—является пленником нескольких крупных предприятий. Оно издает протекционистские указы, злоупотребляя политической силой, находящейся сейчас в руках плутократии. Немудрено, что при такой таможенной политике даже Англия начинает применять таможенные репрессии, при чем на жалобы по этому поводу французов английский министр торговли заявил: «Тем, кто поставил у своих дверей бульдога, не пристало жаловаться на то, что у нас в одной из задних комнат находится кошка». Особенно жестокой критике Кайо подвергает репарационную политику французской плутократии. Заставить Германию платить деньгами, это равносильно установлению премий на вывоз. По его вычислениям, Германия должна довести свой экспорт до 40 миллиардов франков золотом в год, для того, чтобы иметь возможность платить возложенное на нее бремя. А в тот день, когда Германия доведет вывоз до этой суммы, она убьет промышленность Англии, Франции и т. д. Между тем Франция, под давлением предпринимательских кругов, не хотела восстановления областей рабочими силами и материалами Германии. Только теперь убедившись, что из Германии трудно выжать золото, французское правительство думает заставить немцев произвести ряд грандиозных электрических установок и работ в счет возмещения. Вся политика заключалась в том, чтобы убедить страну, что она является «рантье́ром победы», а между тем этот злополучный рантье́р «уплачивает,—как выразился Трустэ,—настоящую военную контрибуцию союзникам».

В результате анализа финансово-экономической программы 3-ей республики Кайо приходит к следующему заключению: «Эта организация банкротства и эксплуатации трудящихся классов в пользу олигархии, содержимой бумажными фальшивомонетчиками». Нам к этой характеристике прибавить нечего. Гражданину Кайо и книги в руки.

Политическое положение.

Францией правит, как известно, национальный блок. Что представляет собою этот блок? Он является детищем ростовщической жадности, зоологического национализма и смертельного страха перед революцией. Выборы в палату депутатов происходили, как

известно, в 1919 году, в медовый месяц победы над Германией, когда страх перед русской революцией достиг своего апогея. Выборы прошли под лозунгом: «Долой большевизм! Да здравствует священная собственность и уплата долгов! Души немцев до конца!» В этом блоке смешались все: радикалы, радикал-социалисты, республиканцы, консерваторы и роялисты. Это был единый фронт буржуазии против грядущей революции, спектр, который пугал и пугает воображение французского собственника. Палата жадности и страха делала некоторые уступки внутри страны для того, чтобы возможно скорее ликвидировать революцию во вне. Она шла во главе международной контр-революции и делала все, чтобы низвергнуть Сов. Россию. Ее представители устраивали в России заговоры, держали на откупу монархических, демократических и даже социалистических ландскнехтов. На процессе эс-эров в Москве Рене Маршан сообщил, что Нуланс как-то сказал в 1918 году по адресу эс-эров: «Они до того забылись, что ставят мне политические условия, забывая, что платим мы, а они являются только лишь исполнителями наших приказаний!» Целью своей Франция поставила—заставить Россию во что бы то ни стало уплатить долги и возместить убытки. Для характеристики французской буржуазии, ее военных и дипломатических представителей крайне любопытен факт, сообщаемый генералом Красновым в своих воспоминаниях. В 1919 году на Дон приехал представитель французского командования, капитан Фуке. Этот капитан, после обещания высадки французских войск, предложил генералу Краснову и казачьему кругу подписать договор, из которого приводим только пункт четвертый:

«Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе «Донец» и где бы они ни находились, происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы. Мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятия с причислением к ней 5-проц. надбавки на все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 г., для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула...»

Вручая Краснову эти требования об оплате средней доходности с причислением 5 процентов, этот военный коммивояжер французской биржи и достойный сын денежного мешка, приба-

вил: «Без этого вы не получите ни одного солдата, мой дорогой. Вы понимаете, что в вашем положении нет выхода»¹⁾).

Вот эта забота не только о капиталах и средней доходности, но и обязательно о «дополнительных процентах» является наиболее характерной чертой национального блока.

Потерпев поражение в борьбе с Советской Россией, национальный блок думал компенсировать свои неудачи в побежденной Германии, но и здесь он столкнулся с непреодолимыми затруднениями. Национальный блок стремится выступать как вершитель судеб Европы, но здесь он сталкивается с Англией, которая не только не признает за Францией этого первенства в мире, но ни в какой мере не хочет признать гегемонию Франции на континенте. Английская буржуазия, осуществляя свою старую политику, которую один французский журналист еще много лет тому назад формулировал так: *Tout prendre, toujours pretendre, jamais rendre* (все брать, всегда претендовать и ничего не отдавать),—резко сталкивается с такими же притязаниями французской дипломатии. Последний год французская дипломатия терпит ряд поражений: Вашингтон, Канна, Генуя, репарационная политика, финансовая консултация Моргана, политика Франции в Сирии и Турции — все это знаменует собою ряд поражений. Бряцая оружием, национальный блок изолирует Францию. Жадность французских ростовщиков и желание во что бы то ни стало наступить пятой на Германию заставляют Францию вести политику не по карману — захватывать то, что она не может удержать, что приводит к несварению желудка.

Захватническая, бесстыдно-провокационная политика во вне имеет своим продолжением такую же политику внутри страны. Как только в 20-м году выявился отлив рабочего движения и лидеры реформистских организаций были прибраны окончательно к рукам, французская буржуазия, под руководством национального блока, начала бешеное наступление против рабочих. Под знак вопроса поставлен 8-часовой рабочий день, синдикальное право чиновников находится под угрозой, светское образование начинает отступать перед «свободной» католической школой,— национальный блок стремится отбросить на много лет назад Францию. До тех пор, пока национальный блок обещал покрыть все за счет Германии и получить с дополнительными процентами все причитающееся французским ростовщикам от России, мелкий буржуа терпел в ожидании обещанных благ. Но второе издание *chambre introuvable* обманулось во всех своих расчетах, и вопли о несостоятельности мира являются отражением несостоятельности национального блока. Часть элементов, шедших за национальным блоком, начинает откальваться. Пущена в обиход идея левого блока. Чем отличается левый блок от национального блока? Неоднократно выступал руководитель левого блока, бол-

¹⁾ См. „Архив Русской Революции“, том V стр. 309.

тливый сенатор Эдуард Эрио, но сколько раз он ни излагал своей программы, трудно уловить, что хочет этот левый блок. Сам Эрио, Бокановский, как и многие другие, еще вчера состоявшие в национальном блоке, ничего определенного не обещают. Это будет та же реакционная, внешняя и внутренняя политика, прикрытая большим количеством демократических фраз, ибо левый блок ни в малейшей степени не думает нажать на финансовый и промышленный капитал. Это полевение в области «чистой политики», т.-е. в пределах самого парламента. Этот левый блок чурается реформаторских планов последнего магикана из радикалов — Жозефа Кайо. Конечно, левый блок, если он придет на смену национального блока, должен будет для того, чтобы удержаться, провести несколько блестящих, но незначительных реформ, но политическое положение мало изменится, так как консервативные и реакционные силы во Франции прекрасно организованы, и если они будут формально выбиты из парламента, то они будут проводить свою политику вне-парламентским путем. Нужно иметь в виду, что новые выборы будут только через 2 года, а весь смысл левого блока, это—предстоящие новые выборы. Конечно, было бы неправильно сказать, что нет абсолютно никакой разницы между левым блоком и национальным блоком; разница есть, но только во второстепенных вопросах; в основных же вопросах (социальное законодательство, налоговая политика, внешняя политика, отношения к репарационной проблеме, отношение к иностранным займам и т. д.) преемственность будет вполне обеспечена, ибо самое демократическое правительство Франции никогда не осмеливалось выходить из повиновения хозяина Франции—денежного мешка. А кто пытался выйти из повиновения, того постигала судьба левого радикала Кайо. Левый блок очень мало сулит рабочему классу Франции. Правда, реформистские круги партии и союзов уже ухватились за левый блок, они ищут в нем якорь спасения; опять оживает вопрос о коалиции, но этот левый блок, как левое правительство в других странах, будет не орудием борьбы рабочего класса, а только лишь этапом в этой борьбе. Рабочий класс найдет против себя весь левый блок, как только он начнет выступать со своими революционными классовыми требованиями. Хотя в настоящее время национальный блок еще достаточно крепок и не боится левой опасности из своих рядов, он тем не менее потерял свою былую устойчивость; наталкиваясь повсюду на жестокое противодействие и не имея возможности проводить свою внешнюю политику, национальный блок все сильнее и сильнее ополчается против Англии, требуя от своих руководителей по отношению к ней твердой политики. Пуанкаре, сменивший Бриана, смещенного за «примиренчество», уже не удовлетворяет многих зубров национального блока. Они начинают обвинять его в недостаточной твердости. До новых выборов возможны еще несколько смен министров. На авансцену выдвигается ловкий делец и крупный журналист, бывший руко-

водитель иностранной политики в газете «Тан», Андре Тардьс. Бывшие министры подстерегают нынешнего председателя, чтобы занять его место. Министерская чехарда возможна, но она мало изменит политику французской республики по существу, ибо французский пролетариат еще недостаточно силен, чтобы обуздать национальный блок и его правительство. Таким образом, палата депутатов, имеющая в своем составе больше 100 миллионеров, будет еще продолжительное время править страной, ибо она наиболее полно отражает наличие социальной реакции во Франции.

Причины социальной реакции.

Причины социальной реакции коренятся прежде всего в том специальном режиме собственности, какой имеется в 3-й республике. Франция представляет собою соединение мелкого крестьянского хозяйства и крупного банковского капитала. Нигде, как во Франции, собственность не занимает такого почтенного места. Великая французская революция, уничтожившая все сословные перегородки, была исходным пунктом для установления новых перегородок. Во Франции все, вплоть до добродетели, измеряется франком, количество получаемой ренты определяет социальное положение. Режим собственности был укреплен под грохот революционной бури, и он вошел в сознание среднего француза как одна из вечных и неизменных истин. Трудлюбивый и экономный французский мелкий буржуа не хочет никаких потрясений; для него все потрясения были в прошлом. Он хочет мирно накапливать для того, чтобы жить с этого накопления. Французский буржуа был до войны кредитором многих стран. Во Франции имеется 1.600 тыс. держателей русских бумаг. Они-то и дают всей своей собственнической тяжестью на правительство, добываясь от него воздействия на Советскую Россию.

Победа сыграла громадную роль в смысле увеличения социальной реакции, война разнуздала все низкие инстинкты, победоносный мир должен был их удовлетворить. Немец должен был заплатить за моральные страдания и материальные потери. Французский буржуа знает, что серьезное рабочее движение внутри страны или обострение социальной борьбы во вне могут привести к потере мифических германских миллионов. Французский буржуа судорожно держится за победу и хочет из нее выжать максимум, поэтому долой все, что мешает покрыть все расходы и вознаградить за все страдания! Долой всех, кто сомневается в возможности спасти Францию от экономического краха путем высасывания последней капли крови из Германии! Средний француз как-то тверже ступает по улицам, на его лице видно самодовольство: мы победили! Но победитель не спокоен, он бледнеет от ужаса при мысли, что произойдет, если Германия поднимется. За свою самоотверженность он хочет получить звон-

кой монетой. Какая же это была бы победа права и справедливости, если бы она не получила звонкого вознаграждения! Еще раньше, до победы, средний французский буржуа считал Францию центром мира. Буржуа даже гордился своим Робеспьером и Маратом, тем более, что они уже давно умерли. С тем большей ненавистью он обрушился на Робеспьеров и Маратов XX века. Буржуа хочет спокойствия, — он не любит волнений и беспорядка. Он хочет твердой власти, чтобы спокойно переваривать свою пищу. Идеал его крайне прост — это хорошо накрытый стол, мягкая кровать и крепкий кулак, оберегающий его спокойствие. Женщина интересуется французского буржуа в той мере, в какой она имеет отношение к кровати. Этот спальный идеал находит свое отражение во всем обиходе, во всей жизни французского мелкого буржуа. Он живет настоящим; он думает о будущем только в той мере, в какой это касается его и его детей. Сейчас французское правительство крайне обеспокоено малой рождаемостью во Франции. Изыскиваются всевозможные средства повысить рождаемость, выдвигается идея налога на холостяков, всякого рода преимущества для отцов многочисленных семейств и проч. Лига многосемейных французов производит большой шум, призывая рожать из патриотизма, но хитрая французская мелкая буржуазия не плодится, — все эти хитроумные проекты ее не прельщают. Ее даже нельзя запугать тем, что немец ее побивает на фронте. Если бы национальный блок обещал положить в банк на имя каждого вновь родившегося младенца 100 тыс. франков, то французский буржуа начал бы рожать детей не менее трех раз в год. А так рожать детей, «зря» — слуга покорный!

Средний француз всегда осуществляет «заветы Великой Французской Революции». Французская буржуазия уверена, что Великая Французская Революция, как и великая война имели своей главной задачей обеспечить ему осуществление вышеуказанного идеала.

Методы влияния буржуазии на рабочий класс.

Французская республика представляет собою законченную организацию буржуазии с широко разветвленным материальным и моральным аппаратом воздействия на массы. Кроме материальных средств принуждения, 3-я республика располагает колоссальным агитационно-пропагандистским аппаратом, который имеет своей задачей искривлять мозги рабочих и работниц. Что касается материальных средств воздействия, то буржуазное государство обратило свое внимание на организацию и воспитание полиции. Достаточно указать, что в одном Париже имеется 15 тыс. прекрасно обученных полицейских, располагающих всей новейшей военной техникой на случай рабочих волнений. Не нужно забывать, что

Полицейские вербуются по преимуществу из бывших унтер-офицеров. Кроме того, к полицейским предъявляются довольно высокие требования физического и патриотического характера. В физическом отношении парижская полиция, как вообще полиция крупных промышленных центров, представляет собою цвет французской нации. Кроме того, имеются республиканская гвардия и регулярные войска всех родов оружия. Но французская буржуазия мало доверяет регулярным войскам, и поэтому непосредственно после войны было приступлено к формированию черных войск, которые имеют совершенно определенное назначение — подавить рабочее восстание, если полиция окажется не в силах этого сделать. Черные войска, как известно, уже раз «спасли демократию от варварства». Это было во время великой войны. Многие из них теперь представляют Французскую республику в Рейнской провинции. Теперь на них возложена еще более важная миссия: спасти в последний раз французскую цивилизацию от «врага рода человеческого» — большевизма. Черные войска организуются в колониях, отдельные части их имеются уже во Франции; все готово для того, чтобы пустить в ход это несчастное пушечное мясо против коммунистической опасности. Такова инициатива государства. Но, в смысле подчинения масс, методы физического принуждения не играют решающей роли. Есть другие формы и способы влияния на массы, которые так же обезвреживают мозги рабочих, как сильнодействующие, удушающие газы, это — пресса, кинематограф, литература, спорт, школа, церковь и т. д.

Французская пресса представляет собою в этом отношении шедевр. Французские газеты делятся на две группы: пресса информационная и пресса политическая. Под информационной прессой разумеются 5—6 левиафанов («Пти-Паризьен», «Журнал», «Матен», «Пти-Журнал», «Эко-де-Пари»), которые расходятся в миллионах экземпляров, при чем предполагается, что информация является беспристрастной и внепартийной. Каждая из этих газет представляет собою сложнейшую фабрику лжи, она использует весь государственный технический аппарат и имеет поддержку крупнейших хозяйских организаций. Эта пресса так «информирует» своих читателей, что они являются бешеными противниками не только большевизма, но и социализма вообще. В 1921 году наиболее крупная фабрика лжи, «Пти-Паризьен» (тираж ежедневный 2.000.000 экз.), пыталась монополизировать в свою пользу прессу, создав специальные типографии и соединившись прямыми проводами с главнейшими центрами Франции и Европы. Но другие газеты подняли протест и выступили в защиту «свободы мнения», т.-е. против монополии лжи, и проект этот сорвался, — вместо одной гигантской фабрики имеются несколько; результат один и тот же. Если читать в течение двух недель все перечисленные выше газеты, можно прийти к писsemистическому заключению о культурном уровне современного фран-

цуза. Каждая из этих газет дает одну передовую на различные темы и ряд тенденциозно-подобранных телеграмм, затем идут возможные и невозможные отделы, которые должны просвещать те или другие категории читателей. Для женщин каждая из этих газет имеет два фельетона и одну новеллу. Фельетоны—самые сногшибательные. Так как я вынужден был, будучи во Франции, вести добропорядочный образ жизни и читать исключительно благомыслящие газеты, то я читал также и фельетоны. Фельетоны эти имеют задачей нагромоздить возможно больше событий, авантур, происшествий, преступлений и оглушить читательницу. Все действующие лица делятся на две категории: на выдающихся бандитов и героев исключительной добродетельности. Сами по себе фельетоны бесконечны. Каждый фельетон заканчивается на самом интересном месте, в роде следующего: «Внезапно открылась дверь, и граф Х. ворвался, как бомба, в комнату», или: «Итти ли мне с вами в этот темный лес?—спросила она, подняв на него свои чистые глаза», или: «Он лихорадочно начал расстегивать ее лиф, но вдруг раздался ужасный треск, и у разбитого окна появилось искаженное гневом лицо ее мужа» и т. д. Преобладают герои всего больше из высшего общества — графы, графини, князья попадают на каждом перекрестке. Описание балов, выездов и туалетов перемешиваются с описанием безумных оргий, естественных и противоестественных, и когда едешь в трамвае, ходишь по парижским улицам, или едешь по подземной дороге, видишь сотни и тысячи молодых и старых женщин, которые лихорадочно читают эту макулатуру. Когда портниха или модистка, работающая за несколько франков целый день, отрывается от своего каторжного труда, она переносится сразу в мир благородных графов и графинь, она часто читает, как такая же «мидинет», как и она, стала графиней или княгиней, благодаря своей красоте и личным качествам. Голова кружится от всех этих перспектив, — что и требовалось доказать.

Как же производится эта дешевка? Во Франции имеется особая категория писателей фельетонов, которые пишут каждый день известное количество страниц иногда для одной, иногда для нескольких газет. Автор не знает, что он напишет завтра, — во всяком случае добродетель должна восторжествовать, ибо во Франции добродетель всегда торжествует. По поводу этого производства фельетонов рассказывают следующую быль. Обычно крупные фельетонисты имеют помощников, которых называют неграми. Когда хозяину некогда написать необходимое для ближайшего номера количество удушающих газов, это делает его негр. Великий фельетонист, это было еще до войны, получал по 50 сант. за строчку, но так как он был перегружен работой, то он сдал ее по 15 сант. за строчку своему негру. Разницу он получал за то, что ставил свою подпись. Но так как негр уже метил в самостоятельные мастера и был уже довольно опытным литературным бомбардир-наводчиком, то он нашел себе поднегра, которому он

сдал этот самый роман по 5 сант. за строчку. Все шло довольно гладко, но в один прекрасный день этот поднегр внезапно скончался. Запаса в газете было лишь на пару дней. Когда вышел запас, литературный редактор начал требовать от маэстро продолжения; тот в ужасе бросился искать своего негра. Негр впал в неменьший ужас, чем его патрон, и бросился, сломя голову, искать поднегра. Хозяйка мансарды сообщила взволнованному литератору, что — имя рек — два дня назад умер и уже похоронен. «Каналия, — воскликнул возмущенный работодатель, — не мог меня предупредить!». Как кончилась эта история, мне неизвестно, но, во всяком случае, читательницы этой газеты получили свою порцию графов и графинь.

Французская пресса, и в этом она вряд ли чем отличается от большой прессы других стран, насквозь продажна. Она предпочитает продаваться оптом, хотя не прочь итти и в розницу. Припоминаю следующее: в 1916 году приехавшие из России еврейские общественные деятели хотели поместить несколько статей и заметок о трагическом положении евреев на восточном фронте. Тогда, во время поражений русской армии, некоторые газеты, хотя и получавшие довольно жирные субсидии от Извольского, позволяли себе либеральные намеки. Один из приехавших написал статью и обратился через знакомых литераторов в «Матэн». На следующий день он получил приглашение к администратору этой газеты. Наивный россиянин прибежал к одному моему знакомому с вопросом: «При чем здесь администратор? Какое я имею отношение к нему?» Мой знакомый, французский старожил, ответил: «Чтобы договориться с вами, по сколько сотен франков за строчку вы готовы заплатить за напечатание вашей статьи». Недавно опубликованная «Черная книга» сообщает довольно много пикантных подробностей о том, как республиканская пресса кормилась у царского корыта. Французские газеты берут не только за то, что пишут, но очень много берут за молчание. Недаром сказано «слово — серебро, молчание — золото». Газета — коммерческое предприятие. Акционеры получают дивиденды, и все делается для того, чтобы этот дивиденд повысить, и потому во французской прессе спрос на каналей очень высок.

Что касается политической прессы, то, за исключением «Юманите», о которой речь будет особо, она имеет небольшой тираж и читается по преимуществу членами той или другой партии. Особо должна быть отмечена пресса финансово-биржевая, которая тоже очень разнообразна. Во Франции часто возникают специальные финансовые газеты и биржевые листки, имеющие своей задачей разоблачить ту или иную финансовую акулу. Надо читать эти газеты, чтобы понять, сколько разоблачительного огня в груди биржевых и финансовых литераторов. Потом эта газетка неожиданно замолкает или открывает во вчерашнем разбойнике и грабителе благородную душу, рыцаря без страха и упрека. Опытные люди знают, что эта перемена зависит от по-

лученного куша, при чем сама газета и была создана для того, чтобы вытащить немного денег из толстых карманов биржевых дельцов. Так как кожа у биржевых воротил довольно толстая, то опытные литераторы и прибегают к сильнодействующим средствам; получив мзду, они благородно умолкают. Еще один пример нравов французской прессы. В последней книге старого французского журнала «*Mercur de France*» помещена статья, посвященная вопросу об искусственных и настоящих жемчугах. Автор делает некоторую экскурсию в те страны, где добываются жемчуга, и обрушивается против искусственного жемчуга, который, кстати сказать, в японской имитации довольно трудно отличить от настоящего. Японцы вкладывают искусно сделанный жемчуг в черепаху, оставляют его известное время, и он естественно покрывается жемчужным слоем. Но сейчас меня не интересует техника подделки, а то, что автор, рассказывая с возмущением о том, как желтолицые японцы насилуют природу, призывает своих соотечественников, во имя охранения целой отрасли труда, дающей заработок, тысячам и тысячам французов, бойкотировать подделку и покупать настоящий жемчуг. Пикантное заключается в том, что подписал эту громокипящую статью крупнейший французский купец, торгующий жемчугом, имеющий для такого рода работ особую негра и платящий, вероятно, большие суммы журналу за напечатание «своих» статей.

То, что пресса пропускает, то доделывает кинематограф, самое распространенное зрелище не только во Франции, но и в других странах. Старый любитель кинематографа, я шатался в Париже, Марселе, Страсбурге и Сент-Этьене по кинематографам. Обычно я ходил в центральный кинематограф, а затем отправлялся в рабочие кварталы. Прежде всего, я в кинематографе встречал опять те же самые фельетоны, которые я уже читал в газетах. Между газетной фабрикой и кинематографической обычно происходит соглашение, и душу раздирающие фельетоны делятся на 8, 10, 12 эпизодов и потом преподносятся зрителю в течение соответствующего количества недель. Опять перед нами проходят те же самые герои в прекрасно сшитых фраках, цилиндрах, дамы в совершенно неожиданных платьях и часто без оных, тут же сообщается и портной, который шил платье, и модный магазин, где были сделаны внезапные головные сооружения. Опять добродетель торжествует, а преступление получает свое наказание. Что поражает в настоящее время во французском кинематографе в сравнении с военным и довоенным временем,—это громадное количество американских фильмов. Кинематограф имеет своей задачей в два, два с половиной часа дать максимальное количество впечатлений. В этом отношении американские фильмы побивают все рекорды. Я был не меньше 15 раз в кинематографе, каждый раз видел американские фильмы и мог убедиться в преимуществе американской кинематографической техники. В американских фильмах часто фигурируют ковбои, всегда происходит

бешеная погоня друг за другом на лошадях и автомобилях. Герои разбивают друг другу носы с чисто американской основательностью, устраивают сражения на крышах 16—20-этажных домов, перебираются с одной улицы на другую по канатам, соединяющим 20-этажные постройки, благополучно падают, умирают, воскресают, тонут и потом, ко всеобщему удовольствию, спасаются. В постановке масса движения, быстроты, темперамента. Это видно по тому, как выворачивают скулы друг другу при всяком удобном случае американские герои. Конечно, и здесь добродетель борется против преступления, но это американская добродетель, а это значит, что женщины в штанах и сапогах проявляют такую же прыть, как мужчины, тогда как во французских фильмах француженке не полагается подражать мужчинам. Фильмы занимательны, а это самое главное. Современный зритель ищет в кинематографе развлечения. Каждый номер газеты приносит столько безрадостных известий: большевики не платят долгов, немцы нарочно себя разоряют, чтобы не платить французам; благородная Франция, мученица мирового прогресса, встречает повсюду черную неблагодарность; дороговизна растет, налоги растут,—как же тут не искать забвения? Кинематограф дает это забвение. Это гигантское орудие воспитания и развращения масс, и надо отдать справедливость буржуазии, она прекрасно использует новейшую технику и новейшие изобретения.

Рядом со всеми этими мерами воздействия работают по развращению молодых мозгов школы светская и свободная. Свободная, т.-е. католическая школа значительно выросла за военное и послевоенное время. Борьба, которую свободная школа вела против светской в течение многих лет, привела, несомненно, к победе свободной школы. В демократической и антиклерикальной Франции поп приобрел очень большое значение. Католическая реакция густой сетью покрыла всю страну. Республика сейчас опять в добрых отношениях с римским престолом, и республиканские писатели пишут со слезами о том, что Франция является защитницей христиан на Востоке; вспоминают, что Францию со времени Людовика XIV уже издавна называли «старшей дочерью церкви». Все это вспоминается, когда нужно запустить лапы в Сирии или где-нибудь в другом месте. Французская школа является школой антисоциалистической, она вся построена на культе собственности и собственной добродетели. Учительство подвержено строгому контролю, при чем правительство ведет жестокую борьбу против крайних течений среди учителя. Высшие чины армии, весь генералитет открыто афишируют свою привязанность к церковной школе и к монархической реакции.

Кроме этих методов воздействия, мы имеем во Франции целую серию организаций, имеющих своей задачей борьбу с революцией. Эти организации носят название «гражданских союзов»

В нескольких статьях «Рабочей Жизни» тов. Эркле сообщил любопытные данные о характере деятельности и стремлениях этих гражданских союзов, уже сейчас готовящихся к роли спасителей порядка и собственности. Организации эти содержатся за счет крупных предпринимательских союзов. Они располагают обученными кадрами, и если они сейчас еще держатся в тени, то это потому, что правительство располагает еще достаточными силами, чтобы справляться с рабочими.

Так буржуазное государство и буржуазный класс всеми своими материальными и духовными средствами поддерживают свое господство, ломая всякое серьезное сопротивление, и им это тем легче делать, что рабочий класс Франции дезорганизован и ослаблен, а революционные организации пока еще не представляют собою такой силы, которая заставила бы дрожать за свои привилегии господствующие классы 3-й республики.

ГЛАВА III.

Экономическое положение рабочего класса.

Экономическое положение французских рабочих относительно лучше, чем положение рабочих в центральной Европе. Франция всегда страдала недостатком рабочих рук, и громадные потери, понесенные ею на войне, сказываются в настоящее время: ей приходится ввозить рабочую силу, в результате чего во всех пограничных департаментах работает очень много иностранцев. Сейчас замечается довольно большое количество цветного труда, который французские предприниматели ввозят из Африки и даже из Индокитая. Количество безработных незначительно, что крайне беспокоит французскую буржуазию. Отсюда ее упорное стремление увеличить количество рабочих во что бы то ни стало. Обращение к цветному населению колоний объясняется желанием иметь беспритязательные рабочие руки.

Последние два года проходят во Франции под знаком наступления предпринимателей на заработную плату, при чем во многих случаях понижение заработной платы удалось провести в жизнь. В прошлом году была большая забастовка на севере Франции среди текстильщиков, но предприниматели добились все-таки своего. Происходит постепенное понижение заработной платы по разным отраслям промышленности, и так как рабочие реагируют на этот нажим предпринимателей изолированно, то предпринимателям удается разбивать по частям отдельные колонны и группы рабочих.

В сносном положении находятся только лишь лучше оплачиваемые категории труда. Сейчас можно найти во Франции очень много рабочих, особенно работниц, работающих за нищенскую заработную плату. Имеется в провинции очень много мест, где рабочие получают 5—6 франков в то время, как заработная плата некоторых категорий высококвалифицированных рабочих доходит до 25—30 франков в день. Французская буржуазия неохотно собирает и публикует сведения о положении рабочего класса. Тем более интересны следующие официальные данные о заработ-

ной плате, приведенные министерством труда в законопроекте о социальном страховании:

Зароботная плата в год.	Число рабочих.		
	Мужчин.	Женщин.	Мужч. и женщ. вместе.
До 1.200 ф.	125.000	327.000	452.000
1.200— 2.400 "	566.000	1.346.000	1.912.000
2.400— 4.000 "	1.939.000	665.000	2.604.000
4.000— 6.000 "	1.392.000	337.000	1.729.000
6.000— 8.000 "	355.000	19.000	374.000
8.000—10.000 "	134.000	9.000	143.000
	4.511.000	2.703.000	7.214.000

Таким образом, если считать в году 300 рабочих дней (максимум, при котором не принимается в расчет ни безработица, ни болезнь), дневная плата рабочего колеблется между 4—30,30 франками.

Если мы соединим вместе 3 и 4 группу, т.-е. рабочих, получающих 2.400—4.000 фр. и 4.000—6.000 (к этим двум группам принадлежит большинство рабочих—4.336.000 на 7.214.000 всех рабочих), то оказывается, что средняя поденная плата для третьей группы равняется 10 фр., для четвертой—16.60 фр., а для обеих групп вместе—13.30 фр.

Если мы возьмем 1 и 2 группы наиболее низко оплачиваемых рабочих, то для них средняя плата равняется 5 фр.

И, наконец, для 2 последних групп, находящихся в более благоприятных условиях, то и для них средняя поденная плата равняется всего 25 фр., но они составляют всего одну тринадцатую часть всех рабочих.

Но это все средний заработок рабочего за каждый проработанный день. Если же мы захотим вычислить среднюю сумму, которой французский рабочий располагает в день, т.-е. разделим годовую плату не на 300 рабочих дней, а на 365, то окажется, что

452.000 рабочих могут тратить	3,25 фр. в день.
1.912.000 " " "	4,50 " "
2.604.000 " " "	8,50 " "
1.729.000 " " "	13,50 " "
374.000 " " "	20,00 " "
143.000 " " "	24,50 " "

Эти официальные цифры достаточно красноречивы. Нужно принять во внимание, что цифры эти относятся к середине 1921 г., и что если взять расходы на пропитание одного человека в 1914 г. за 100, то в середине 1921 г. эти расходы превышали 300, а к середине 1922 г.—350. Между тем, весь 1921 и 1922 г.г. происходит систематическое понижение заработной платы. В этом отношении крайне характерно положение горнорабочих. В конце 1921 г. заработная плата понизилась в Бургундии на 15 проц.

(с 19 фр. до 16,50), в Лауре на 15 проц. В Айвероне плата понижена для взрослых на 4 франка, для подростков—на 3 фр. (с 19 упала до 15), в Дофине понижена на 12 проц. В марте 1922 г. началась новая полоса сокращения заработной платы. По этому поводу секретарь синдикатов Гарда и Ардеж сообщает, что с 1920 г. рабочие подвергались уже три раза понижениям заработной платы. Последнее понижение произошло в июле 1921 г. Оно сократило ежедневную заработную плату на 3 фр. 50 снт. Новое понижение сократит заработок рабочих опять на 2 фр. 50 снт.

Ежедневный заработок забойщика составлял в 1914 г. 6 фр., в сентябре 1920 г. он достиг 20 фр. После сокращения, произведенного в 1921 г., ежедневный заработок рабочих упал до 16 фр. 50 снт.

Понижение заработной платы коснулось в одинаковой степени всех категорий горнорабочих.

Индекс цен, установленный в марте 1922 года префектом департамента Гарда, указывает расходы семьи, состоящей из 4-х человек. Расходы эти составляют следующим образом:

1. Питание	1597 фр.	1914 г.
" " " " " "	6017 "	1922 "
2. Отоплен. и освещ.	145 "	1914 "
" " " " " "	629 "	80 с. 1922 "
3. Квартира	220 "	1914 "
" " " " " "	640 "	1922 "
4. Обмундирование	600 "	1914 "
" " " " " "	2000 "	1922 "
5. Налоги и разн. расх.	89 "	1914 "
" " " " " "	523 "	1922 "

В сумме индекс цен составлял в марте 1922 года 370,80. После марта цены поднялись еще выше, так что в настоящий момент можно считать, что индекс равняется 390.

Согласно официальным данным, семья из 4-х человек должна тратить минимально 9.800 фр. в год.

После понижения заработной платы, произведенного в июле 1921 г., рабочий зарабатывает не больше 5.148 фр. в год., даже если он не теряет ни одного рабочего дня. («Ле Пепль», 3 июня 1922 г.).

Этот нажим на заработную плату перенесен также на государственных служащих. В последнее время усиленно дебатировался вопрос об отмене прибавок на дороговизну, каковые получали все государственные служащие. Но эта попытка до сих пор не удалась. Она вызвала большой протест со стороны всех служащих, даже об'единила различные враждебные течения в противодействии правительству, и правительство вынуждено было отступить. Но это отступление временное, и правительство наметило для себя уже вопрос об обязательном удешевлении государственного аппарата, при чем само удешевление, конечно, должно быть произведено за счет понижения жизненного уровня низших:

государственных служащих. Если сравнить заработную плату и дороговизну до войны с современной заработной платой и ценами на предметы первой необходимости, то и для Франции имеется понижение жизненного уровня, ибо в общем заработная плата не следует за дороговизной жизни.

Несмотря на то, что заработная плата отстает от дороговизны жизни, французский пролетариат в общем удерживает относительный жизненный уровень, ниже которого буржуазии трудно его столкнуть. Здесь сказывается характерная особенность французского пролетариата. Он не располагает большими организациями. Количество членов союза в общем незначительно, но есть грань, за которую неорганизованные рабочие не переходят, и союзам удается проводить довольно успешно забастовки, которые поддерживаются и неорганизованными рабочими. В этом отношении в современной Франции сохранилась старая традиция: слабая организованность пролетариата при сравнительной активности неорганизованной рабочей массы каждый раз, когда происходит покушение на ее экономические завоевания, когда имеется попытка понизить ее жизненный уровень. Многомесячная забастовка 15.000 рабочих Гавра тому блестящий пример.

Начиная с конца 1920 года, борьба во Франции заостряется, с одной стороны, вокруг вопроса о заработной плате и, с другой— вокруг 8-часового рабочего дня. Вся сила и мощь предпринимательских организаций Франции в течение всего этого времени была направлена на то, чтобы подготовить почву для увеличения рабочего дня во Франции. В этом отношении была проделана большая агитационно-пропагандистская работа в международном и национальном масштабах; затем французские предприниматели начали свою пропаганду действием, но встретили довольно энергичный отпор со стороны рабочих. Благодаря расщепленности французского пролетариата, слабости его организаций в некоторых отраслях, предпринимателям удалось уже фактически отменить 8-часовой рабочий день. Эта отмена 8-часового рабочего дня начинается обычно с «перегруппировки» часов работы, т.-е. с установления 9-часового рабочего, 10-часового, затем общие расценки понижаются, и, таким образом, рабочий получает за свои 9—10 часов работы меньше, чем он зарабатывал раньше за 8 часов. Эта стратегия проводится успешно в некоторых областях Франции, и можно констатировать, что в последние два года положение рабочего класса во Франции заметно ухудшается. Оно ухудшается не только благодаря наступательным действиям со стороны предпринимателей, но и благодаря тому, что налоговый пресс продолжает действовать и что рабочий класс привлечен к несению налоговой повинности. Введен налог на заработную плату, при чем он встречает, надо признать, очень сильный и резкий протест среди рабочих, как организованных, так и неорганизованных. Обычно эта борьба ведется следующим образом: рабочие отказываются платить, и когда приходит судебный пристав и начи-

нает описывать их вещи из-за неплатежа налогов на заработную плату,—рабочие не только данного предприятия, но и данного района устраивают ряд манифестаций, начинается забастовка протеста из-за солидарности, и таким образом французские рабочие оказывают противодействие этой новой форме дополнительного понижения жизненного уровня. Но надо отметить, что выступления носят по преимуществу эпизодический характер и поэтому не могут, конечно, произвести того впечатления, какое нужно для того, чтобы центральный правительственный аппарат изменил свою налоговую политику. Это тем труднее сделать, что реформистская конфедерация труда выступает за введение налога на заработную плату под тем предлогом, что все должны платить подоходный налог и что рабочие в качестве граждан не должны быть освобождены от исполнения своих гражданских повинностей.

Если сравнить положение рабочего класса во Франции и в Германии, то, несомненно, жизненный уровень французского рабочего значительно выше. В Германии рабочий в среднем получает сейчас приблизительно одну треть того, что он получал до войны. Это понижение жизненного уровня немецкого пролетариата, вызванное общим разорением и истощением Германии, показывает французскому пролетариату ту дорогу, на которую фактически он уже вступил. Довольно трудно найти во французской литературе, профессиональной и политической, подробные цифровые данные, на основании которых можно было бы охарактеризовать степень понижения жизненного уровня. Но, насколько можно судить по косвенным данным, этот уровень в общем и целом понизился процентов на 20. Рабочий класс Франции пока держится на этом уровне, но вся борьба в настоящее время заостряется вокруг этого вопроса. Франция для того, чтобы конкурировать на мировом рынке, должна стремиться к понижению заработной платы и ухудшению жизненного уровня масс, а это, в свою очередь, будет увеличивать напряженность борьбы и толкать рабочий класс к организации противодействия не только в местном, но и в национальном масштабе.

Коммунистическая партия Франции.

Коммунистическая партия Франции сложилась и оформилась на конгрессе в Туре (декабрь 1920 г.), где произошел раскол. Большинство съезда объединенной социалистической партии Франции высказалось за принятие тезисов Коминтерна, а меньшинство откололось. Обе партии сохранили старое название, при чем одна называлась «Французская секция Коммунистического Интернационала», а другая—«Французская секция рабочего Интернационала». В отличие от многих других стран, где коммунистическая партия составляет меньшинство в политическом рабочем движении страны, здесь коммунистическая партия с момента своего воз-

никновения владела партийным аппаратом и воспользовалась тем, что формальное большинство было на ее стороне. Это имело свои положительные и отрицательные стороны. Положительная сторона заключалась в том, что, примкнув к Коммунистическому Интернационалу, партия сразу выступила, как определенно сложившаяся политическая сила, и всем наличным своим аппаратом могла вести и продолжать ту политическую борьбу, которая стояла в порядке дня во Франции. Отрицательная сторона заключалась в том, что за большинством последовало много колеблющихся элементов, которые остались в коммунистической партии по мотивам формального характера и представляли собою скорее гири на ногах коммунистической партии. Кроме того, эта коммунистическая партия унаследовала очень много традиций от старой социалистической партии, которые составляли слабую сторону французского политического движения. Эти традиции дают себя еще знать, и они до настоящего времени представляют собою больное место французской коммунистической партии. Традиции эти тройкого рода: 1) парламентская практика, 2) организационная структура партии и методы ее работы, 3) взаимоотношение между политической партией и профсоюзами.

Во время раскола громадное большинство депутатов и «профессионалов политики» перешло, как это имело место во всех странах, к реформистам. С коммунистической партией осталась небольшая группа в 15 человек, но даже и эта группа в 15 человек не совсем отдавала себе, как и сейчас не отдает, отчета в том, что представляет собою коммунистический парламентаризм. Французская коммунистическая партия делает оппозицию в парламенте, ее выступления носят ярко оппозиционный, но очень часто недостаточно революционный характер. Политические нравы Франции таковы, что некоторая близость складывается между депутатами разных партий, и вся политическая борьба, несмотря на внешнюю, иногда резкую форму, по существу своему недостаточно еще противопоставляет коммунистическую партию и рабочий класс Франции всему режиму и всему национальному блоку. Затем в области парламентской и муниципальной тактики имеется целый ряд таких моментов, которые представляют собою очень большую опасность для коммунистической партии. В последнее время по всей Франции происходили выборы в муниципалитеты, куда коммунистическая партия провела очень много кандидатов, но здесь выяснился грех еще старой социалистической партии, что кандидаты были недостаточно хорошо профильтрованы и выборы происходили не под коммунистическими лозунгами, а под лозунгами оппозиции правительству вообще. Наконец, было несколько любопытных фактов в связи с избирательной кампанией, когда кандидаты, как, например, Барон, Барабан и другие, в своих выступлениях старались возможно меньше говорить о коммунизме, а в своих избирательных воззваниях обходили вопрос о коммунизме и коммунистической партии молчанием. Это закругление углов,

это стремление во что бы то ни стало получить голоса в ущерб своей пропаганде,—один из старых грехов французской объединенной социалистической партии, который перешел в партию коммунистическую. С другой стороны, ряд руководителей муниципальной политики в том зависимом положении, в котором находятся муниципалитеты во Франции, стремятся к «положительной» работе, почти не используя свое положение руководителей муниципалитета для коммунистического просвещения масс. Увольнение мэра Андре Моризэ за его резкий отказ участвовать в патриотических манифестациях показало, что стоит только повести действительную коммунистическую работу, как немедленно происходит столкновение с государством.

Мне пришлось, например, видеть следующее. Я шел по Сэнт-Уану с т. Монмуссо, который вдруг схватил меня за руку, остановил и сказал: «Смотрите вот на эту афишу, прочитайте ее и скажите мне ваше мнение о французской коммунистической партии». Я остановился и увидел следующее: на афише сообщается о том, что в мерию Сэнт-Уана такого-то числа состоится 10-й или 11-й вечер какого-то общества под председательством мэра, коммуниста Кардона, а потом прибавлено: «под почетным председательством Раймонда Пуанкаре». Надо знать ту ненависть, которую внушает революционной Франции Пуанкаре, чтобы понять возмущение такого рода более чем странным соседством. Возможно, что Пуанкаре является давнишним почетным председателем этого общества, но отсюда не следует, чтобы мэр-коммунист председательствовал на годовом празднике этого общества и никто не может его заставить писать свое имя рядом с именем господина Пуанкаре. Этот пример свидетельствует о довольно легкомысленном отношении некоторых членов партии к такого рода компромиссам, которые ничего общего с коммунизмом не имеют. Они угрожают партии возрождением старых оппортунистических методов объединенной социалистической партии и возрождением на этой почве анти-парламентских течений.

Французская коммунистическая партия построена так же, как и старая объединенная социалистическая партия. Партия не имеет ячеек в предприятиях и учреждениях, ячейки ее не живут производственной жизнью, коммунисты целого района собираются вместе и составляют партийную организацию того или другого округа или того или другого города. Каждая федерация пользуется автономией, а во главе партии стоит Ц. К. из 24 человек, которые имеют трех секретарей: генерального секретаря, административного секретаря и секретаря по международным сношениям. Ц. К., состоящий из 24 человек, занимается обычно всеми вопросами. Благодаря этой структуре, Ц. К. вынужден посвящать $\frac{3}{4}$ своего внимания не вопросам принципиальным, не вопросам общеполитическим, а вопросам организационного характера, которые могли бы быть разрешены небольшой коллегией. Эта структура партии, которая не опирается на ячейки в предприятиях, не дает возмож-

ности партийной организации использовать и охватить все революционное движение страны. Секции и районы обнаруживают слабые признаки жизни, и активность районов увеличивается в связи лишь с избирательными кампаниями. Во время моего пребывания во Франции, во всех районах Парижа стоял вопрос относительно единого фронта. Это был вопрос, который больше всего волновал французскую коммунистическую партию, при чем именно здесь, во Франции, идея единого фронта встретила наиболее резкие возражения. Но и здесь, как и в остальных вопросах, Ц. К. не взял на себя инициативы, чтобы наметить линию поведения; большинство членов Ц. К. были враждебны идее единого фронта, они высказывались в газетах и проч., но постановка этого вопроса в партийной прессе была очень плохо подготовлена центральным комитетом, и поэтому тратилось колоссальное количество времени для того, чтобы раз'яснить самые элементарные вопросы, связанные с этой тактикой. Руководящий партийный орган не берет на себя инициативу, а ждет, пока инициатива придет из секции, боясь, как бы постановка новых вопросов не вызвала противодействия и протестов и не встретила бы сопротивления со стороны тех или других местных организаций. Слабость этой постоянной, поднимающей активность всей партии, инициативы обращает на себя внимание, когда присматриваешься к регулярной и повседневной работе братской коммунистической партии.

Здесь будет уместно также обратить внимание и на особое положение, которое занимают литераторы во французской коммунистической партии. Французская традиция заключается в том, что журнализм рассматривается так же, как любая другая профессия, и поэтому партия очень терпимо относится к тем своим членам, которые работают также и в буржуазной прессе. Эта старая болезнь французского социализма осталась, к сожалению, также и внутри коммунистической партии. Имена французских коммунистов можно встретить в совершенно различных комбинациях, в разного рода газетах и журналах. Есть коммунисты, которые систематически работают в крупной провинциальной буржуазной прессе, пишут там даже передовые статьи, берут на себя руководство отделами и т. д. Это своеобразное понимание свободы для партийных журналистов привело к тому, что члены партии не задумываются издавать газеты, которые ведут анти-партийную, анти-коммунистическую линию, при чем понадобилось, как известно, вмешательство Коминтерна для того, чтобы освободить французскую коммунистическую партию от гражданина Фабра с его журналом и побудить французскую коммунистическую партию заняться литературными упражнениями Бризона и целого ряда других бойких французских журналистов.

Есть еще одна болезнь французской коммунистической партии, которая тоже является унаследованной. Это — вопрос о взаимоотношениях между рабочими и интеллигенцией. Французская коммунистическая партия имеет в своем составе значитель-

ные кадры рабочих, но уже издавна завелось так, что рабочие играют в партии не главную роль. Во главе все время стояли интеллигенты, при чем в их руках фактически была как партийная пресса, так и партийное политическое руководство. Но опыт французского рабочего движения обнаружил факт крайне быстрого изнашивания руководящего политического персонала. Ни одна страна в мире не видела таких быстрых метаморфоз, таких быстрых изменений и перескакиваний с крайнего левого на крайний правый фланг, как это имело место во французском рабочем движении. Традиция французского рабочего движения заключается в громадном недоверии к выходцам из другого класса, и это недоверие привело, как известно, к противопоставлению партии профсоюзам и длительной борьбе между Конфедерацией Труда и Об'единенной социалистической партией Франции.

«Я верил в Гэда, как в бога,—сказал мне старый гэдиог и член Ц. К. французской коммунистической партии, рабочий Картье,—теперь никому не верю. Вы слышите, никому!»

Это недоверие в массах и среди членов партии рабочих к своей партийной интеллигенции находит свое отражение и в неуверенности руководящего персонала партии. Во французской коммунистической партии можно встретить рабочих, которые не рассматривают коммунистическую партию как рабочую организацию. Чувствуя всю недостаточную спайку, недостаточную близость и недостаточное влияние на судьбы партийного аппарата и партийной политики, они начинают создавать теорию, что настоящая рабочая организация, это — профсоюз, а партия является только лишь вспомогательным аппаратом, организацией, которая объединяет элементы, не могущие быть членами в профсоюзах. Неуверенность в пролетарской сущности партии сквозит у многих товарищей, с которыми мне приходилось говорить. Эта неуверенность проявляется в позиции коммунистической партии, она находит новое выражение в ряде выступлений и в некоторых даже резолюциях. Коммунистическая партия Франции, несмотря на то, что она имеет очень значительные кадры рабочих, не выделила из них достаточного количества руководителей и не срослась еще настолько с массовым рабочим движением, чтобы чувствовать себя органической частью и авангардом рабочего класса страны.

Что же представляет собой коммунистическая партия в смысле количества и качества ее членов? Прежде всего о количестве.

1914 (июль)	Конгресс в Париже	93.208
1920 (февраль)	„ „ Страсбурге	138.927
1920 (декабрь)	„ „ Туре	178.787
1921 (октябрь)	„ „ Марселе	131.477
1922 (март)	„ „ —	60.000
1922 (июль)	„ „ —	90.000

Перед нами количественный кризис. Партия за шесть месяцев потеряла несколько десятков тысяч человек. Каковы причины этого кризиса? Признанный руководитель французской коммунисти-

ческой партии, тов. Фроссар, сводит причины этого кризиса к следующему:

1) Присоединение к III Интернационалу было завоевано благодаря существовавшему тогда революционному мистицизму и настоящему культу Советской России. Шли в Коминтерн, как к близкой и легкой победе мировой революции. Вместе с новой экономической политикой, началась критика Советской России. Авторитет ее понизился. Те, кто пришел к нам из-за моды, ушли от нас.

2) Раскол профессиональных союзов лишил нас большого количества хороших товарищей, которые не могли порвать с реформистской Конфедерацией Труда. Принужденные выбирать, они оставили партию.

3) Наши внутренние разногласия, неожиданно проявившиеся на конгрессе в Марселе, отдалили от нас известное количество членов.

4) Удвоение взносов и тяжелые финансовые жертвы также в значительной степени колебали наши кадры.

Тов. Фроссар думает, что можно было бы быстро восстановить старое положение, если бы партия располагала «достаточными административными и пропагандистскими силами. К несчастью, наши кадры часто не имеют теоретического багажа и политического опыта. Мы их импровизировали на другой день после раскола: авторитет их растет, но нужно будет время для того, чтобы они могли отвечать необходимым требованиям».

«Раскол лишил партию большинства ее депутатов, ее пропагандистов и ее администраторов»,—говорит тот же Фроссар в своем докладе марсельскому съезду. Этим же объясняет тов. Фроссар успех диссидентов на последних кантональных выборах.

«Соответствуют ли,—спрашивает он,—кантональные выборы нашим надеждам? Мы без колебаний говорим—нет. Из рассмотрения этих выборов видно: 1) Коммунистические идеи часто отступают в городах (кроме Парижа) и развиваются в деревнях. 2) В важнейших рабочих районах: север Па-Де-Калэ, устье Роны, Жиронда, избирательные силы социалистов больше наших. 3) Поражение национального блока произойдет в пользу левого блока, в который уже записались социалисты. 4) Левый блок, с точки зрения избирательных соглашений, имеет соблазны, против которых нам надо будет застраховать некоторых наших товарищей.

«Наше поражение в городах объясняется в первую голову расколом профессионального движения. Социалисты на севере собрали 100 тысяч голосов, тогда как мы—только 60 тысяч. Их голоса в громадном своем большинстве принадлежат рабочим. Наше поражение зависит от того факта, что во время раскола партии подавляющее большинство социалистических депутатов, политические и профессиональные чиновники, одним словом, профессионалы социалистической политики, которые на протяжении четверти века создали себе там настоящую клиентелу, перешли в лагерь наших противников. Мы можем им противопоставить хотя

в высшей степени преданных, но молодых товарищей, которые только лишь по мере развития событий приобретут должное влияние на пролетариат».

Нам кажется, что кризис в партии и победы в некоторых департаментах диссидентов зависят не только от вышеуказанных причин. Недомогание коммунистической партии зависит еще от следующего:

1) Недостаточная идейная однородность партии. Коммунистическая партия составила из разных течений старой партии. В нее вошли,—дело идет о руководящем персонале,—бывшие гедисты, бывшие жоресисты, бланкисты и много анархо-синдикалистов.

2) Тактика партии была недостаточно последовательной и гибкой, и поэтому не могло создаться крепкое, как гранит, большинство, без которого невозможна коммунистическая политика.

3) Когда начинались колебания в рядах партии, центральный комитет занимал выжидательную политику, что еще более увеличивало колебания и путаницу. Это с особой четкостью проявилось в деле Фабра.

Несмотря на эти недостатки, мы имеем во Франции довольно крепкую коммунистическую партию с большим влиянием на широкие трудящиеся массы. Фроссар не преувеличивает, когда говорит в том же докладе: «мы продолжаем быть, несмотря ни на что, лучше организованной и наиболее многочисленной партией» (во Франции). Коммунистическая партия Франции обладает довольно солидной прессой. Из шести ежедневных газет диссиденты захватили пять. В руках коммунистов остался центральный орган «Юманите». Но эта одна газета стоила не только пяти, но и 15 провинциальных газет. Тираж газеты «Юманите» доходил до 250.000, а сейчас он держится на уровне 200.000. *Эта самая распространенная коммунистическая газета во всем мире.* Партия имеет еще шесть ежедневных газет, из которых одна выходит на арабском языке в Тунисе и две в Эльзас-Лотарингии. Кроме того, она имеет около сорока еженедельников, выходящих в провинции. Силу коммунистической партии признает и французская буржуазия. Если же партия еще не имеет достаточного влияния на организованные рабочие массы, то это потому, что большое количество передовых рабочих стоит вне и против партии, оспаривая у нее, под флагом независимости и автономии профдвижения, влияние на массы. Французской коммунистической партии придется вести борьбу не только с реформистской партией, но и с партией анархо-синдикалистской, выступающей под флагом беспартийности и чистого синдикализма. Прибавьте к этому оппортунистический груз внутри партии и борьбу левого крыла против этих оппортунистических тенденций и вы будете иметь представление о состоянии и характере французской секции Коммунистического Интернационала.

ГЛАВА IV.

Коммунистическая партия и профсоюзы.

Я уже указывал выше, что традиции французского организованного рабочего движения заключаются в подозрительном отношении ко всем политическим группировкам. Через социалистические партии, как известно, прошли Мильеран, Бриан, Жеро, Ришар, Эрве и целый ряд государственных и общественных деятелей Франции, которые стали потом худшими врагами рабочего класса. Старая традиция французского социализма, это—преклонение перед формальной демократией: «Развернутая и последовательная политическая демократия приведет безболезненно к демократии социальной»,—таково содержание всего жоресизма, и так как во Франции имелось много искренних буржуазных демократов, которые тоже мечтали о «настоящей» демократии, то отсюда постоянные стремления к сотрудничеству и к коалиции с радикальной «внеклассовой», т.-е. мелкобуржуазной, демократией. Эти стремления всегда были сильны внутри об'единенной социалистической партии Франции.

В об'единенной партии безраздельно господствовал реформизм, имевший в лице Жореса талантливый и благородный идеолог. Партия была по существу не более, как левым флангом буржуазной демократии. Неудивительно, что эта политика встретила в рядах рабочего класса противодействие. Реакция против теории и практики реформизма нашла свое выражение в профдвижении под именем революционного синдикализма. Революционный синдикализм приблизительно с 1900 года начинает играть значительную роль во Франции, при чем по мере роста профдвижения, оформления его идеологии, росли противоречия между социалистической партией и революционной конфедерацией труда. Взаимное содействие становилось все сильнее и сильнее. В профсоюзах создалась теория нейтралитета и универсальности профдвижения, т.-е. одинакового отношения ко всем политическим партиям, как буржуазным, так и социалистическим, и идея о том, что синдикализм достаточен для всего (*Le Syndicalisme suffit à tout*). Это привело к знаменитой Амьенской хартии, которая поставила профдвижение вне всяких политических группировок, провозгласив

формулу полной автономии и абсолютной независимости профдвижения.

Как же реагировала на это об'единенная социалистическая партия? Конгресс в Лиможе (1906), происшедший после Амьенского с'езда Всеобщей Конфедерации Труда, принял по этому вопросу резолюцию Жореса-Вальяна, которая по существу санкционирует точку зрения революционных синдикалистов, устанавливающую два параллельных, независимых друг от друга движения—политическое и экономическое. Вот эта, в высшей степени интересная резолюция:

«Конгресс, считая, что рабочий класс сможет освободиться только лишь соединенными силами политического и синдикального действия — синдикализмом, идущим до всеобщей стачки, с одной стороны, и завоеванием всей политической власти в целях капиталистической экспроприации, с другой; считая, что эта двойная борьба будет тем более действительной, что организмы политический и экономический будут пользоваться полной автономией; считаясь с резолюцией Амьенского конгресса, провозглашающей независимость синдикализма по отношению ко всякой политической партии, ставя в то же время перед синдикализмом цель, которую единственно социализм как политическая партия признает и преследует; принимая во внимание, что эта фундаментальная согласованность политической и экономической борьбы приведет с необходимостью, без путаницы, подчинения и недоверия к свободному сотрудничеству обоих организмов,— конгресс приглашает всех членов партии сделать все, что от них зависит, чтобы рассеять всякие недоразумения между Всеобщей Конфедерацией Труда и политической партией».

Вся резолюция от начала до конца крайне характерна. Прежде всего характерно, что она подписана не только Жоресом, но и бланкистом-бунтарем Вальяном. Партия этой резолюцией признает независимость профдвижения и только выражает надежду на сотрудничество. Нет попытки подвергнуть критике анархическую идеологию и формулу «синдикализм достаточен для всего». Партия уклоняется от спора по существу, признавая этим, что она больше парламентская, чем рабочая партия. Традиция Жореса-Вальяна владеют до сих пор умами многих и многих коммунистов в вопросе о профсоюзах. Коммунистическая партия долго не смела поднять своего голоса в вопросах синдикальной политики, считая профессиональное движение заповедной рошей, куда коммунистам ход воспрещен.

Наблюдая рабочее движение Франции, следя за заседаниями коммунистических секций и профессиональных с'ездов, вы видите, каким образом раздваивается сознание французских коммунистов. На пороге профсоюза коммунист считает необходимым торжественно провозгласить, что он не питает никаких политических и партийных намерений, работая в союзе, что он не менее других стоит за автономию и независимость профдвижения. Чем

объясняется такая идеология? Это объясняется, конечно, не только традицией, но и соотношением сил внутри рабочего движения страны. Теория независимости профдвижения выросла на почве слабости партии и ее крайне медленного революционного самоутверждения. Коммунистическая партия—это видно было накануне Сент-Этьенского конгресса—даже афиширует свой взгляд на независимость профдвижения. Не случайно ведь генеральный секретарь партии, т. Фроссар, за месяц до Сент-Этьенского конгресса писал, что французская коммунистическая партия продолжает в этом вопросе «славные традиции Жореса».

Надо иметь в виду, что вне коммунистической партии Франции имеется значительный кадр передовых рабочих, могущих руководить и действительно руководящих рабочим движением и выступающих под знаменем синдикализма. В этом отношении очень характерна дискуссия, которая возникла в связи с резолюцией с'езда в Марселе о профсоюзах.

На этом с'езде партия впервые заняла позицию в вопросах профдвижения и наметила линию поведения для своих членов. Самая попытка принять тезисы по профдвижению встретила резкий отпор со стороны синдикалистов, которые настойчиво проводят ту мысль, что партия не имеет права вмешиваться в чужие дела. Во время Марсельского конгресса выяснилось, что есть много членов партии (Лафон, Маю, Кентон, Вердые и т. д.), стоящих тоже на точке зрения «невмешательства». Несмотря на противодействие со стороны целой группы работающих в профсоюзах членов партии, вопрос был обсужден на с'езде, и таким образом партия осуществила свое право иметь свое мнение по вопросам профдвижения. Тезисы оспаривают формулу, что «синдикализм достаточен для всего», подчеркивают волю партии соблюдать традиционную автономию французского профдвижения и намечают основные задачи коммунистов в профдвижении. В этой резолюции в осторожной форме выражена мысль о том, что партия является авангардом пролетариата. Это вызвало очень резкий протест не только со стороны анархистов и анархо-синдикалистов, но и со стороны синдикалистов-коммунистов и многих членов партии, которые заявили, что никоим образом не могут согласиться с этой точкой зрения. «Авангард пролетариата,—заявляла, например, «Рабочая Жизнь»,—находится в профсоюзах, а не в коммунистической партии. Мы никогда не согласимся с тем, что люди, стоящие вне профсоюзов, журналисты, адвокаты и литераторы, только потому, что они находятся в партии, могут быть авангардом пролетариата. Мы сами свой собственный авангард». Сам по себе этот спор свидетельствует с несомненностью о ненормальном состоянии коммунистического движения в стране. Если бы партия впитала в себя большее количество руководящих пролетарских элементов, если бы она привлекла в свои ряды значительный кадр прошедших суровую классовую школу руководителей профдвижения, этот спор не имел бы почвы, ибо в ее рядах были бы сконцен-

трированы наиболее боеспособные элементы пролетариата. Этот спор вновь разгорался накануне и во время Сент-Этьенского конгресса именно потому, что партия, несмотря на свой рабочий острот, не воспитала еще широкого кадра рабочих руководителей массового движения, не сумела доказать революционной повседневной борьбой, что она является действительным и единственным авангардом рабочего класса Франции. Такие вопросы решаются не отвлеченной теорией, а боевой практикой.

Такие взаимоотношения между партией и профсоюзами об'ясняются еще тем, что во Франции старые профсоюзы и молодая коммунистическая партия. Профсоюзы выдвинули идею автономии и независимости в свое время по отношению к реформистскому социализму, а затем эта идея стала самодовлеющей, и она сейчас выдвигается также и против коммунистической партии, которая, несмотря на свое несомненное влияние и большие симпатии в массах, должна еще доказать в больших и серьезных классовых битвах, что она не одна из многочисленных политических партий, а единственная революционная партия пролетариата. Коммунистической партии Франции недостает опыта массовой борьбы, за нею пока что имеется только лишь опыт пропаганды и агитации, а это, конечно, недостаточно для того, чтобы в мелкобуржуазной стране, порождающей анархические и оппортунистические настроения, стать общепризнанным и единственным руководителем и вождем революционного класса.

Французская социалистическая партия.

Эта партия сложилась из меньшинства на Турском конгрессе. Это меньшинство об'единило, с одной стороны, всех наиболее выдающихся социал-патриотов как Рендель, Брак, Компер-Морель, Самба и т. д., и, с другой стороны, умеренных интернационалистов пацифистского толка в роде Лонгэ, Поля Фора, Прессмана и других. С первого дня рождения этой новой партии Лонгэ оказался на левом фланге, а Рендель продолжал гнуть ту самую линию, которую он гнул во время войны. Так как коммунистов в партии уже не было, то в ней начала развиваться старая французская коалиционная болезнь и величайшая тяга к блоку с буржуазией. Правда, левое крыло не особенно радостно настроено по поводу предстоящего блока, но это левое крыло, наиболее крупным представителем которого является Лонгэ, бесхребетное и идет на поводу у правого крыла. Официальным вождем партии является левый—Леон Блюм. В минуты просветления,—это бывает с ним очень редко,—он говорит довольно здравые вещи. Так, например, после убийства Ратенау он договорился до того, что вся беда Германии заключается в том, что она не прошла через режим революционной диктатуры, которая бы с корнем уничтожила реакцию. Когда коммунистическая пресса подхватила это

его утверждение и спросила, как же вяжется его взгляд с его постоянной борьбой против революционной диктатуры в России, он нечленораздельно начал объяснять, что, собственно говоря, в России не настоящая диктатура, в то время как во Франции, во время Великой революции, была диктатура настоящая.

Партия имеет пару десятков тысяч членов, очень слабую прессу, но большую парламентскую фракцию. Во время раскола больше $\frac{3}{4}$ парламентской фракции (около 50 человек) перекочевали к меньшинству партии. Давно уже замечено, что парламентские фракции всегда правее партии в целом. Это блестяще оправдалось во Франции, также как и в Италии и в других странах. Социалистическая партия имеет несколько блестящих ораторов, много публицистов, большое количество адвокатов, но очень мало рабочих. Тем не менее она имеет политическое влияние на значительные слои рабочих. Полсотни депутатов—большая политическая сила. Они оказывают постоянное воздействие на своих избирателей, и, таким образом, хотя эта партия не имеет серьезного, организованно-партийного аппарата, тем не менее с ней приходится считаться в политической жизни Франции. Вообще во Франции все партии слабо организованы. Буржуазные партии, радикалы, радикал-социалисты, республиканская левая и т. д., не имеют постоянных кадров, они живут интенсивной жизнью только во время избирательных кампаний. У них есть постоянный штаб; партия возрождается каждый раз, когда нужно производить выборы. В этом отношении социалистическая партия приближается к буржуазной. Социалистическая партия сохранила за собой, кроме депутатов, много пропагандистов, кооператоров, администраторов и профессиональных чиновников. Сила ее в этом офицерском и унтер-офицерском составе. Несмотря на то, что партия диссидентов в несколько раз меньше, чем коммунистическая партия, она имеет больше партийных профессионалов, чем эта, последняя.

Социалистическая партия формально принадлежит к $2\frac{1}{2}$ Интернационалу. Но почему Рендель, Самба и Брак должны быть в $2\frac{1}{2}$ Интернационале, а не во 2, этого никто толком объяснить не может. Что отделяет эту партию от 2 Интернационала? Чем отличаются руководители этой партии от Вандервельде, Тома Шоу, Гендерсона и других? Правда, некоторые из них, как Лонге и Прессман, были во время войны умеренными интернационалистами, но они были всегда за национальную оборону, они за нее и сейчас и между ними и 2 Интернационалом нет принципиальных разногласий, а есть некоторые тактические разногласия, которым они сами не придают большого значения. И неслучайно французская социалистическая партия устраивала несколько раз совещания с бельгийской рабочей партией: взаимное притяжение этих партий объясняется их одинаковыми платформами, поскольку центральным пунктам этих платформ является борьба против Коммунистического Интернационала и его влияния на рабочее движение. И

здесь левое крыло французской социалистической партии, которое худо ли, хорошо ли,—скорее худо,—делало оппозицию Реноделю и Самба, теперь благополучно осуществляет их политику, часто даже не замечая этого.

Партия серьезно готовится к предстоящим в 1924 году выборам. Там имеется серьезное течение за вхождение в левый блок. Несмотря на то, что французский социал-патриотизм себя в конец дискредитировал во время войны и непосредственно после нее, есть еще известные слои рабочих, которые идут за этой партией. По крайней мере, на последних муниципальных выборах социалисты во многих промышленных департаментах получили довольно большое количество голосов.

Партия эта является наследницей старой социалистической партии с ее оппортунизмом и соглашательством. Она не более, как левый фланг буржуазной демократии, и в этом отношении она целиком осуществляет заветы Жореса, на которого часто зря ссылаются наши товарищи коммунисты во Франции. Жорес был крупнейшим трибуном, он был демократом до мозга костей. Он стоял за мирный переход от развернутой демократии к социализму, он был против диктатуры пролетариата. Этот талантливый трибун был убит накануне войны за то, что вел ожесточенную борьбу против поджигателей мирового пожара. Имя его благодаря мученической смерти справедливо окружено ореолом, и коммунисты первые должны воздать должное его памяти. Но отсюда ни в коем случае не следует, что коммунисты должны стремиться осуществлять все его заветы. Мы увидим дальше, что коммунистическая партия часто грешит в этом. Не все, что сделал и написал Жорес, принадлежит нам; большая часть, несомненно, принадлежит социалистической партии Франции, которая наиболее полно и наиболее ярко отражает традиции французского реформизма, наиболее блестящим представителем которого и был покойный Жорес.

Социалистическая партия Франции является по своему составу, по своим политическим тенденциям и по своей деятельности живым призывом к объединению 2 и 2½ Интернационалов. Сейчас, когда независимые социал-демократы Германии объединились с шейдемановцами, эта тяга еще увеличится во Франции, и мы, таким образом, в кратчайшее время увидим ликвидацию 2½ Интернационала и воссоединение бывших умеренных интернационалистов с неумеренными патриотами в едином Интернационале националистов, каковыми является фирма Вандервельде, Гендерсон, Шейдеман и К^о.

Социалистическая партия ведет бешеную борьбу против коммунистов, обвиняя коммунистов в расколе пролетариата, требуя воссоздания единства. Надо сказать, что внутри коммунистической партии это постоянное напоминание о расколе находит отклик. Там имеется ряд элементов, которые вздыхают «о прошедшем несчастье» и мечтают о том моменте, когда будут «зале-

чены раны», нанесенные французскому рабочему движению Коминтерном, ибо оппортунистические элементы французского рабочего движения,—а таковые имеются и внутри коммунистической партии,—рассматривают раскол не как объективную необходимость, не как шаг вперед по пути развития самоопределения рабочего движения во Франции, а как случайный эпизод, вызванный благодаря brutальной и раскольнической политике Москвы, эпизод, который нужно возможно скорее изжить, соединив разорванные части.

Я уже указывал выше, что во время раскола в коммунистической партии остались некоторые элементы не потому, что они были коммунистами, а потому, что коммунисты были в большинстве. Эти элементы, представляющие из себя до сих пор чужеродное тело внутри партии, чутко реагируют на разговоры об единстве, заражая весь партийный организм постоянным нытьем о необходимости «воссоединения», совершенно не понимая, что единство пролетариата будет создано в революционной борьбе и в революционном действии. Социалистическая партия подхватила лозунг единого фронта, объясняя его как единство организации. «Незачем было раскалывать об'единенную социалистическую партию. Во Франции был единый фронт, он был нарушен по приказу из Москвы»,—воскликали диссиденты. «Стоило ли огород городить и раскалываться, раз мы пришли к единому фронту»,—вторили члены коммунистической партии Фабр, Мерик и др.

Как реакция против этой тяги к организованному об'единению, внутри коммунистической партии сложилось враждебное отношение к единому фронту, который, как известно, имеет в своей основе совместные действия коммунистической партии с партиями реформистскими.

Мы слишком слабы, чтобы позволить себе применить такую тактику,—говорили Фроссар, Даниэль, Рену и др,—«у нас партия недостаточно устойчивая, имеется еще тяготение к установлению организационного единства, и тактика единого фронта у нас может привести еще к большой идейной путанице и сумятице. Кроме того, партия социалистическая представляет собой незначительную величину, и совместные действия с ней могут только поднять ее падающий авторитет в массах». Слабость социалистической партии, несомненно, преувеличена. При всей своей слабости социалистическая партия играет и будет в ближайшее время играть роль в рабочем движении Франции. На последних выборах она одержала победу в наиболее промышленных департаментах. Консервативные элементы рабочего движения скорее всего пойдут за социалистической партией, чем за коммунистической. Надо иметь в виду, что французское рабочее движение имеет не только революционные, но и реформистские традиции. Страна, где рабочее движение всегда колебалось между крайним реформизмом и революционным вербализмом, имеет достаточно большой резервуар реформистского студня для того, чтобы на ближайшее время питать

социалистическую партию Франции. Революционный марксизм всегда был слаб во Франции. Гэд, наиболее яркий представитель французского марксизма, ведь тоже был каким-то своеобразным марксистом. Его марксизм был какой-то особенный, не диалектический, узкоколейный. Это было ясно и до войны. Я припоминаю по этому поводу следующий факт. В 1910 году я дал для центрального органа нашей партии «Социал-Демократ» статью о конгрессе объединенной социалистической партии в Сент-Этьене. В этой статье я очень резко отозвался о выступлениях: Брака, Компер-Мореля и самого Гэда. «Верно-то это верно,—сказал т. Ленин, — но как-то неудобно так резко отзываться о левом крыле французской партии». Ильич сам смягчил наиболее резкие места. Настоящим марксистом во Франции был Поль Лафарг. Его гибкий диалектический ум и непосредственное влияние Маркса сделали из него одного из самых блестящих марксистских революционных диалектиков. Хотя французская социалистическая партия богата бывшими гедистами, которые по традиции должны были бы представлять собою революционный марксизм во Франции, но там ничего ни революционного ни марксистского нет. Социалистическая партия есть французское издание международного реформизма. Она сейчас уже представляет собою то, чем германская социал-демократия станет после объединения с независимыми социал-демократами. Разница заключается в том, что германские социал-демократы уже находятся в коалиционном правительстве, а французские социалисты мечтают только о левом блоке. Есть все основания думать, что их мечта скоро сбудется.

Всеобщая Конфедерация Труда.

Она сохранила старое имя, но эта организация ничего общего не имеет с той Всеобщей Конфедерацией Труда, которая вошла в историю французского и международного рабочего движения, как носительница идей революционного синдикализма. История сыграла злую шутку с революционным синдикализмом. В течение десятка лет руководители Конфедерации выступали бешеными противниками милитаризма, парламентаризма и самой идеи отечества. Под этим флагом они вели кампанию против английского трэд-юнизма и немецкого реформизма. Жуо Бартюэль, Ленуар, Савуа, Блéd и пр., и пр., все они на тысячу гадов угрожали устроить всеобщую стачку и революцию в день объявления войны. Эти господа обещали большие кровопролития, а вместо этого патриотического чирика с'ели. Как только раздался звук военного барабана, эти сокрушители государства и отечества ощутили в себе сердца истинных французов и пошли, нет не пошли, а, сидя на месте, начали спасать свое отечество, т.-е. французский денежный мешок от его немецких конкурентов. Большинство вчерашних анархо-синдикалистов стали трубадурами союзников, за что

получили награду в виде отсрочки по военной службе. Они считались мобилизованными, оставаясь при исполнении своих обязанностей. Надо им отдать справедливость, их род оружия,—удушливые реформистские газы,—отличился в этой войне, они заслужили свою отсрочку, и благодарное отечество вспомнит их заслуги.

Конфедерация Труда вошла в войну с 500 тысячами членов. Были моменты, когда это количество понижалось до $\frac{1}{2}$, зато она быстро начала наполняться взбудораженными массами, которые обратили свои взоры на эту организацию. Целый ряд профсоюзов чиновников примкнул к Конфедерации Труда, и она к концу 1919 г. и началу 1920 г. имела больше 2 миллионов членов. Но это был организм без души. Руководители Конфедерации Труда вынесли из войны любовь к коалиции и страшную боязнь революционного массового движения. Стоявшие во время войны на точке зрения умеренного интернационализма Мергейм, Бурдерон, Дюмулен испугались развертывающихся событий и бросились в объятия отъявленных синдикалистских политиканов типа Жуо. «Не я изменил рабочему классу, а рабочий класс изменил мне»,—заявил нагло Мергейм после того, как он вместе со своими новыми друзьями сорвал ряд массовых выступлений рабочих.

Послевоенная история Конфедерации Труда есть история ее дальнейшего падения и морального разложения. Во всех крупных массовых конфликтах вчерашние анархо-синдикалисты играли постыдную роль агентов буржуазии. Стачки 1919 и 1920 г.г. так же, как и ряд стачек 1921 г., все проходят под знаком явной измены и отречения от элементарных прав и интересов рабочего класса. Синдикал-патриоты продолжают свою тактику военного времени.

Влияние Конфедерации чувствовалось в первые годы после войны; тогда она играла роль буфера между буржуазией и пролетариатом. Вчерашние анархо-синдикалисты в 1919 году непрерывно напоминали буржуазии, что в ее же интересах провести некоторые социальные законы. «Сделайте уступки, а то они восстанут»,—повторяли господу Жуо с братией, обращаясь к буржуазии. Эти советы были услышаны, и французская палата с неслыханной для нее быстротой провела 8-часовой рабочий день.

Вот, например, как рисуют господу Понсе и Мерон в своей книге «Франция и 8-часовой рабочий день» социальные выгоды этого закона. «Франция оказала замечательное противодействие заразе большевизма; на фоне мирового послевоенного потрясения она выказала такую устойчивость и такое здоровье, что многие ей завидуют. Не только большевизм ее не затронул, но она не знала ни эксцессов немецкого спартакизма, ни сцен гражданской войны, которые имели место в Италии, ни социальных покушений Каталонии, ни боязни Америки перед J. W. W.». Настоящая характеристика положения послевоенной Франции не лишена яркости. Кто же придал эту устойчивость и это «здоровье» 3-й республике? Это те самые анархисты и анархо-синдикалисты, кото-

рые угрожали покончить со своей буржуазией, как только она посмеет пуститься в военную авантюру.

Французская буржуазия ловко использовала этих болтунов и пустозвонов. Жуо был желанным гостем в министерских приемах, пока он выполнял работу по «оздоровлению» рабочего движения, пока массы находились в состоянии непрерывного брожения. Когда первый испуг прошел, мы видим со стороны буржуазии новые требования, она хочет, чтобы Всеобщая Конфедерация Труда очистилась от революционных элементов, которые угрожающе росли. Об этом она открыто говорила устами Шарля Дюло, издававшего для этой цели специальный орган «L'Information Sociale». Этот орган занимался отыскиванием «отрадных явлений» и очень чувствительно писал о «новом синдикализме». В этом органе сотрудничали все время Жуо, Мергейм, Дюмулен и передовые предприниматели. Деньги на это издание шли от «передовых» предпринимателей, проникнутых «новым» духом. Для полноты картины следует отметить, что редактор этого органа, Шарль Дюло, является ответственным руководителем отдела «Рабочее движение» в газете «Тан».

Руководители Всеобщей Конфедерации Труда того мнения, что рабочий класс не имеет права дать им отставку, ибо лучше их во Франции нет. Как мы видим, они были о себе очень хорошего мнения. Таково же было и мнение буржуазии, и господра Жуо и перекинувшиеся на его сторону Дюмулен и Мергейм вместо того, чтобы ждать отставки, дали отставку революционным рабочим. Всеобщая Конфедерация Труда освободилась, наконец, от «внутренней язвы»,—реформисты остались одни, никто и ничто их не связывает. Как только эти господа почувствовали свободу, они начали шарить в поисках солидной опоры. Они ее нашли в подготавливаемом левом блоке.

Руководители Всеобщей Конфедерации Труда еще не говорят ясно, что они вступают в левый блок, но они выдвигают свою бледно-розовую программу, уже теперь принимают постановления «об использовании избирательной кампании», давая понять, что готовы ко всякого рода практическим действиям на основе конкретной платформы. Среди них же возникла идея создания рабочей партии по типу английской, с аналогичной программой и тактикой, но с французской фразеологией. Дюмулен ходит, как кот вокруг сала, вокруг левого блока, при чем для того, чтобы сделать для себя и для своих друзей возможным вступление в левый блок, реформистская Конфедерация Труда ведет бешеную борьбу против коммунистической партии и Унитарной Конфедерации Труда, отстаивая, конечно, автономию и независимость профдвижения от покушения коммунистической партии и Москвы. «Враг налево»—вот смысл этой борьбы. Когда перебираешь деятельность этих вчерашних светил анархо-синдикалистского небосклона, внимательно присматриваешься к их выступлениям, перечитываешь написанные бешеной слюной статьи Мергейма, тогда приходишь к

заклучению, что эти господа связаны с буржуазией не только идейно. Только те, кого держат на привязи, кто боится каких-нибудь скандальных разоблачений со стороны своих господ, могут идти так далеко в холопском преклонении перед денежным мешком. Французская буржуазия, очевидно, держит этих господ на крепкой веревке, и они не смеют ей не повиноваться.

Что же представляет собой Реформистская Конфедерация Труда? В этом старом доме, где когда-то обитало все организованное профдвижение Франции, остались политические банкроты и моральные калеки. Казалось бы, что неслыханный цинизм и исключительное предательство руководящего ядра этой Конфедерации Труда должно было просветить самых отсталых рабочих и заставить их отшатнуться от этих господ. Но, к сожалению, во Франции имеется еще больше 200 тысяч рабочих,—«Le Peuple» утверждает что реформистская Конфедерация имеет 600,000 платящих членов,—которые находятся в реформистских союзах, и, главное, есть много сотен тысяч рабочих, для которых Реформистская Конфедерация Труда представляет еще авторитет. Надо иметь в виду, что Реформистская Конфедерация Труда сохранила весь старый аппарат, значительные кадры прошедших долгую школу руководителей, она имеет целый ряд выдающихся и опытных рабочих, выдвинувшихся еще до войны. Старшее поколение в общем и целом, как правило, с реформистами. Стаж, имя, авторитет давности, большой административный и политический опыт на стороне Реформистской Конфедерации Труда. Это придает ей силу, непропорциональную ее организационным рамкам. Ее руководители достаточно опытные политиканты, чтобы ловко проводить свою политику все более и более тесного сближения с буржуазией, сохраняя необходимое внешнее словесное приличие. Чем ближе они подходят к буржуазии, тем больше они кричат об автономии и независимости французского профдвижения.

Амьенская хартия не имеет более горячих защитников, чем они; об этом напомнил на последнем национальном совете (июль 1922) громокипящий Жуо, обвиняя революционную Конфедерацию в том, что она подпала под влияние Советского правительства и действует по указке Коминтерна и коммунистической партии Франции. Они, конечно, независимы ни от кого и воплощают в самом чистом и лучезарном виде традиции французского синдикализма! Отдавая, таким образом, словесную дань традициям, Всеобщая Конфедерация Труда находится уже сейчас в блоке с французской социалистической партией, которая безоговорочно поддерживает ее национальную и международную политику. Этот блок дает себя чувствовать в рабочем движении Франции, несмотря на то, что коммунистическая партия и Унитарная Конфедерация Труда представляют собой большую силу. Нужно иметь в виду, что реформизм всегда был силен во французском рабочем движении. Он был силен там еще до войны, держа в своих руках крупнейшие профсоюзы старой Конфедерации Труда (текстиль-

щики, горнорабочие, железнодорожники, печатники). Всеобщую Конфедерацию Труда приходится расценивать не только с точки зрения того, что она в н а с т о я щ и й момент имеет, но каковы ее возможности. А с этой точки зрения надо совершенно открыто заявить, что она имеет достаточно данных для сохранения на ближайшее время своего влияния на известные слои рабочих и даже на временное увеличение этого влияния.

Реформистская Конфедерация Труда представляет еще во Франции значительную силу. Это часто забывают коммунисты и особенно руководители Унитарной Конфедерации Труда. Это забывчивость об'ясняется той особой теорией и тактикой, которые лежат в основе Унитарной Конфедерации Труда Франции.

ГЛАВА V.

Католические профессиональные союзы.

Непосредственно к Реформистской Конфедерации Труда примыкают по своей программе и тактике католические профессиональные союзы. Состоявшийся 3—5 июня текущего года Национальный Конгресс Французской Конфедерации рабочих-христиан, на котором присутствовало 150 делегатов, обсуждал важнейшие тактические вопросы и принял по ним соответствующие резолюции.

Что представляют собой католические союзы? В 1920 году Французская Конфедерация рабочих-христиан имела 578 союзов с 140 тысячами членов. В 1922 году количество этих профсоюзов увеличилось до 753, но количество членов упало до 125 т. человек. Католические союзы в общем и целом построены так же, как обычные профсоюзы. Эти союзы существуют во Франции уже более 40 лет, но только с 1920 года, после разгрома стачечного движения во Франции, они количественно выросли и влияние их увеличилось. Чем живут католические союзы? В целом ряде конгрессов по отдельным производствам, которые предшествовали общему конгрессу Французской Конфедерации рабочих-христиан (металлистов, служащих), были вынесены резолюции против попыток нарушения 8-часового рабочего дня, ряд постановлений, касающихся английской недели, ученичества, обязательного закрытия предприятий в воскресные дни и т. д.

Теоретическое обоснование католическому профдвижению дал в своей речи на последнем съезде председатель Французской Конфедерации рабочих-христиан Зернгельд.

«Мы не можем забыть,—сказал он,—что мы такие же труженики, как и другие, что наши братья по труду, несмотря на свои ошибки, и даже именно благодаря им, являются нашими ближними, более того, членами одной с нами семьи, которых мы по законам христианским и под влиянием естественного чувства должны особенно любить; каковы бы ни были идеологические расхождения и разногласия, разделяющие нас, мы имеем общие интересы и предъявляем одинаковые требования. Когда интересы рабочих несправедливо нарушаются, когда требования их справедливы, милосер-

дие и справедливость побуждают нас объединиться для их защиты в той мере, в какой они по справедливости заслуживают ее.

«С другой стороны, мы считаем, что строй человеческой жизни безусловно несовершенен и изменчив. Мы допускаем неоспоримость права собственности, но думаем, однако, что оно может принимать различные формы; мы признаем, что принцип власти необходим для счастья человечества, но утверждаем, что он может приспособляться к различным государственным строям; мы считаем институт наемного труда законным экономическим порядком, при условии справедливого применения его, но не думаем, однако, чтобы это был порядок окончательный.

«Но как ни крепки нити, связующие нас с нашими братьями по труду, как бы сильно мы не хотели, чтобы необходимые социальные и экономические реформы были осуществлены, законность наших прав не заставит нас забыть о своих обязанностях; рабочая солидарность не заставит нас забыть об общих интересах; незаслуженная несправедливость, которой подвергаются известные общественные слои, не может нас побудить к признанию классовой борьбы; несовершенство современного экономического строя не оправдает в наших глазах насилие, грабеж и революцию.

«Профессиональная лояльность, действенный союз со всеми нашими братьями по труду для защиты и достижения справедливых требований законными путями: да, за это мы готовы бороться от всего сердца. Но что касается до единого фронта с теми, кто с презрением отвергает наши принципы и наше учение ради беспощадной революции,—никогда!

«То, что верно, говоря о рабочих вообще, верно тоже, особенно верно, скажем мы с некоторой гордостью, и по отношению к католическому рабочему. Разумеется, это уже не тот рабочий, какого себе представляют некоторые предприниматели: славный малый, не очень умный, но воспитанный в духе пассивного послушания и всегда удовлетворенный своим положением, как бы плохо оно ни было. Рабочий-католик, в свою очередь, почувствовал силу профессионального союза, и, как это ни странно, этому научил его во Франции скромный монах из христианской школы. И у него тоже развилось чувство справедливости в социальных и экономических отношениях, а так как это чувство у него сохранилось без примеси, то не знают, что и придумать, чтобы заглушить в нем это чувство, при чем в иных случаях охотно обвинили бы его и в демагогии и в низкопробной конкуренции. И, однако, бывали случаи, что пасторы покрывали своей пурпурной или фиолетовой мантией эту паству новой разновидности.

«Условия, в которых мы действуем, были точно определены в то самое время, когда это движение народилось; достаточно будет напомнить вам декларацию, сделанную по нашему предложению при открытии международного Гаагского Конгресса в июне 1920 года.

«Делегаты всех национальных организаций, примкнувших к конгрессу, признают, что христианская этика, являющаяся основой социального здания, требует от всех целых народов, как и от отдельных людей уважения к личности, к данному слову, к частной и общественной собственности, приобретенной законными средствами, и требует справедливого возмещения сознательно причиненных убытков»¹⁾).

Здесь изложена вся теория и практика католических профсоюзов. Они против классовой борьбы, но признают несовершенство существующего строя, они не против того, чтобы его улучшить, и высказываются даже за единый фронт, но с довольно существенными оговорками, приблизительно такого же характера и такого же порядка, как и реформисты. Конечно, есть существенная разница между реформистами и католиками. Католики сводят все к принципам христианской морали, тогда как реформисты заботятся больше всего о капиталистической морали. Тем не менее они гораздо ближе друг к другу, чем это кажется извне. Католические профсоюзы опираются на мощные католические организации Франции, благодаря чему они играют гораздо большую роль, чем это соответствует их количеству. Надо иметь в виду, что католическая школа, низшая, средняя и высшая, сейчас также проникнута мыслью о необходимости опираться на массы, и поэтому во Франции устраиваются специальные католические курсы для взрослых, известные под именем «социальных недель». Эти социальные недели имеют своей задачей воспитать руководящие кадры для католических рабочих организаций, при чем программа их обучения довольно широкая. Помимо морали христианской, туда входят вопросы политической экономии, вопросы финансовые, вопросы рабочего права, социального законодательства и т. д. Весь аппарат католических организаций оказывает содействие этим союзам, и поэтому они играют некоторую роль в рабочем движении страны. Надо иметь в виду, что католические союзы пользуются обостренной борьбой двух конфедераций, завербовывая наименее устойчивые элементы в свои ряды. Французские католические союзы примыкают к Интернационалу католических союзов, который имеет около 3 миллионов рабочих. Этот «социальный интернационализм» (выражение Зирнгельда) ни в какой мере не мешает руководителям католических союзов ставить интересы «общества» выше интересов отдельных классов и требовать от немецких католических союзов, чтобы они признали вину Германии и ее обязанность возместить убытки. Отметим, кстати, что то же самое проделывали господа Жуо, Эппельтон, Мертенс и К⁰, когда на первом международном конгрессе в Амстердаме (июль 1919 г.), настаивали на необходимости справедливого вознаграждения за понесенные Францией убытки.

¹⁾ „L'Information Sociale“ от 22 июня 1922 г.

Если отвлечься от влияния католицизма на эти профсоюзы, то программа действия этих организаций, их практические формы и методы борьбы, их подход к вопросам социального законодательства совершенно те же, что и у руководителей Реформистской Конфедерации Труда. Ни те ни другие не выходят за рамки установленного капиталистического порядка, и те и другие считают его раз навсегда данным, неизменным и непоколебимым. Они готовы всеми силами чинить разрушающуюся капиталистическую храмину, но они приходят в ужас от одной мысли, что пролетариат может разрушить установленный порядок и построить свое чисто пролетарское здание. Не случайно католические и реформистские союзы во всех странах выступают единым фронтом против революционного профдвижения. И те и другие против коммунизма, потому что они за капитализм.

Унитарная Конфедерация Труда.

Унитарная Конфедерация Труда сложилась из той оппозиции, которая образовалась внутри Всеобщей Конфедерации Труда с первых дней войны. Переход на патриотические позиции подавляющего большинства руководителей внес неслыханную деморализацию в ряды рабочего класса. Первый голос протеста раздался со стороны Монатта, который в декабре 1914 года вышел с протестом из конфедерального комитета. Его заявление «Почему я вышел из конфедерального комитета» послужило исходным пунктом оппозиционного движения, во главе которого стояли Монат, Росмер и умерший при жизни Мергейм. В 1915 году сложилась оппозиция и внутри социалистической партии. Оппозиция синдикалистская и оппозиция социалистическая создали совместную организацию под неуклюжим названием «Комитет для восстановления международных сношений», вокруг которого собрались все недовольные официальной политикой вождей элементы. Работая с первых дней возникновения оппозиции в ее рядах, мне пришлось убедиться на практике, как медленно освобождался французский рабочий от патриотической идеологии. Только к началу 1917 года комитет приобрел значительное влияние. Для лучшего воздействия на синдикалистские элементы был создан «Комитет защиты синдикализма», который вел организованную борьбу против синдикал-патриотов Всеобщей Конфедерации Труда. По окончании войны вместе с обострением социальной борьбы и дальнейшей «эволюцией» руководителей Всеобщей Конфедерации Труда оппозиция приступила к систематической организации, под именем комитетов революционных синдикалистов, своих сил. Помимо центрального комитета для всей Конфедерации были созданы комитеты по профессиям и производствам. Эти комитеты объединяли всю оппозицию, т.-е. анархистов, синдикалистов и коммунистов.

Первые военные действия со стороны реформистов начались против комитетов революционных синдикалистов, т.-е. против права меньшинства создавать свои ячейки внутри Всеобщей Конфедерации Труда.

На Орлеанском конгрессе (1920 г.) оппозиция имела одну четверть голосов. Через год на Лилльском конгрессе (июль 1921 г.) оппозиция уже получила больше трети голосов.

Но, несмотря на победу, реформисты чувствовали себя не особенно крепкими, и непосредственно после Лилльского конгресса, несмотря на единодушное настроение всех делегатов против какой бы то ни было попытки раскола, руководящая группа Конфедерации Труда начинает систематически готовить раскол. Начали с железнодорожников. На конгрессе железнодорожников победили левые, но господа Жуо, Дюмулен и Мергейм признали раскольническое меньшинство как истинных представителей всего железнодорожного пролетариата, отказав большинству в праве принадлежать к Всеобщей Конфедерации Труда. За этим наглым нарушением элементарных прав членов союза последовали исключения в других федерациях, и меньшинство было поставлено перед альтернативой—быть разбитым по частям или возможно скорее организоваться. Надо отметить, что, по мере обострения борьбы с реформистскими руководителями, комитет революционных синдикалистов начал терять терпение и поддавался на провокацию раскольников.

Товарищ Монат недавно формулировал положение дел со свойственной ему резкостью: «преступники провоцировали раскол, а дураки поддались ему». Агрессивная политика со стороны реформистских руководителей посеяла нервность в рядах оппозиции, при чем оппозиция раскололась по вопросу о том, до каких пределов идти на уступки, чтобы сохранить единство.

В ноябре 1921 года состоялось, в связи с раскольническим постановлением национального совета, совещание представителей левых федераций и департаментских союзов, которое решило создать инициативную комиссию для созыва конгресса единства. Уже на этом совещании наиболее нервная и нетерпеливая часть оппозиции получила большинство. Было очевидно, что дело идет к расколу и к созданию двух параллельных организаций. В декабре собрался конгресс единства, где были представлены около 1.500 профсоюзов, среди которых было до 200 реформистских союзов, принявших участие в этом конгрессе в целях сохранения единства профессионального движения. На этом конгрессе была сделана последняя попытка столкнуться с руководителями Реформистской Конфедерации Труда, но попытка эта не увенчалась успехом, и, таким образом, сложилась Унитарная Конфедерация Труда, поставившая себе задачей возродить старый французский синдикализм во всей его довоенной чистоте.

Уже во время заседаний этого с'езда произошли серьезные разногласия внутри оппозиции. Оппозицию объединяла ненависть про-

тив реформистских руководителей, но так как она состояла из анархистов, анархо-синдикалистов и коммунистов, то, как только оппозиция осталась одна, началась борьба течений вокруг вопроса о задачах профдвижения и дальнейшей борьбы за его единство.

Монат заявил, что он против крайних правых и крайних левых, т.-е. против реформистов и анархистов, и за организационные уступки в целях сохранения единства профсоюзов. Но политика Моната не встретила сочувствия не только среди всей оппозиции, но и в той группе «Рабочая Жизнь», во главе которой он стоял. Ввиду этих разногласий Монат ушел из «Рабочей Жизни», во главе которой стал товарищ Монмуссо, а анархисты и анархо-синдикалисты, воспользовавшись разногласиями внутри группы «Рабочая Жизнь», провели в административную комиссию свое большинство, которое и стремилось направлять новую Конфедерацию Труда в сторону чистого анархизма.

Таким образом, в результате трений и разногласий внутри основного ядра оппозиции, разногласий, которые идейно и материально ослабляли наиболее здоровую часть французского синдикализма, решающий голос получили анархисты и анархо-синдикалисты, которые, дорвавшись до управления Унитарной Конфедерацией Труда, стремились возможно скорее столкнуться лбами с новой Конфедерацией Труда с коммунистической партией Франции и Коммунистическим Интернационалом.

Начиная с декабря 1921 года до Сент-Этьенского конгресса по всей Франции происходит раскол профессионального движения. Везде создаются параллельные профессиональные союзы, параллельные федерации, департаментские объединения. Этот раскол породил в профессиональном движении Франции три своеобразных явления: во-первых, отход части рабочих от профессиональных союзов; во-вторых, нео-нейтрализм; в-третьих, единство, вопреки обеим Конфедерациям.

Отход рабочих от профессиональных союзов начался непосредственно после поражения 1920 и 1921 г.г. Широкие массы, надеявшиеся получить нечто реальное от союзов, разочаровались, и союзы начали быстро сжиматься. Чем больше обострялась борьба между разными течениями, осложнявшаяся еще борьбой внутри оппозиции, тем большее количество рабочих отходило от союзов, ибо $\frac{3}{4}$ энергии руководящего ядра французского профессионального движения тратилось на взаимную борьбу. Так, кадры французского профессионального движения сжимались; в середине 1922 года общее количество организованных рабочих в обеих Конфедерациях не превышало 600 тысяч человек, при чем на долю Унитарной Конфедерации Труда приходилось до 350 тысяч. Это уменьшение количества членов объясняется также новым течением, которое можно было бы назвать нео-нейтрализмом. Ряд союзов, особенно союзов чиновников, желая сохранить во что бы то ни стало единство в своей организации, объявили себя автономными и

непримыкающими ни к одной из борющихся Конфедераций Труда. Для того, чтобы объяснить эту свою абсолютную автономию и независимость, была даже создана специальная теория, защитником которой является руководитель союза таможенных чиновников Ворокье, теория, которая гласит, что реформизм и революционизм абсолютно необходимы друг для друга и что сила рабочего движения в синтезе этих двух направлений. Происхождение этой теории понятно. Она выросла на почве желания сохранить единство своей организации. С этой точки зрения она имеет некоторый смысл. Но она теряет всякий смысл, когда начинают создавать новую теорию, которая должна примирить борющиеся течения.

Наконец, во французском профессиональном движении имеются некоторые департаментские объединения, которые еще до сих пор сохранили в своем составе как левые, так и реформистские союзы, не желая, таким образом, раскалывать профессиональное движение в департаментском масштабе. В таком положении находятся Мерт и Мозель, представители которых на последнем национальном совете Реформистской Конфедерации Труда отстаивали свое право на сохранение тех и других союзов. Но национальный совет Реформистской Конфедерации Труда (июль 1922 г.) высказался резко против такой тактики и потребовал последовательного проведения статуты, т.-е. принадлежности каждого союза не только к департаментскому объединению, но также и к своей национальной федерации, что означает обязательный раскол тех союзов, которые до сих пор еще не раскололись.

Я уже указывал выше, что внутри Унитарной Конфедерации Труда со дня ее рождения начались разногласия. За эти 6 месяцев разногласия оформились, сложились, и те или другие союзы распределились по соответствующим течениям. Всего в Унитарной Конфедерации Труда борются сейчас четыре течения: анархисты, чистые синдикалисты или анархо-синдикалисты, синдикалисты-коммунисты и коммунисты. Борьба этих течений заполнила весь пред'ездовский период и с особенной яркостью проявилась на учредительном с'езде в Сент-Этьене. Вокруг чего же шла борьба? Каковы основные моменты теории и практики борющихся группировок?

Ориентация Унитарной Конфедерации Труда.

Административная комиссия, которая имела своей задачей подготовить и созвать с'езд революционных союзов, спешила закрепить свои позиции и целым рядом специальных постановлений попыталась занять определенную линию не только в вопросах внутренней политики, но и в вопросах политики внешней. Начала административная комиссия с пламенного провозглашения независимости французского профессионального движения по отношению ко всем и всяческим партиям, и требованием признания этой

теории со стороны Коминтерна и Профинтерна. Отметим, между прочим, что независимость является лозунгом синдикалистов всех течений.

То сближение, которое намечалось до раскола между коммунистической партией и оппозицией внутри старой Конфедерации Труда, не только приостановилось, но начался обратный процесс. Руководящий орган Унитарной Конфедерации Труда занял боевую анти-коммунистическую позицию, ссылаясь при каждом удобном и неудобном случае на Амьенскую хартию. Что же имеется такого в Амьенской хартии, что дает возможность анархистам и анархо-синдикалистам цепляться за нее и провозглашать ее вечным анти-коммунистическим документом? Вот что мы в ней читаем по этому поводу:

«По отношению к отдельным лицам Конгресс подтверждает полную свободу для каждого члена профсоюза участвовать, вне своей партийной организации, в тех органах борьбы, которые отвечают его философскому и политическому миросозерцанию, ограничиваясь вместе с тем только требованием не вносить в синдикат тех теорий, которые он исповедует вне своей профессиональной организации. По отношению же к организациям Конгресс постановляет, что для того, чтобы синдикализм достиг максимальных результатов, необходимо, чтобы экономическая деятельность синдикатов была непосредственно направлена против буржуазного строя, и что конфедеральные организации в качестве профессиональных объединений должны выступать вне всякой связи с различными партиями и сектами, которым открыта свободная возможность бороться за переустройство общества вне Конфедерации и на-ряду с таковой».

Таким образом, от члена союза требуется, чтобы он не вносил в синдикат тех теорий, которые он исповедует вне его, а с другой стороны, чтобы профсоюзы сами осуществили все задачи рабочего класса, т.-е. взяли бы на себя также и задачи революционной партии. Как можно не вносить теорий в синдикат? Как можно раздваиваться и быть в синдикате синдикалистом, а вне—анархистом или коммунистом? Это нам непонятно, тем не менее эта теория разрешалась своеобразно во Франции. Формально анархисты блюли Амьенскую хартию, но по существу они ни на минуту не переставали быть анархистами. В этом отношении они гораздо последовательнее многих коммунистов, ибо проводили свою точку зрения от имени Унитарной Конфедерации Труда. С особой наглядностью это проявилось во время национального комитета Унитарной Конфедерации Труда в марте, когда была вынесена под давлением анархистов резолюция протеста против всякой диктатуры, при чем на этом национальном комитете разъяснилось, что дело идет также о Советской России. Для того, чтобы не было никаких сомнений насчет этой, не совсем ясной резолюции, административная комиссия сочла необходимым через несколько

недель принять и опубликовать следующее раз'яснение-декларацию:

«В полном соответствии с резолюцией, принятой национальным комитетом Конфедерации 5—6 марта, административная комиссия Унитарной Конфедерации Труда считает необходимым заявить, что она не готовится занять определенную позицию в столкновениях, могущих противопоставить друг другу политические партии, борющиеся в каждой стране за главенство и власть.

«Революционный синдикализм Франции, являющийся анти-государственным по своему существу и по своим целям и решительно отвергающий какую бы то ни было форму правительства, считает сугубо необходимым оставаться в стороне от столкновений политических партий, являющихся сторонниками существования государственной власти,—власти, которая осуществляется по теми, то другими и основана исключительно на насилии и произволе.

«Административная комиссия, конкретизируя свою точку зрения, считает необходимым вновь выразить свой горячий и неизменный протест против всякого правительства, которое для упрочения своей власти не останавливается перед нарушением свободы трудящихся, борющихся за свое освобождение.

«Административная комиссия У. К. Т., являющаяся решительным противником всякого ненужного насилия, не преследующего своей целью защиту революционных завоеваний пролетариата, который она не отождествляет ни с каким правительством или партией, протестует против всякой иной попытки нарушить неотъемлемое право выражения человеческой мысли и права защиты отдельных лиц, жертв полицейских махинаций, обосновываемых государственными соображениями».

Здесь, в этой небольшой резолюции, вся квинт-эссенция французского анархо-синдикализма. Прежде всего Унитарная Конфедерация Труда не считает необходимым занять определенную позицию при столкновении политических партий, скажем, большевиков и с.-р.; затем оказывается, что власть всегда основана исключительно на насилии и произволе. Для этих революционеров совершенно неважно, над кем совершается это насилие, есть ли это насилие класса эксплуататоров над эксплуатируемыми, или эксплуатируемых над эксплуататорами. Эта резолюция вскрыла перед широкими кругами организованных французских рабочих истинную сущность руководителей У. К. Т.—то, что Реформистская Конфедерация Труда, во главе которой стоят такие господа, как Жуо и Мергейм, не посмела в официальном документе сделать то, что сделали синдикалисты, называющие себя революционерами; они высказались против Советской России. Эта резолюция направлена против русской революции,—так именно она и была понята всей буржуазной и реформистской прессой. Коммунисты, члены Унитарной Конфедерации Труда, сначала очень вяло реагировали на эти выступления. И, таким образом, у анархо-синдикалистского большинства сложилось впечатление, что они держат

в своих руках все организации, примыкающие к Унитарной Конфедерации Труда, и что им удастся провести до конца свою линию. Для того, чтобы закрепить свое влияние, анархо-синдикалисты начали издавать специальный орган «Синдикалист-Революционер», который они переименовали потом в «Батай-Синдикалист» для того, чтобы воспользоваться этим боевым довоенным именем французского ежедневного синдикалистского органа. В то время, как «Синдикалист-Революционер» все время обосновывал и «углублял» синдикализм, другой официоз Унитарной Конфедерации Труда, анархистская газета «Либертер», продолжала бешеные атаки против русской революции, Коминтерна и Профинтерна, при чем выискивала из всей мировой прессы все то, что можно сказать худшего о Советской России. Вся пропаганда анархистов и анархо-синдикалистов, руководивших до Сент-Этьена Унитарной Конфедерацией Труда, сконцентрировалась вокруг следующих вопросов: 1) независимость французского профдвижения; 2) независимость Профинтерна от Коминтерна; 3) анархо-синдикалистский Интернационал; 4) против всякой диктатуры; 5) против всякого государства, и 6) против централизма—за федерализм.

Вокруг этих вопросов кипела борьба внутри Унитарной Конфедерации Труда, борьба, которая выходила за рамки Франции, так как вовлекла синдикалистские группировки во всех странах, которые надеялись, что Унитарная Конфедерация Труда станет во главе международного анархо-синдикалистского похода против Профинтерна, Коминтерна и диктатуры пролетариата.

Ко времени моего приезда во Францию эта борьба развернулась во всю, ибо каждое из четырех течений имело свой орган и стремилось накануне с'езда изложить с максимальной ясностью свою точку зрения на все затронутые выше вопросы. Таким образом, с первого дня моего приезда во Францию мне пришлось сразу окунуться в ожесточенную борьбу и полемику и в качестве представителя Профинтерна непосредственно принять в ней участие.

ГЛАВА VI.

Синдикалистское франкмасонство.

Последние события в жизни революционного профдвижения Франции трудно будет понять, если мы не остановимся на одном крайне любопытном факте, который выяснился накануне самого Сент-Этьенского конгресса. Дело идет о знаменитом *договоре*, который был заключен между несколькими анархо-синдикалистами и коммунистами с целью взаимной поддержки, защиты и проведения на ответственные посты самих себя и своих сторонников. Известно, что традиция французского профдвижения состоит в крайне подозрительном отношении ко всякого рода попыткам создавать организации внутри профсоюзов. Этой подозрительностью в значительной степени воспользовались анархисты и анархо-синдикалисты в их борьбе против лозунга Коминтерна—создавать коммунистические ячейки внутри профсоюзов. Во Франции ячейки в старой Конфедерации Труда создавались, но они носили смешанный характер. Ячейки включали всю оппозицию в целом, т. е. анархистов, анархо-синдикалистов, синдикалистов-коммунистов и коммунистов. Но каждый раз, когда анархисты и анархисто-синдикалисты натыкались на решение Коминтерна, обязывающее коммунистические партии вести партийную работу внутри союзов и подчинять партийной дисциплине своих членов, они поднимали ужасающий вой против «неслыханного насилия над профдвижением и бесстыдного нарушения автономии и независимости». Это одна из форм борьбы против коммунистического влияния на союзы, при чем самое характерное во Франции заключается в том, что самыми яркими противниками создания ячеек внутри союзов были коммунисты, желавшие вести совершенно самостоятельно и независимо от партии политику внутри профдвижения. «Долой коммунистические ячейки!»—таков был лозунг, при чем противники коммунизма использовали старую подозрительность французских революционных рабочих к реформистскому социализму, чтобы вызвать единодушный протест против малейшей попытки со стороны партии оказать воздействие не только на профсоюзы вообще, но даже на своих собственных чле-

нов. Исходя из такого состояния продвижения, коммунистическая партия Франции все время высказывалась против создания ячеек, полагая, что попытка объединить коммунистов внутри союзов может только ослабить коммунистическое влияние.

Наши товарищи во Франции знали, что борьба анархистов и анархо-синдикалистов против Профинтерна, Коминтерна и французского коммунизма направляется какой-то группой, заключившей между собою таинственное соглашение. Текста соглашения никто не знал, хотя в печати появились упоминания об этом документе. Когда накануне конгресса борьба течений обострилась и руководители административной комиссии почувствовали сильное недовольство низов, то для того, чтобы ослабить оппозицию на самом конгрессе, которую они подозревали в желании огласить их тайный договор, они сами неожиданно опубликовали это таинственное соглашение под вызывающим заголовком: «Вот он, договор!» Впечатление получилось как раз обратное тому, какое рассчитывали произвести анархо-синдикалисты. Этот документ вызвал взрыв негодования и недоумения.

Вот этот таинственный договор, текст которого тщательно скрывался, начиная с февраля 1921 года:

«Заключая настоящий договор, мы, нижеподписавшиеся члены комитета революционных синдикалистов, обязуемся неукоснительно выполнять букву и дух нижеследующих пунктов:

1) Никому не сообщать о существовании нашего комитета.
2) За исключением случаев непредвиденных и особо важных, присутствовать на всех собраниях комитета. Пропустивший собрание обязан дать мотивированное объяснение товарищам по комитету.

3) Осуществлять безграничную и действительную взаимную материальную и духовную солидарность. Защищать друг друга против всех нападков и отвечать друг за друга, как за самого себя. Оказывать друг другу помощь и взаимную защиту, на основах солидарности и круговой поруки.

4) Соблюдать строжайшую дисциплину с целью направить все свои усилия к одной цели.

5) Наше единственное стремление и наша постоянная забота должна состоять в том, чтобы вспыхнула революция. Мы обязуемся отдать на это дело свое достоинство и свою жизнь.

6) Являясь в отдельности и коллективно представителями революционного синдикализма, мы принимаем перед своей душой и совестью обязательство защищать федерализм и автономию профессионального движения.

7) Мы обязуемся употреблять все зависящие от нас средства, чтобы обеспечить избрание в руководящие органы комитета революционных синдикалистов и в особенности Всеобщей Конфедерации Труда, когда она будет завоевана нами или окажется под нашим контролем, на самые видные и ответственные места товарищей, идеологически и практически примыкающих к чи-

стому революционному синдикализму, — автономистов и федералистов.

8) Мы обязуемся вести повседневную всеобщую борьбу, оставаясь только на почве революционного синдикализма, вдохновляясь исключительно лишь его собственной теорией, и не поддаваться никакому внешнему влиянию.

9) Как производители мы связываем свою борьбу и свои надежды с экономикой, с экономическим преобразованием общества. Синдикат—базис грядущего общества, а синдикализм—венец его.

10) Всякая критика, направленная против членов или идей комитета, должна находить себе выражение внутри комитета, но стнюдь не выноситься наружу.

11) Новые члены принимаются по рекомендации одного из нас, при чем кандидат не должен ни о чем подозревать, а в случае если его кандидатура будет принципиально одобрена, надлежит вперед его подготовить и обработать надлежащим образом, с целью добиться его присоединения к настоящему договору и всем его последствиям, и только после этого вести его в комитет.

Вердъэ, Бенар, Мари, Биш, Реленк, Шюрен, Машбееф, Шайбер, Поттион, Жув, Ферран, Дагер, Мэзон, Годо, Сироль, Валэ, Тотти, Фуркад».

Когда читаешь эти 11 пунктов, то не знаешь, чему больше удивляться: беспредельной наивности авторов этого документа или излишней их наглости. В самом деле, не подлежит ни малейшему сомнению, что каждая группа рабочих имеет право создавать такую организацию, какую она хочет, и вести такую политику, какую она считает наиболее правильной. Так до сих пор поступали коммунистические партии, которые открыто перед лицом пролетариата заявляли, что они считают необходимым завоевать профдвижение для коммунизма, для чего и создают коммунистические ячейки. Такие решения принимались не на тайных собраниях, друг другу не давали клятвы не разоблачать имен, а все это опубликовывалось во всеобщее сведение, ибо коммунистической партии нечего скрывать перед рабочим классом, она не думает, что можно путем франкмасонских приемов руководить рабочим движением и направлять его из какого-то тайного комитета, который даже не считает нужным доводить до сведения рабочих масс о своем существовании. Даже там, где коммунистические партии по полицейским условиям действуют нелегально, где они вынуждены скрывать имена, они не скрывают организации и, принимая решения, опубликовывают их, ибо они рассчитывают завоевать рабочую массу путем поднятия ее классового сознания, а не неожиданным наскоком на нее.

Не так думала эта группа синдикалистских франкмасонов. Все дышит здесь таинственностью и конспирацией. Давая клятвенные обещания друг друга поддерживать и подталкивать, они в это время вели бешеную борьбу против партии, за ее попытку занять определенную позицию в вопросах профессиональной по-

литики. Они, конечно, клянутся своей любовью к революции, но почему эту любовь нельзя осуществлять открыто? Почему это нужно устраивать водевиль с переодеванием? Почему эти пламенные защитники независимости и еще более пламенные противники принципа ячеек, почему они создали свою ячейку? Наконец, какова цель этого тайного комитета? Проводить сторонников автономизма и федерализма, т-е. самих себя, на ответственные посты? Разве такие вещи нужно скрывать от членов союза и всей оппозиции, членами которой они состоят? И это делают те, кто утром и вечером демагогически всех обвиняют в желании навязывать свою волю рабочему классу!

Неудивительно, что этот своеобразный договор произвел впечатление разорвавшейся бомбы, и 18 апостолов и великих магистров этой франкмасонской синдикалистской логики были взяты в штыки всей революционной прессой. Монат посвятил этому договору убийственную статью в «Юманите». «Рабочая Жизнь» и «Борьба Классов» тоже отозвались на этот документ. Все значение этого документа и завязавшаяся вокруг него полемика будет понятна, если принять во внимание, что авторы договора руководили административной комиссией и фактически определяли линию поведения Унитарной Конфедерации Труда.

Нужно еще отметить, что коммунисты, подписавшие этот знаменитый документ (Тотти, Вердъэ, и т. д.) не сочли, конечно, нужным сообщить об этом партии, устроить, таким образом, заговор против нее.

Для полноты картины надо отметить, что Ц. К. коммунистической партии Франции никак не реагировал на опубликование этого документа, ожидая, что коммунисты сами догадаются и уйдут из партии. Таким образом, Тотти считался членом коммунистической партии до последнего времени, несмотря на то, что в Сент-Этьене он был в блоке анархистов и анархо-синдикалистов против Коминтерна и своей коммунистической партии.

Нам придется еще иметь дело с авторами этого договора, а сейчас мы перейдем к другому, крайне важному событию, которое тоже сыграло большую роль накануне Сент-Этьенского конгресса. Дело идет о международной анархо-синдикалистской конференции и о той роли, какую сыграла в ее подготовке и в ее проведении административная комиссия Унитарной Конфедерации Труда.

Анархо-синдикалистская конференция в Берлине.

Анархо-синдикалисты пытаются создать свой Интернационал с 1913 года, но они до сих пор дальше попытки не пошли, при чем характерная особенность анархо-синдикалистов заключается в том, что, собравшись, поговорив и приняв пару резолюций, они засыпали на несколько лет для того, чтобы, проснувшись, начать снова эту душеспасительную работу. Во время войны об Ам-

стердамском бюро анархо-синдикалистов никто не слышал и не видел. Многие из анархо-синдикалистских руководителей перешли со всеми потрохами в лагерь союзников, и они вместо свержения государства, занимались его поддержкой и его укреплением. В декабре 1920 года в Берлине было созвано совещание синдикалистов, на котором боролись два течения: одно стояло на точке зрения немедленного создания своего Интернационала, большинство высказывалось за присоединение к Международному Совету революционных профсоюзов, который подготовил создание Профинтерна.

После первого Международного конгресса революционных профсоюзов инициативу создания нового Интернационала взяли на себя немецкие локалисты, которые имеют такое же влияние на германское рабочее движение, как и общество по изучению эсперанто. На своем съезде в октябре 1921 года в Дюссельдорфе, они воспользовались проездом делегата от индустриальных работников мира, нашли после долгих поисков какого-то синдикалиста из Чехо-Словакии и в присутствии представителя голландских синдикалистов приняли решение создать «настоящий» революционный Интернационал.

Для того, чтобы знать, с кем мы имеем дело, нужно помнить, что в мартовские дни 1921 г., когда революционные рабочие Германии дрались против буржуазной и социал-демократической власти, эти господа выступили официально со статьей против восставших рабочих, обвиняя их в том, что они делают это восстание по приказу из Москвы и на московские деньги. Эти пацифисты и политические вегетарианцы не могут спать без своего Интернационала, и они взяли на себя первые шаги по объединению революционных синдикалистских сил.

Вторая организация, которая высказалась за создание нового Интернационала, представив предварительно неприемлемые условия Профинтерну, был итальянский союз синдикалистов, который вошел в соглашение для этой цели с У. К. Т. Так как административная комиссия У. К. Т. была связана некоторыми решениями, то она повела тонкую игру, и в своем постановлении об участии в предполагаемой конференции в Берлине она ссылается на инициативу итальянского союза синдикалистов. Но игра уже оказалась слишком тонкой, ибо итальянский союз синдикалистов «постановил присоединиться к инициативе У. К. Т. и принять участие в созываемой конференции».

Взаимно ссылаясь друг на друга, анархо-синдикалисты пока что готовяли почву для нового Интернационала, при чем стратегия их заключалась в следующем: собраться под формальным предлогом соглашения с Профинтерном, выработать чисто анархо-синдикалистскую платформу, и так как Профинтерн ее принять не сможет, то создание нового Интернационала не встретит противодействия в их организациях. Все это готовилось под сурдинку, при чем многие члены административной комиссии У. К. Т.

имели очень смутное представление о конференции, о ее характере и порядке дня. Товарищ Семаг, например, жаловался на конгрессе в Сент-Этьене, что он узнал подробности о предстоящей конференции в Португалии, где он присутствовал на съезде железнодорожников.

Уже в Берлине, знакомясь подробно со всей французской прессой, я убедился, что административная комиссия намеренно скрывает от членов У. К. Т. цель конференции. Для того, чтобы поставить вопрос открыто и заставить административную комиссию занять совершенно определенную позицию, я напечатал в «L'Humanité» запрос, который вызвал бурю негодования. Он послужил поводом для самых бешеных нападок против всех сторонников Профинтерна, при чем административная комиссия договорилась до того, что мой запрос является нарушением автономии и независимости французского профессионального движения, чего она ни в коем случае не намерена допускать. Вот те нескромные вопросы, которые я осмелился, по своему варварству, задать чувствительным анархо-синдикалистам:

«1) Почему организаторы этой конференции не опубликовали ни порядка дня, ни тезисов, подлежащих обсуждению?

«2) Почему эта конференция организуется до Сент-Этьенского конгресса, который является единственным органом, правомочным для принятия решения об ориентации французского революционного синдикализма?

«3) Желают ли они поставить Сент-Этьенский конгресс перед совершившимся фактом, принеся на него резолюцию, уже подписанную совместно с синдикалистами других стран?

«4) Если Сент-Этьенский конгресс не согласится с теперешними руководителями Унитарной К. Т. по этому вопросу, в каком положении окажутся делегаты остальных национальных организаций?

«5) Не считают ли члены Унитарной Конфедерации Труда, что административная комиссия не имеет права организовать подобную конференцию на кануне С.-Этьенского конгресса, и не думают ли они, что было бы более целесообразно, чтобы синдикалисты-революционеры собрались и обсудили все спорные вопросы на предстоящем втором конгрессе Профинтерна.

«6) На каком основании административная комиссия отклонила предложение Профинтерна прислать своих представителей в Москву для обсуждения всех интересующих У. К. Т. вопросов? Административная комиссия могла бы дать отчет, в случае ведения переговоров, С.-Этьенскому конгрессу, который один только и правомочен принять окончательное решение по данному вопросу.

«7) Были ли все эти мероприятия осуществлены административной комиссией с целью создать трения между Унитарной Конфедерацией Труда и Профинтерном и воспрепятствовать во что бы то ни стало присоединению французского синдикализма к Профинтерну, или же они преследовали какую-либо другую цель?

«Мы ставим эти вопросы, так как нам хотелось бы, чтобы рядовые члены Унитарной Конфедерации Труда могли ясно разобраться в международной политике своей организации.

«Побольше ясности, товарищи!»

Этот скромный запрос вызвал бурю негодования в анархо-синдикалистских кругах. Негодование было настолько сильно, что один из руководителей административной комиссии, член коммунистической партии, Кентон, разразился в «Журналь дю-Пепль» статьей, под названием: «Петарда Лозовского», выдержки из которой следует привести, потому что они характеризуют степень чувствительности и растерянности анархо-синдикалистского большинства. Вот наиболее существенное из того, что писал этот коммунист, который, как я потом уже узнал, догадался сам уйти из партии, боясь, очевидно, чтобы его ушли.

«Автономное профессиональное движение—вот враг. Как раз подошло время национального конгресса, рабочим предстоит произвести свой выбор. Этот конгресс имеет решающее значение, рядом с ним партийный конгресс—детская забава. Тут дело идет о рабочих, о настоящих рабочих. О рядовых рабочих, как говорят господа профессора революционных наук. И вот надо во что бы то ни стало нарушить их спокойствие.

«Шакалы отправились за добычей.

«Среди врагов Административной Комиссии встречаются различные породы отвратительной человеческой фауны.

«Поддакивающие бараны, страстные поклонники тех людей, которых завтра они будут топтать ногами с такой же страстью. Искренние и неизлечимые простаки, которые уже сто раз были обмануты все теми же словами и которые все-таки цепляются за тех или иных людей. И, наконец, каналы, которые знают в чем дело и лгут без передышки. Каналы все те, что повторяют на все лады, что, вписав в свой проект устава слова: уничтожение государства (а необходимости этого уничтожения они не осмеливаются отрицать), Административная Комиссия хочет запретить синдикализму оказывать поддержку Революции на ее различных этапах. Каналы те, кто борется против принципа областных организаций, утверждая, что после Сент-Этьенского конгресса департаментские межсоюзные об'единения будут упразднены.

«Каналы те, кто, не будучи в состоянии связать в национальном масштабе синдикализм с политической партией, пытаются осуществить это на почве международной.

«Каналы те, кто внушил Лозовскому статью, напечатанную в «Юманите» в прошлое воскресенье. Каналы потому, что они «знают». А знают они потому, что состоят членами Административной Комиссии.

«Они знают, что предварительная конференция созывается в целях информации, что ни в коем случае она не имеет в виду создание четвертого Интернационала, что единственным вопросом,

подлежащим ее обсуждению, является вопрос, каковы должны быть основы настоящего Интернационала Профсоюзов. Они знают, что конференции не предстоит не принимать никаких решений. Они знают, почему У. К. Т. отклонила предложение командировки делегатов в Россию. Унитарная Конфедерация Труда ответила, что она надеется также встретиться там и с представителями В. Ц. С. П. С., получившими приглашение на эту конференцию.

«Они знают, что У. К. Т. нечего создавать затруднений Профинтерну, что, наоборот, ей приходится обороняться от насильственного присоединения к нему. Теперешняя петарда Лозовского является лишь новым подтверждением всего этого.

«Лозовский пытался уверить всех, что Административная Комиссия У. К. Т. желает поставить представителей рабочего класса, имеющих собраться в С.-Этьене, перед совершившимся фактом. Он солгал. Таких вещей не бывает во Франции».

Нас могут спросить, зачем мы приводим этот эпилептический бред. Приводим мы его потому, что Кентон подавал большие надежды. Виднейшие руководители французской коммунистической партии до самого последнего времени возились с ним, считая его лучшим проводником коммунистических идей в профдвижении. Это тип одного из обиженных руководителей, который настолько разозлился на мои вопросы, что, забыв литературные нравы, выскочил в газете в чем мать родила. Кентон выразил то настроение, которое было у анархистов и анархо-синдикалистов. Он сделал это более грубо, но важно, что он это сделал от души. Оказывается, по терминологии Кентона, противники административной комиссии состоят из одних только каналов, при чем он доболтался до того, что обозвал каналами даже тех, кто не согласен с анархистами в необходимости создать районные союзы вместо департаментских.

Нам придется еще говорить об общих взглядах того течения, к которому принадлежал Кентон. Перед нами путаница во взглядах, которая компенсируется резкими выражениями и грубыми ругательствами. За первым ответом последовал второй, уже официальный. Ответ этот хотя и более сдержанный, но он проникнут тем же духом, что и вылазка Кентона. Административная комиссия созвала специальное заседание, где мое выступление было подвергнуто ожесточенной критике. Сторонники Профинтерна из-за этого взрыва негодования поддались панике, и некоторые из них дошли до того, что формулировали резолюцию протеста против моего «вмешательства» в дела французского профдвижения. Ответ административной комиссии заслуживает того, чтобы мы привели его в существенных выдержках.

«Временная Административная Комиссия У. К. Т. считает нужным прежде всего заявить, что она рассматривает обращение т. Лозовского ко всем организованным французским рабочим через голову их национального объединения как поступок недружелюбный.

«На чем основывает Лозовский свои «разоблачения» У. К. Т. перед лицом французского пролетариата? Временная Административная Комиссия ставит себя выше подобных приемов борьбы: она довольствуется тем, что дает ответ на пункты, поставленные секретарем Профинтерна.

«1) Порядок дня предварительной конференции был сообщен всем заинтересованным организациям, в частности В. Ц. С. П. С. был о нем осведомлен.

«2) Данная конференция созывается до С.-Этьенского конгресса для того, чтобы конгресс был в полной мере осведомлен о международном положении профессионального движения, чтобы иметь возможность во всей полноте своей правомочности определить национальную и международную ориентацию французского революционного синдикализма.

«3) Административная Комиссия тем менее думает о том, чтобы поставить С.-Этьенский конгресс перед совершившимся фактом, что делегаты У. К. Т. примут участие в конференции лишь с совещательным голосом, при чем не подпишут никакого обязательства.

«4) Административная Комиссия имеет право, не нуждаясь для этого в разрешении Профинтерна, интересоваться международной профессиональной жизнью, собирать весь необходимый информационный материал и доводить его до сведения всех организованных рабочих и синдикатов.

«Даже в случае своего присоединения к Профинтерну, У. К. Т. не отказалась бы от своего права совещаться с тем или иным центральным об'единением профсоюзов, не советуясь об этом с Профинтерном.

«Предварительная конференция отнюдь не исключает возможности обсудить эти же самые вопросы и на втором конгрессе Профинтерна в том случае, если С.-Этьенский конгресс примет соответствующее решение. Конференция может подготовить конгресс Профинтерна, если этот последний, отдавая себе отчет в своем значении, решится сделать возможным присоединение к Профинтерну всех центральных об'единений Профсоюзов.

«Если В. Ц. С. П. С. будет представлен на конференции, мы сообщим о его точке зрения С.-Этьенскому конгрессу наравне с информацией о других центральных об'единениях, которые окажутся представленными на конференции.

«5) Административная Комиссия не имеет никакого намерения создавать новые затруднения между У. К. Т. и Профинтерном. Равно как она и не собирается противиться во что бы то ни стало присоединению к Профинтерну. Этому последнему не менее, чем Административной Комиссии, надлежит позаботиться о том, чтобы не углублять существующего разлада, воздерживаясь от вмешательства в вопросы, не касающиеся его. Такое вмешательство явилось бы, по мнению Административной Комиссии, по всей справедливости, отказом от автономии, если бы она при-

знала за Профинтерном право оказывать таким способом влияние и давление на французское профдвижение.

«Административная Комиссия желала бы, чтобы т. Лозовский проявил больше уверенности и хладнокровия в своих суждениях; такого рода выступление слишком мало считается с автономией французского революционного синдикализма, который не собирается отказываться от своих прав».

Совершенно естественно, что руководители У. К. Т. были недовольны моим вмешательством, что они попытались мое выступление изобразить как святотатственное нарушение автономии и независимости французского профдвижения. Но что было уже далеко не естественно, это замешательство в рядах наших сторонников и их боязнь выявить со всей необходимой ясностью свои взгляды. После заседания административной комиссии мне пришлось встретиться с группой руководителей «Рабочей Жизни». Они были смущены тем оборотом, который приняло дело, и считали мое выступление неудачным, нетактичным и вредным для их дела. Один из них, стукнув по столу кулаком, даже воскликнул: «Вы должны считаться с нашей психологией. Мы, французы, не позволим вмешиваться в наши внутренние дела». Когда я начал выяснять, в чем заключается вмешательство, то оказалось, что я имел полное право вмешаться и вытащить этот вопрос из административной комиссии на суд революционных рабочих Франции. Я говорил этим товарищам: «Ведь всего лишь месяц тому назад ваша административная комиссия приняла резолюцию протеста против всякой диктатуры и всякого правительства. Вы, конечно, согласитесь со мной, если я скажу, что Советская Россия, по крайней мере, такая же великая держава, как и У. К. Т., а между тем эта держава не подняла вопроса о том, что вы вмешиваетесь в ее автономию и независимость, считая, что революционные рабочие не только имеют право, но и обязаны высказывать свои взгляды по интересующим и волнующим их вопросам. Почему же вы считаете, что административная комиссия имеет право вмешиваться в дела Советской России, Коминтерна и Профинтерна, а мы не имеем права вмешиваться в ее дела?» Мои собеседники вынуждены были признать, что мое выступление даже формально не может встретить никаких возражений; что же касается существа, они все признавали, что эти вопросы нужно было поставить. Наконец, наиболее упорный из протестантов против моего «вмешательства» воскликнул: «Эту статью нужно было написать, но не вы должны были ее подписывать». На это я ответил: «Я бы охотно не написал этой статьи, если бы вы это сделали до моего приезда». Этой полемикой вокруг моего письма и ответа административной комиссии была поднята завеса над берлинской конференцией, которая собралась якобы для соглашения с Профинтерном, а на самом деле имела своей задачей соглашение во что бы то ни стало сорвать.

На эту конференцию были приглашены и русские профсоюзы; но каково было удивление представителей В. Ц. С. П. С., когда они, приехав в Берлин, увидели на этой конференции несколько представителей «анархо-синдикалистского меньшинства русских профсоюзов». Это меньшинство было сфабриковано в Берлине из тех анархо-синдикалистов, которые в свое время были отпущены по просьбе французской делегации за границу. Десять эмигрантов с женами и детьми составили «меньшинство», но, почему они назвали себя меньшинством русских профсоюзов, не понятно. Они могли с таким же успехом назваться меньшинством американских или китайских профсоюзов и даже большинством, ибо давно известно, что своя рука владыка и себя назвать высоким титулом не особенно трудно. Так или иначе, но русские профсоюзы были представлены не только через В. Ц. С. П. С., а и через берлинских эмигрантов, которые оказались настолько близкими сердцу организаторов конференции, что они этим эмигрантам дали решающий голос, а представитель В. Ц. С. П. С. получил голос сошестательный!

Уже эти предварительные шаги по «объединению» всех революционных сил показали, каковы задачи собравшихся в Берлине анархо-синдикалистов; но это еще не все. Когда на эту конференцию явился представитель значительного меньшинства итальянского союза синдикалистов, т. Векки, то его совершенно не допустили на конференцию под тем предлогом, что итальянский союз синдикалистов уже имел официальное представительство на этой конференции. Но почему же допустили «меньшинство от русских союзов», раз на конференции был представлен В. Ц. С. П. С.? Почему же разные мерки по отношению к двум организациям? Не потому ли, что союз синдикалистов Италии в сто раз меньше В. Ц. С. П. С.? Или потому, что он имеет удовольствие объединять и рабочих латинских стран? Очевидно, только поэтому.

Но дело, конечно, на этом не кончилось. Все в тех же «информационных целях» и горя желанием создать единый революционный фронт, организаторы не допустили немецкий Унион работников физического и умственного труда Германии потому, что он принадлежит к Профинтерну. Затем русские анархо-синдикалисты вместе со своими немецкими коллегами, при самом деятельном участии итальянца Борги и члена французской коммунистической партии Тотти, устроили процесс над русской революцией и над русскими союзами, требуя от представителя русских профсоюзов, чтобы он высказался за освобождение из тюрем анархо-синдикалистов и вообще десолидаризировался с Советским правительством. Вся эта комедия, как не трудно догадаться, быстро надоела представителю В. Ц. С. П. С., который ушел с этого совещания в знак протеста против недопущения меньшинства итальянского союза синдикалистов и Униона работников физического и умственного труда Германии. Когда анархо-синдикалисты остались, наконец, одни, дело пошло быстро, и они

выработали декларацию, которая должна с их точки зрения послужить основой для собирания мирового революционного профдвижения. Из этой декларации мы узнаем, что только экономические организации пролетариата могут осуществить реорганизацию социальной жизни на основе свободного коммунизма, при чем современные рабочие политические партии совершенно не могут быть приняты во внимание с точки зрения экономической реорганизации. Вместе с монополией собственности,—читаем мы все в той же декларации,—должна исчезнуть монополия государства и всякая форма государства, включая также и форму диктатуры пролетариата, которая никогда не может быть орудием освобождения, но которая является создателем новой монополии и новых привилегий. Синдикализм стоит на точке зрения федералистической, т.-е. организации снизу вверх свободного союза всех сил на основе общих идей и интересов. Конференция высказывается против всяких форм милитаризма и советует индивидуальный отказ от воинской повинности и бойкот производства военного снаряжения. Как средство борьбы, синдикализм выдвигает стачку, бойкот и саботаж.

Далее идет самый замечательный из всех пунктов: «Враги всякого организованного насилия в руках какого бы то ни было государства, синдикалисты не забывают, что решительная битва между капитализмом сегодняшнего дня и грядущим свободным коммунизмом произойдет не без серьезных столкновений. Они признают, следовательно, насилие как средство защиты против насильнических методов господствующих классов в борьбе за экспроприацию орудий и средств производства и земли. Защита революции должна находиться в руках экономических организмов, а не в руках какой-нибудь военной организации, действующей вне организации экономической».

Итак, мы узнаем, что синдикалисты против организованного насилия, стали бы за насилие неорганизованное. Они же в своей декларации заявляют, что они становятся на точку зрения защиты, очевидно полагая, что рабочий класс никогда не должен наступать на буржуазию, а должен всегда защищаться от нее.

Для того, чтобы еще больше подчеркнуть свою жажду единения с русскими союзами и с Профинтерном, почтенные анархо-синдикалисты приняли особую резолюцию, в которой говорится, что «Профинтерн не представляет собою, ни с точки зрения принципиальной, ни с точки зрения состава, международной организации, способной спаять международный пролетариат в единый боевой организм», и поэтому назначают временное бюро, которое должно созвать международный конгресс революционных синдикалистов, очевидно, для создания такого международного боевого организма. Вся эта анархо-синдикалистская комедия была разыграна при самом деятельном участии представителей У. К. Т., которые ехали как будто бы только лишь с информационной целью. На самом же деле представители У. К. Т. председатель-

ствовали на этом совещании, голосовали против недопущения меньшинства итальянского союза синдикалистов и исключения Униона работников физического и умственного труда, и если они не дали свою подпись под этой декларацией, которая почти слово в слово повторяет писание Бенара, то только потому, что имелось формальное постановление, чтобы они ничего не подписывали. Этот международный маневр должен был, по мнению руководителей административной комиссии, придать больший вес их точке зрения на С.-Этьенском конгрессе. Но получилось совсем обратное. Рядовые члены французских профсоюзов, требуя абсолютной независимости, не имели ни малейшего желания создать новый Интернационал и объявлять борьбу против диктатуры пролетариата, и для них независимость и автономия не означали раскола международного революционного профдвижения; и когда результаты этой конференции стали известны, когда появилась декларация, резко высказавшаяся против диктатуры пролетариата, против всякого правительства, за неорганизованное насилие, и французская анархическая газета «Либертер» начала вокруг этой декларации плясать и торжествовать победу,—для многих стало ясно, что административная комиссия сыграла скверную шутку с Унитарной Конфедерацией Труда. Вопрос, таким образом, с открытием с'езда в С.-Этьене был поставлен не только за или против взаимного представительства Коминтерна и Профинтерна, а гораздо шире—за или против диктатуры пролетариата, за или против русской революции, за или против организованного насилия над буржуазией. С.-Этьенскому конгрессу пришлось делать выбор между революционной фразой и революционным действием.

ГЛАВА VII.

Состав Сент-Этьенского конгресса.

На Сент-Этьенский конгресс приглашались те союзы, которые до 1 июня сделали заявления о своем выходе из Реформистской Конфедерации Труда и о присоединении к конфедерации революционной. Это было сделано с целью закрыть доступ колеблющимся союзам, для того, чтобы отрезать им возможность, находясь в Реформистской Конфедерации Труда, принять в целях единства, участие в с'езде Унитарной Конфедерации Труда. Это постановление было, главным образом, рассчитано на то, чтобы положить резкую грань между обеими конфедерациями, для того, чтобы организации сделали окончательный выбор. Эта мудрая тактика была проведена нетерпеливыми анархо-синдикалистами, спешившими возможно скорее завершить раскол и создать свою организацию. Коммунисты понимали опасность такой тактики, но они ничего не сделали, чтобы помешать ей.

С'езд был создан на основе старого устава Всеобщей Конфедерации Труда с некоторыми ограничениями. Надо отметить, что французская конфедерация труда имеет крайне своеобразные формы и методы представительства: каждый союз имеет право на один голос, независимо от количества членов. Таким образом, несколько тысяч горнорабочих и пара десятков шапочников имеют равное количество голосов. Но так как мелкие союзы не имеют возможности посылать делегатов на с'езд, то они обычно посылают мандат. Отсюда получается то странное зрелище, что многие делегаты вытаскивают мандаты из всех имеющихся у них карманов. Раньше количество мандатов, которыми мог манипулировать отдельный делегат, было неограничено. У. К. Т. внесла ограничение до 10, но и это точно так же искажает представительство на конгрессе. Бывает так, что многие мандаты носят императивный характер, и, таким образом, делегаты обязаны голосовать согласно полученным указаниям со стороны союзов. Но так как некоторые делегаты располагают не только императивными мандатами, но и свободными, то они могут ими распоряжаться, как хотят. Такой способ голосования не дает точного представления о соотношении сил и искажает перспективу.

Французские федерации построены на автономии местных союзов, и каждый союз внутри производственной федерации и вне ее равен другому союзу. Если в департаменте имеется несколько городов, то в каждом городе имеется свой самостоятельный союз. В Париже железнодорожники имеют несколько самостоятельных союзов. Автономия мест идет так далеко, что есть союз железнодорожников левого берега Сены и правого берега Сена, союз железнодорожников предместья Парижа Сен-Дени и т. д. Таких самостоятельных союзов, а следовательно и мандатов, железнодорожники имели 222, строители—177, металлисты—99, текстильщики—52, пищевики—65, медперсонал—45, служащие почт и телеграфов—47, учителя—35, кожевники—36 и т. д. Всего на с'езде было представлено 1.165 синдикатов, об'единенных в 44 федерации и 71 департаментское об'единение, с общим количеством членов в 360.000. В среднем на каждый союз приходится по 300 членов. Но эта средняя не дает никакого представления о силе отдельных союзов. На с'езде были союзы, имеющие 5—10 тыс. членов и 15—20 членов, при чем каждый союз имел один голос.

Это равенство голосов независимо от количества членов является старой болезнью французского синдикализма. Некоторые синдикалисты усматривают даже в этом один из существеннейших признаков революционного синдикализма, устанавливающий равноценность отдельных отраслей промышленности независимо от количества рабочих. «Если бы мы встали на точку зрения пропорционального представительства,—говорили неоднократно революционные синдикалисты,—то тогда одна-две корпорации могли подавить своим количеством все остальные». «Такая опасность возможна,—возражал я еще в спорах с синдикалистами до войны,—но если не встать на точку зрения пропорционального представительства, то тогда мелкие союзы подавят крупные. Возможен такой случай, когда большинство представителей высказывается за стачку, но это большинство голосов принадлежит мелким союзам, а бастовать-то ведь надо и крупным. При таких условиях возможен срыв революционных действий, ибо призыв к ним может быть сделан против воли большинства». Между прочим, это неоднократно имело место до войны. Тем не менее, принцип равноценности и равноправия всех союзов остался, и Унитарная Конфедерация Труда свяшенно соблюла его на Сен-Этьенском конгрессе.

Вот почему так трудно определить удельный вес боровшихся на с'езде течений, к характеристике которых мы теперь и переходим.

А н а р х и с т ы .

Анархизм—старое французское растение. Французская почва всегда была благоприятна для роста анархических настроений и анархических идей, но анархизм принадлежит к тем растениям,

которые, несмотря на свой почтенный возраст, имеют карликовый рост. Во время войны анархизм совершенно исчез. Очень незначительное число анархистов осталось верным анархическому знамени. Большая же часть из них превратилась в анархо-патриотов—разновидность рода человеческого не менее отвратительную, чем социал-патриоты. Наиболее устойчивое течение среди анархистов кристаллизовалось в органе, который носит название «Либертер», при чем орган этот имеет сравнительно большое влияние.

Всего организованных анархистов во Франции 1.500—2.000 чел. Располагают они еженедельным органом «Либертер», имеющим 12-тысячный тираж, и вот этими силами они работают внутри профдвижения. Надо отдать им справедливость, они в последние годы вели очень упорную и энергичную работу и поэтому добились значительных результатов в смысле влияния на Унитарную Конфедерацию Труда. Достаточно сказать, что от конгресса единства (декабрь 1921 г.) до Сент-Этьенского конгресса фактически линию Унитарной Конфедерации Труда определяли анархисты, несмотря на то, что они формально были в меньшинстве в руководящем органе революционной Конфедерации Труда.

Какова же идеология анархистов? Точка зрения анархистов наиболее ярко проявилась на Сент-Этьенском конгрессе. Еще до Сент-Этьенского конгресса в ряде статей и выступлений анархисты заняли решительно враждебную позицию по отношению к Советской России и диктатуре пролетариата. Для них русская революция не есть настоящая революция потому, что она не совершилась по книжкам Бакунина и Кропоткина. «Всякое государство есть зло»—так гласят анархические книжки, и так как в России было создано государство, правда, совершенно другого типа, то анархисты самым решительным образом выступили против него. Они брали на себя защиту Махно, считая его истинным и действительным поборником вольного коммунизма.

На международном конгрессе в Берлине (декабрь 1921 г.) анархисты вместе с остальными провели резолюцию, предлагающую всем анархистам, работающим в профдвижении, бороться за создание революционного синдикалистского Интернационала. Вот это решение французские анархисты проводили в жизнь. Задача заключалась в том, чтобы создать максимальное количество трений между Профинтерном и французскими синдикалистами. Для того, чтобы достигнуть этого, нужно было запутать вопрос и замутить воду. В смысле путаницы анархисты давно уже побили все рекорды. В центре анархического обстрела была Советская Россия, ее политика, Коммунистический Интернационал и Профинтерн. Все, что исходит от политической партии—зло, профсоюзы должны быть абсолютно независимы от партии, и Профинтерн ничего общего не должен иметь с Коминтерном. Всякая связь, какова бы она ни была, есть зависимость и подчинение политикам.

Приведем несколько анархических перлов. Начнем с Коломера, который претендует на роль теоретика, потому что никто не может понять его поселковой философии: «Коммунистическая партия — это царство добрых намерений, коммунистическая партия — это объединение всех, кто морально хочет быть с пролетариатом, но кто практически, в действительности, не идет с ним. Мы не колеблясь заявляем, что синдикализм не только должен быть вне партии, но мы также утверждаем, что одним из основных условий жизнеспособности синдикализма является самоутверждение и борьба против политических партий». Почему необходима эта борьба? «Потому, что партия стремится к захвату политической власти, это — правительство в зачаточной стадии».

«Мы не должны быть противниками государства только в теории, мы должны быть противниками государства, стоящего перед нами, мы должны быть также противниками всего того, что подготавливает государство. Следовательно, мы должны быть противниками партии». Коломер утверждает, что «синдикализму нечего опасаться анархических группировок, потому что в союзе анархистов нет партийной дисциплины, нет действительного членства. Союз анархистов представляет собой моральный очаг, к которому время от времени обращаются отдельные индивидуумы для обновления своих сил, но они никогда не берут на себя обязательства стоять на определенной позиции, быть дисциплинированными членами. Анархия является душой синдикализма, т.-е. анархия стремится к утверждению права индивидуума жить и наслаждаться свободой.

«Синдикализм будет существовать до тех пор, пока существует государство, так как государство, это — эксплуатация, государство имеет свои законы, оно поддерживается солдатами, армией, полицией, оно всегда будет совершать несправедливости; ему всегда противопоставлен синдикализм, т.-е. непрерывное движение управляемых индивидуумов к свободе, движение непрерывного стремления обеспечить свое благополучие, естественное движение производителей самой области производства».

Все эти грошевые анархические истины пересыпались требованиями единого союза рабочих, крестьян и интеллигенции и выспренними словечками, на основании которых следовало бы заключить, что анархисты имеют свою формулу прогресса. Анархическая формула прогресса на философском языке Коломера носит название *индивидуализированная синдикализация*. Судя по названию, дело идет о чем-то очень глубоком и очень сложном, настолько глубоком и настолько сложном, что разъяснению, за невозможностью это сделать, не подлежит. Проще всего было бы, конечно, спросить автора, что значит эта формула, но это было бы бесчеловечным варварством, ибо он-то как раз меньше всего мог бы ответить на этот нескромный вопрос.

Второй оратор от анархистов, Лекуэн, не мудрствуя лукаво, как его страдающий философическим головокружением коллега, говорит то же самое, но проще и понятнее:

«Даже если бы устав Профинтерна удовлетворил ваше требование, вы все же не могли бы войти в Интернационал, который заседает в Москве, так как Красный Интернационал Профсоюзов является только отделением Коммунистического Интернационала, пассивным орудием русского правительства,—правительства, которое взяло на себя обязанность осуществлять диктатуру пролетариата и, следовательно, заменяющего своей волей волю организованных рабочих.

«Мы были бы солидарны с русским правительством, если бы мы согласились присоединиться к Профинтерну. Но мы не можем быть солидарны, потому что мы знаем о преследованиях, которым подвергались наши товарищи анархисты и синдикалисты, знаем о безжалостных репрессиях против тех, кто защищает столь дорогие нам идеи профессиональной независимости и пролетарской свободы».

Анархисты на Сент-Этьенском конгрессе, Лекуэн, Коломер и другие, сосредоточили, как мы видим, все свое внимание на русской революции. Все в Советской России им не нравится, начиная от правительства и кончая союзами. «Нам говорят,—воскликнул Лекуэн,—о том, что в России 7 миллионов профессионально-организованных рабочих. Это не свободные люди, а 7 миллионов рабов на услужении правительства». Анархические ораторы хотели уверить съезд, что все государства друг друга стоят, что государство независимо от его типа и вида, всегда реакционно, и что задача профсоюза самым решительным образом бороться против какого бы то ни было государства. Особенно ненавистна анархистам диктатура. При одном слове «диктатура» они приходят в раж, что видно из приведенных выше цитат. Они хотят добиться «абсолютной свободы», — анархисты всегда говорят в терминах вечности,— и та революция, которая с первого же дня не обеспечивает каждой личности возможность делать то, что она хочет, с их точки зрения, не осуществляет своей задачи и идет по пути ликвидации революционных завоеваний народных масс. Когда мы говорили, что их отрицательное отношение ко всем политическим группировкам должно также распространяться и на анархистов, они на это отвечали, что ничего общего не имеют с политическими партиями, и поэтому попытка зачислить анархистов в политическую группировку не выдерживает ни малейшей критики. На съезде они шли во главе оппозиции, при чем они совершенно не скрывали, что имеют своей задачей водрузить на У. К. Т. свой анархистский флаг. «Нас выбрали,—писал накануне съезда Коломер,—в административную Комиссию, потому что знали наши убеждения, и мы считали не только своим правом, но и своей обязанностью ориентировать У. К. Т. под животворящее солнце анархии». Горе тому коммуни-

сту, который бы осмелился сказать, что он стремится ориентировать профдвижение к коммунизму. Анархисты напали бы на него с пеной у рта, доказывая, что такая попытка является святотатственным нарушением принципов революционного синдикализма и самой основы французского рабочего движения.

Анархисты относятся презрительно ко всем попыткам завоевать массы. У них вообще большое недоверие к массам. Натравливая рабочих на интеллигенцию, они одновременно требуют включения *всей* интеллигенции в качестве производителей в профсоюзы; падая ниц перед массами, ссылаясь в каждом удобном и неудобном случае на то, что они делают только то, чего хочет масса, они являются наиболее ярко выраженными представителями той интеллигенции, которая смотрит на массы как на быдло. Для них масса всегда инертна, неинициативна, и ее участие в организации не только ненужно, но даже вредно. Достаточно иметь несколько тысяч боевиков, и буржуазия будет низвергнута. Отрицая массовые организации, они, тем не менее, хотят руководить массами. Как же руководить массами без массовых организаций? Вот в этом противоречии бьются всегда анархисты, при чем бедность мыслей и логики они заменяют богатством слов, силой выражения и внезапными формулами, в которые они пытаются вогнать, как в гроб, свои пестрые и мало связанные логикой мысли. Это типичной складки люди, для которых мертвая книжка важнее живой жизни. Почему они нападают на русскую революцию? Да потому, что революция совершается не так, как об этом писали апостолы и руководители анархизма. Они очень много любят говорить об измене социализма во время войны, но они упорно забывают о том, что Кропоткин был социал-патриотом и что уже после русской революции он поддерживал правительство Керенского против восстающего пролетариата. Политический и моральный уровень французского анархизма определяется тем, что одним из его главнейших теоретиков и руководителей является болтливый, как сорока, плакавший в жилет министра Мальви и попавший под суд за чисто сенаторские вожделения к своим малолетним ученицам— Себастьян Фор. О таких вещах они не любят вспоминать, зато они заучили на-зубок целый ряд фантастических рассказов буржуазно-реформистской прессы о России, и их «Либертер» является бесплатным приложением к буржуазно-реформистской истории российской революции. «Либертер» стал поставщиком грязных инсинуаций и ложных сведений, касающихся Советской России, а группа, ведущая работу против Советской России, об'ективно является контр-революционной и внутри своей собственной страны. Борьба анархистов в Сент-Этьене против Профинтерна была лишь логическим выводом из их анти-коммунистической и анти-советской позиции.

Чистые синдикалисты.

Чистые синдикалисты, это—союзники анархистов. Вместе с ними они подписали знаменитый договор, вместе с ним они составили блок на конгрессе в Сент-Этьене против коммунистов и синдикалистов-коммунистов. Для ораторов этого течения, имеющего за собой ряд профсоюзов и федерацию строительных рабочих, главным орудием социальной революции являются профсоюзы. Они относятся враждебно ко всем политическим группировкам, они провозглашают абсолютную независимость французского синдикализма от каких бы то ни было партий и философских школ.

Еще до конгресса виднейшие представители этого течения вели ожесточенную борьбу против Профинтерна под лозунгом абсолютной и полной независимости профдвижения в национальном и международном масштабах. Чистые синдикалисты вместе с анархистами ориентировали Унитарную Конфедерацию Труда против Советской России. Но они занимали более осторожную позицию, чем анархисты. В то время, как анархисты для себя уже решили окончательно, что Советская Россия является вместилищем всех зол, и в соответствии с этим повели свою политику, чистые синдикалисты стремились не нападать на Советскую Россию с фронта, а занимались по преимуществу обходными движениями. Союз есть все, он—начало и конец революционного движения. Синдикализм достаточен для всего «*Le Syndicalisme suffit à tout*». В этом отношении крайне характерна резолюция, которая была внесена анархо-синдикалистами на Сент-Этьенский конгресс. Вот что мы читаем в резолюции Бенара, которая, как и синдикализм, универсальна, всеобъемлюща и «достаточна для всего».

«...Конгресс считает необходимым заявить, что будущая революция будет носить экономический характер, она будет произведена народом и для народа. Возвращаясь к тексту Амьенской резолюции, которая гласит, что синдикат, являющийся в настоящий момент оборонительным органом, будет в будущем органом производства и распределения, конгресс утверждает, что синдикализм, являющийся естественным и конкретным выражением движения производителей, содержит в себе в скрытом и органическом состоянии все стороны руководящей деятельности, которой предстоит закрепить основу обновленной жизни.

«...Конгресс без колебаний утверждает, что синдикализм представляет собой в настоящий момент главную силу, действующую в плоскости исторических событий, и что на его долю выпадет после революции, когда он объединит в себе все другие социальные силы, выражением и синтезом которых он будет, великая задача взять в свои руки производство, управление общественной и социальной жизнью.

«Конгресс утверждает, что все революционные вспышки народов, имевшие место до настоящего времени и использованные политическими партиями, имели только политические последствия, не внося никаких значительных изменений в социально-экономическую структуру общества. У. К. Т. заявляет о своем стремлении немедленно создать кадры для социально-экономической жизни завтрашнего дня; она считает необходимым рассмотреть сейчас же характер и общее функционирование общественно-экономического аппарата.

«Капитализм,—следствие и результат прошлого, оформленный руководящими силами, вне зависимости от какой бы то ни было доктрины или теории, пришедшей к концу своей исторической эволюции,—должен быть заменен синдикализмом, действительным выражением жизни людей, живущих обществом.

«...Синдикализм своей наступательной деятельностью преследует цель координации усилий пролетариата, увеличение благосостояния рабочих путем осуществления улучшения настоящего момента, улучшения, каким является сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д. Синдикализм prepares изодня в день освобождение трудящихся, которое будет осуществлено только путем экспроприации капиталистов.

«Задачей синдикализма является создание постоянной оппозиции капиталистам, уменьшение власти предпринимателей и увеличение власти синдикатов. Конгресс считает, что этих результатов можно добиться только путем введения профессионального контроля во всех областях производства, в то же время как профессиональный контроль даст возможность технического профессионального воспитания рабочих, необходимого для реорганизации общества, можно будет также и осуществить подготовку рабочих к управлению производством.

«Конгресс готов голосовать за присоединение У. К. Т. к любому Интернационалу, который разделит вышеизложенные принципы.

«Считая необходимым противопоставить общий рабочий фронт международному капиталу, конгресс заявляет, что рабочие должны на самом деле объединиться внутри одной организации, в которой они в международном масштабе найдут продолжение классовой борьбы, которую ведут в каждой стране рабочие против своих предпринимателей.

«Конгресс считает, что профессиональному движению, основанному на классовой борьбе, может быть место только в том Интернационале, который принимает следующие принципы:

1. В национальном масштабе.

«Полная автономная, абсолютная независимость в административной работе, в пропаганде, в подготовке выступления, в изучении организационных методов будущей борьбы и, наконец, в самой борьбе.

2. В международном масштабе.

«Полная автономия и независимость, как в национальном масштабе.

«Таким образом Интернационал профсоюзов не может быть ни в коем случае связан с международной политической организацией. Конгресс поэтому отвергает какое бы то ни было взаимное представительство и взаимопроникновение».

Из этой выдержки видно, прежде всего что анархо-синдикалисты придерживаются очень хорошего мнения о синдикализме. Но спрашивается, как же они думают достигнуть тех результатов, которые они намечают? Они считают, что синдикализм имеет достаточно сил, чтобы осуществить всю революцию, но почему же, спрашивается, профсоюзы до сих пор не развивались по этой теории? Если профсоюз по самой своей сущности организация революционная, то каким же образом объяснить, что профсоюзы во время войны играли реакционную роль и что до настоящего времени большинство союзов стоит на реформистской точке зрения? Нельзя же думать, что это исключительно вина руководителей. Руководители, несомненно, имеют большую вину; тем не менее их поведение соответствует желаниям определенных слоев рабочего класса, организованного в профсоюзы. Дальше, если профсоюзы по самой своей сущности организация революционная, а все остальные пролетарские организации представляют собой посторонние рабочему классу группировки, то чем объяснить растущее влияние коммунистических партий среди рабочих всех стран? Вообще, как объяснить такого рода факты? Этими вопросами чистые синдикалисты не задаются. Они вообще думают, что мир развивается по законам, установленным во Франции, и в этом заключается чисто национальный характер революционного синдикализма. Все они считают Францию центром земли, а революционный синдикализм центром этого центра, и именно поэтому они в своем органе «Революционный Синдикалист» неоднократно писали, что синдикализм должен занимать в рабочем движении первое место. Мне пришлось на это ответить, что Профинтерн не представляет собою департамента геральдики и не выдает никаких орденов и билетов на первые места. Кроме того, первые места в рабочем движении занимают иначе, чем, скажем, в театре: в театре достаточно уплатить большую сумму, чтобы получить первое место, а в рабочем движении первые места оплачиваются кровью, и никто абсолютно не мешает французским синдикалистам это первое место занять. Для них, как и для анархистов, присоединение к Профинтерну абсолютно невозможно. Что не нравится им в Профинтерне? Если прочитать всю литературу, все то, что они писали, получается впечатление, как будто Профинтерн имеет только лишь один недостаток—это § 11 его устава, устана-

вливающий взаимное представительство с Коминтерном. Но это только формальная сторона дела. За резкой критикой § 11 устава скрывалась критика самих основ, на которых построен Профинтерн. Первое время они только лишь нападали на § 11, затем оказалось, что дело идет об абсолютной независимости профдвижения французского и международного от коммунизма.

Но на этом дело не остановилось, ибо формула абсолютной независимости профдвижения, если она имеет еще какой бы то ни было смысл, сводится к противопоставлению синдикализма коммунизму, к провозглашению исключительной роли профсоюзов в революции и к отодвиганию на второстепенный план коммунистической партии и Коммунистического Интернационала. Отдвигая коммунистическую партию на второй план, чистые синдикалисты пришли к отрицанию диктатуры пролетариата и в этом отношении целиком стали на точку зрения анархистов. Год тому назад они выдвигали формулу: «вся власть профсоюзам» и полагали, что диктатура будет осуществлена профсоюзами, теперь они высказываются против самого принципа диктатуры пролетариата, понимая прекрасно, что диктатура пролетариата и пролетарское государство, это—одно и то же.

Независимость была тем коньком, на котором ездили чистые синдикалисты в течение нескольких дней Сент-Этьенского конгресса: они требовали абсолютной, полной, исключительной независимости. Партия не только не имеет права вмешиваться во внутренние дела профсоюзов, но она не имеет права высказывать свое мнение по вопросам профдвижения. Они не идут так далеко, чтобы запретить членам союза быть членами политической партии, но они требуют от каждого члена профсоюза, чтобы он, переступив порог профсоюза, забывал о том, что он коммунист. Бенар, обосновывая свою крайне путаную резолюцию, между прочим, высказал следующие сентенции:

«Мы считаем, что в основу должна быть положена свобода, для того, чтобы свобода чувствовалась и на вершине; если же вы положите в основу государство, вы его найдете на вершине.

«Синдикализм будет в новом строе тем же, чем является капитализм настоящего строя. Мы различаем три фактора производства: 1) рабочая сила, 2) техника и 3) наука.

«Что касается крестьянина, то он принадлежит к пролетариату. Нужно тесно связать крестьянина и рабочего в У. К. Т.

«Капитализм и государство будут пытаться опять захватить власть. В этот момент народная революция произойдет не только в мастерской, но также и среди рабочих масс, находящихся в казармах. Эти массы придут к вам, они придут не с пустыми руками. Всеобщая стачка будет длиться независимо от того, какое создается правительство.

«Нужно, чтобы Интернационал был свободен, начиная сверху, если вы хотите, чтобы У. К. Т. была свободна снизу.

«Вы будете иметь Унитарную Конфедерацию Труда синдикалистскую или же коммунистическую, в последнем случае во главе вам придется поставить Фроссара для того, чтобы жить в мире с Исполкомом Москвы».

Его товарищ по административной комиссии и коллега по пунтани выступил со страстной филиппикой против всякой «опеки» и против коммунистического чудовища, пожирающего невинных синдикалистских младенцев.

«Здесь не нужно ширм,—говорит Кадо,—борьба развернулась во-всю между марксизмом и федералистическим синдикализмом. Мы говорим, что пролетариат достаточно развит, что он может без марксизма идти своей дорогой, что он не нуждается в партии, что он нуждается только в том, чтобы вы как производители предоставили в распоряжение труда единственную классовую профессиональную организацию пролетариата.

«Эти товарищи стремятся установить опеку над единственной существующей силой, способной осуществить экономическую революцию, над силой труда, силой, заключающейся исключительно в нас, в наших рабочих организациях, распространяющих свою деятельность до бесконечности, в то время как другие организации, политические, философские, искусственно привиты к труду. Нужно спасти рабочее движение от этой новой опеки, которая кроет в себе власть в такой же степени, как буржуазная опека, как всякая опека.

«Мы не говорим и не скажем никогда: пролетарское государство. Вы хотите придать синдикализму формулу, согласно которой государственная власть передается в руки партии... Что касается нас, мы не противопоставляем никакую формулу вашей формуле, так как мы точно не знаем, как мы организуем наступление и оборону революции, — но, во всяком случае, это не будет путем государственной власти, т.-е. централизованного органа. ...Мы никогда не можем согласиться на признание какой бы то ни было власти. Мы не утверждаем, что всякая власть будет изгнана после революции. Мы не можем этого говорить. Я не хочу разводить демагогию. Но мы имеем право поступать так, чтобы было возможно меньше власти. Никогда пролетариат этой страны не даст себя поработить. Синдикализм достиг своего совершеннолетия. Он не нуждается в вашей опеке».

Самое замечательное в этих речах—признание Кадо, что он не знает, как синдикалисты будут бороться с контр-революцией, что не помешало ему заявить, что это «не будет путем государственной власти». Не знаем... все же знаем, что это будет не по-московски,—в этом вся суть чистого синдикализма, который, вместо изучения революционного опыта высасывает из пальца свои формулы.

«Партия, — говорит один из их ораторов,—хочет быть гегемом в рабочем движении. но не нужно забывать, что У. К. Т. имеет 360 тысяч членов, а партия имеет всего лишь 60 тысяч. Таким

образом, партия является частью Унитарной Конфедерации Труда; как же может часть быть выше целого?» Здесь, что ни слово, то путаница. Прежде всего, те 360 тысяч членов, которые имеются в У. К. Т., не все синдикалисты, там имеются и синдикалисты, и коммунисты, и анархисты, и, главным образом, внепартийные рабочие. Синдикализм и синдикаты далеко не одно и то же. Члены союза не имеют определенной программы, они входят в союз независимо от их политических убеждений, тогда как члены партий подбираются по принципу единства взглядов. Надо бы сравнивать не 60 тысяч коммунистов и 360 тысяч членов У. К. Т., а 60 тысяч коммунистов с 1.300 анархистов или 2 тысячами чистых синдикалистов. Вот если бы оратор произвел такое сравнение, он увидел бы, что коммунистическая партия даже с точки зрения численности имеет право говорить о руководстве рабочим движением.

В речах ораторов этого направления красной нитью проходила мысль о том, что они сделают все без партии. Чем больше они подчеркивают свою независимость и абсолютную автономию, тем яснее видно было, что здесь идет борьба не между профсоюзами и партией, а между анархо-синдикалистской партией и партией коммунистической за влияние в профсоюзах. Ибо что представляют собой чистые синдикалисты? Беда чистых синдикалистов заключается в том, что они смешивают синдикат с синдикализмом. Синдикат есть объединение рабочих без различия политических убеждений, а революционный синдикализм есть определенное идейное течение внутри этого рабочего движения. Синдикализм имеет свою теорию, недостаточно разработанную, но все же теорию. Он имеет свою тактику, т.-е., иначе говоря, чистый синдикализм есть политическая партия, отличающаяся от других политических партий тем, что она не называется партией, а все время ссылается на свою абсолютную беспартийность и даже враждебность каким бы то ни было политическим группировкам. Тем не менее это партия, которая борется с коммунистической партией за влияние на рабочие массы, и именно этим можно объяснить резкость борьбы и растущую ненависть синдикалистов против коммунистической партии.

Многочисленные ораторы чистого синдикализма стремились, как мы видели выше, главным образом, доказать, что французский синдикализм не нуждается в опекунах, что сами синдикалисты определяют свою ориентацию, выберут путь, по которому они пойдут. Отрицая партию, они должны были отрицать цель партии—захват власти. Как же мыслят себе чистые синдикалисты этот переходный период? Они знают, что в борьбе с буржуазией придется применить насилие, но они уверены, что само насилие для того, чтобы оно дало больше результатов, должно применяться не государством, а экономической организацией пролетариата. В этом же смысле высказалась и берлинская конференция анархо-синдикалистов, где анти-государственная и анти-

политическая точка зрения были максимально и ясно выражены. Что касается Интернационала, то анархо-синдикалисты все время стремились доказать, что они ничего не имеют против Профинтерна, что они готовы даже присоединиться к нему, если он, конечно, станет на точку зрения абсолютной независимости от политических группировок. Но они не скрывали того, что эта абсолютная независимость от политических партий означает противопоставление и борьбу Профинтерна и Коминтерна. Они ставили Профинтерну ультиматум, требуя от него признания целого ряда революционно-синдикалистских принципов, заявляя наперед, что они не вступят в Профинтерн до тех пор, пока он не примет их точку зрения. В этой анти-коммунистической группировке, рядом с Бенаром, Бартом, Вебером, Кадо и другими, выступали коммунисты Кентон, Тотти, Майю, которые с такой же энергией защищали анти-коммунистическую точку зрения, как и чистые синдикалисты. *

Характерная особенность этой группировки заключается в отвлеченности ее программы. Не случайно анархисты и чистые синдикалисты, говоря в течение нескольких дней о задачах профсоюзов, все время витали в области отвлеченных вопросов; они больше всего занимались тем, что сделают профсоюзы после революции? Их очень волновал вопрос о том, кто станет во главе революционных событий, кто осуществит революцию: партия или союз? Они со всей страстью доказывали, что только союзы в состоянии сделать это.

Как бы ни было интересно знать, что будет после социальной революции, не подлежит ни малейшему сомнению, что гораздо интереснее для французского рабочего знать, что делает его революционная организация сейчас, в настоящее время, чтобы приблизить желанный момент. В этом отношении среди чистых синдикалистов свирепствовала та же схоластика, та же отвлеченность и то же метафизическое крючкотворство и стремление во что бы то ни стало расщепить волос на четыре части, как и среди анархистов. И это неудивительно. Недаром на этом с'езде они составляли единый анти-коммунистический блок. Инициаторы в руководители этого блока поставили вопрос: п о л и т и к а или с и н д и к а л и з м ? Анархисты и анархо-синдикалисты стояли, конечно, за синдикализм, тогда как все то, что исходило от другой стороны, клеймилось как политика и подчеркивалось, как «указы» и «приказы» из Москвы.

Г Л А В А VIII.

Синдикалисты-коммунисты.

Выступление административной комиссии У. К. Т. против Советской России и выработка ею проекта анти-государственного устава заставили наиболее здоровую часть французских синдикалистов сплотиться и дать отпор анархо-синдикалистскому наступлению. Я уже указывал выше, что группа «Рабочей Жизни», которая имела большое влияние на синдикалистскую оппозицию, благодаря внутренним трениям вынуждена была уступить руководство У. К. Т. блоку анархистов и чистых синдикалистов.

Анти-советская и анти-коммунистическая резолюция административной комиссии подняла в широких кругах синдикалистов бурю протеста, и мы видим, как вокруг «Рабочей Жизни» складывается оппозиция официальному курсу, при чем эта оппозиция имеет свою теорию и свой взгляд на ближайшие задачи рабочего движения.

Первый вопрос, вокруг которого заострились прения, был вопрос о диктатуре пролетариата. Синдикалисты, сгруппировавшиеся вокруг «Рабочей Жизни», учли опыт войны и революции. Они научились многому от жизни, они не стояли на точке зрения анархистов, которые каждый раз, когда жизнь нарушала их теоретические построения, говорили: «тем хуже для жизни». Они стремились познать окружающие события, и в этом отношении русская революция сыграла решающую роль. Прежде всего она их научила тому, что их отрицательное отношение к диктатуре пролетариата и враждебное отношение к политическим партиям только потому, что они партии, не выдерживает, особенно в данной обстановке, критики, и, мы видим, что «Р а б о ч а я Ж и з н ь» берет на себя защиту диктатуры пролетариата вообще и выступает с рядом статей в защиту насильственной революции и государства переходного типа. Лозунгу: «синдикализм достаточен для всего» эта группа противопоставила другой лозунг: «синдикализм достаточен для самого себя»... *Le syndicalisme se suffit à lui même.* Этот лозунг в устах синдикалистов-коммунистов означает, что политическая партия имеет место под солнцем, что она может и

должна вести свою работу, но только лишь на равных правах с синдикалистами. Они не требуют исключительного места для себя, они не требуют гегемонии профсоюзов, но они протестуют также против гегемонии партии, они за равноправие и независимость обеих организаций. Для них самая мысль о том, что партия является авангардом рабочего класса, не выдерживает ни малейшей критики. Авангард,—говорят они,—внутри профсоюзов, и поэтому они, не оспаривая за политической партией права работать в массах, хотят с нею договариваться на равных правах, отказываясь придавать ей исключительное значение.

Группа «Рабочей Жизни» выступала очень резко в защиту коммунистов-«политиков». Надо иметь в виду, что слово «политик», «политика» очень загрязнены и захватаны во Франции. Этим хотят обозначить все самое худшее из области буржуазного обмана и подсиживания масс. Группа эта взяла на себя задачу реабилитировать не политику вообще, а революционную политику в глазах рабочих. Они не смешивают в одну кучу все партии и всех «политиков», они рассматривают каждую партию отдельно, и судят о ее руководителях по тому, что они сделали.

Эта группа выдвинула контр-проект устава и выступила решительно против той позиции, какую заняла Унитарная Конфедерация Труда по отношению к Советской России.

Уже накануне С.-Этьенского конгресса полемика между этой группой и анархо-синдикалистским блоком крайне заострилась. Монмуссо, руководитель «Рабочей Жизни», был объявлен изменником делу синдикализма, подставным лицом французской коммунистической партии и Москвы, одним словом, на его голову вылили все то, что имелось в распоряжении анархо-синдикалистских крикунов. На с'езде в С.-Этьене ораторы этого течения развили свою точку зрения. «Мы не предписываем никаких законов революции, — говорил Монмуссо, — для нас революция, это — высший закон, и ей мы подчиняем все наши как частные, так и корпоративные интересы». Остановившись далее подробно на том, что такое диктатура, Монмуссо заявил, что рабочий класс, который отказывается применить диктатуру, никогда не сумеет победить своего классового врага. Монмуссо резко нападает на анархистов за их желание «толкать союзы к живительному солнцу анархии» и доказывает рядом цитат из постановлений анархических с'ездов и конференций, что они тоже стоят за систему ячеек для овладения синдикатами. Некоторые заявляют себя синдикалистами в Сент-Этьене и анархистами в «Либертере», он же к партии не принадлежит, ибо не считает возможным работать на двух фронтах, так как он не принадлежит к людям о двух головах.

Если Коломэр имеет право в административной комиссии подвергать профессиональную организацию действию живительного солнца анархии, то коммунисты также имеют право подвергать профессиональную организацию действию солнца, не менее живительного для них и для нас солнца русской революции.

«Мы,—говорит дальше Монмуссо,—не являемся людьми двуликими, мы, синдикалисты, не входим в политическую партию, но все же мы являемся коммунистами». Свое *credo* Монмуссо выражает следующими словами: «Мы являемся сторонниками той точки зрения, которая утверждает, что революция нуждается в многочисленных кадрах, объединенных в синдикатах; эти кадры нужны не только для повседневной перманентной борьбы, подготавливающей изо дня в день революцию и направляющей пролетариат к революции; революция нуждается в многолюдных, готовых под давлением изнутри разорвать свою оболочку, синдикатах. Таков тезис, который мы защищаем». Монмуссо дальше выступает в защиту российской революции и указывает, что «русская революция без ее деятелей является абстракцией».

«Мы марксисты, мы коммунисты»,—заявил Монмуссо, но это не мешает ему выступить самым решительным образом против притязаний коммунистической партии быть душой профдвижения. Обе формулы: анархия—душа профдвижения, коммунизм—душа профдвижения, для него неприемлемы. «Мы с одинаковым порывом выступили против притязаний Марсельского конгресса коммунистической партии, как против Берлинского конгресса анархистов. «Авангард синдикализма,—заявили мы,—в синдикате. Ни одно из проявлений синдикализма, ни одно его решение, ни одно выступление не нуждалось в находящемся вне синдикализма авангарде. Синдикализм достаточен для самого себя. Он живет собою, своими кадрами, в своих кадрах, со своим авангардом, состоящим из коммунистов, анархистов, синдикалистов, беспартийных и революционеров».

Полемизируя против федеративного утопизма, Монмуссо приводит следующие места, принадлежащие перу основоположника синдикализма Пеллутье: «Если централизация хороша для класса, стоящего у власти, то почему она не годится для рабочего класса? Имеем ли мы право в то время, когда государство концентрирует свои средства защиты, распылить наши силы?» «Бесспорно, — говорит Пеллутье, — мы являемся федералистами, бесспорно мы не должны отказаться от нашего требования автономности, разделения власти, уменьшения центральной власти, но должны ли мы применить эти требования к нам самим? Конечно, нет, если мы не хотим оказаться в дураках».

Формула «синдикализм достаточен для всего» является, по мнению Монмуссо, неправильной, так же как неправильна была бы эта формула в применении к коммунистической партии или к союзу анархистов. Монмуссо против подчинения, а за сотрудничество, когда это вызывается обстоятельствами, сотрудничество, которое не требует никакой органической связи, никакого подчинения, при помощи которого возможна общая деятельность для достижения общих целей, для которой не нужно брать на себя никаких обязательств на будущее.

Что касается Профинтерна, Монмуссо «просит Московский Интернационал не навязывать нам связи с французской коммунистической партией; мы выступаем в Москву объединенные одной революционной мыслью, но мы не отказываемся от нашего права защищать принцип независимости Интернационала Профсоюзов».

Поддерживая точку зрения «Рабочей Жизни», член коммунистической партии Франции, тов. Семар, заявил, что «синдикализм является синтезом и воплощением революционных сил; он овладеет при посредстве своих органов производством и управлением социальной и общественной жизни. Синдикализм отвергает всякую идею связи и подчинение одной организации другой; синдикализм всегда готов принять помощь, которую ему честно предлагают другие революционные организации».

Но если синдикализм является синтезом и воплощением революционных сил, то зачем тогда партия? Оказывается «она должна организовать массу крестьян для того, чтобы они служили революции или оставались нейтральными к революции». Но если партия пошла бы по этому пути, она превратилась бы в крестьянскую мелкобуржуазную партию? Жаль, что тов. Семар не пытался сделать логические выводы из своего предложения, он пришел бы к отрицанию пролетарской партии, членом которой он состоит. Семар закончил свою речь следующим заявлением: «Я являюсь сторонником полной независимости французского синдикализма. Мы не ставим условий для нашего присоединения к Профинтерну; если мы потерпим поражение на Втором Конгрессе Профинтерна, мы все же останемся в этой организации, я имею смелость утверждать это, так как я не принадлежу к числу лицемеров».

Дальнейшие ораторы этого блока, Оливье, Буэ и другие, высказались еще с большей определенностью по всем вопросам. Для них не могло быть и речи о сохранении анти-государственного характера статуты. Они были такого же высокого мнения о синдикализме, как и их товарищи, но они считали, что этот синдикализм только тогда осуществит свою миссию, если он откажется от анархо-синдикалистской концепции революции и если он сольется с русской революцией и с Профинтерном.

Идеология группы «Рабочая Жизнь» оставляет желать многого. Она имеет ряд пунктов, сближающих ее с чистыми синдикалистами. Там, где синдикалисты-коммунисты говорят о синдикализме, о независимости, там они, несомненно, гораздо ближе подходят к анархо-синдикалистам, чем к коммунистам, к которым они вплотную подходят своей безоговорочной защитой диктатуры пролетариата. Поскольку синдикалисты-коммунисты считают, что авангард пролетариата внутри профсоюзов, постолько они представляют собой разновидность политической группировки, построенной на основе непартийных союзов. Своеобразие положения во Франции заключается в том, что кроме коммунистической партии имеется еще неоформленная коммунистически-

«синдикалистская партия, которая на $\frac{3}{4}$ состоит из коммунистов-профессионалистов. В группе «Рабочей Жизни» и среди ораторов, которые защищали точку зрения этой газеты на задачи французских профсоюзов, было большинство членов коммунистической партии. Они тоже ультимативно высказывались за автономию и независимость французского профдвижения по отношению к коммунистической партии и стояли на точке зрения независимости Профинтерна от Коминтерна, считая, что такая независимость даст Профинтерну возможность развернуть свои силы и свою работу по сплочению революционных рабочих всех течений. Таким образом члены коммунистической партии Франции составляли основное ядро непартийной коммунистической группы на съезде в Сент-Этьене. Это странно, это поражает иностранного наблюдателя, но, тем не менее, это факт, с которым приходится считаться.

Мне приходилось говорить с некоторыми коммунистами, находящимися в группе «Рабочая Жизнь». Я спрашивал их: «Скажите, почему вы, будучи членами коммунистической партии, выдвигаете платформу, проникнутую синдикалистским духом. Почему вам со всеми коммунистами не объединиться отдельно и не выдвинуть своей платформы, чисто коммунистической?» На это я несколько раз получал один и тот же ответ: «Французское рабочее движение имеет свои особенности и традиции, с которыми нельзя не считаться. Вне автономии и независимости французское профдвижение не мыслится ни одному члену французских профсоюзов. Партия наша недостаточно еще коммунистична и недостаточно орабочена, чтобы она могла играть ту роль, какую играет, скажем, российская коммунистическая партия в профдвижении. Мы стоим за то, чтобы установить добрососедские дружественные отношения между партией и профсоюзами на почве равноправия обеих организаций. Если бы мы стали на другую точку зрения, то это привело бы в результате к противопоставлению партии и союзов и постоянной обостренной борьбе одной организации против другой».

«Рабочая Жизнь» стала центром, вокруг которого собралась наиболее здоровая и чуткая часть французских синдикалистов. Они сошлись со многими коммунистами на признании диктатуры пролетариата, защиты русской революции, необходимости для переходного времени государства и необходимости отстаивать независимость французского профдвижения и равноправия политической партии и профсоюзов.

По сравнению с чистым синдикализмом, эта точка зрения представляет собой громадный шаг вперед. Синдикалисты-коммунисты учитывают опыт войны и революции, роль Коммунистического Интернационала и политических партий. Они не подходят к переживаемым событиям с точки зрения метафизической. Самая неоднородность этой группы, противоречивость некоторых ее положений отражают процесс, правда, медленного но вес же изжива-

ния рабочим движением Франции анархо-синдикалистской идеологии. Это этап от анархо-синдикализма к революционному марксизму. Недостаточная теоретическая выдержанность объясняется ее анархо-синдикалистским происхождением. Эта коммунистическая группа с некоторыми синдикалистскими анти-партийными предрассудками, но это союзники, с которыми возможно и необходимо найти соглашение. Это революционные пролетарии, органически связанные с рабочей массой, и в этом их сила.

Коммунисты.

Коммунисты занимали все время очень своеобразное положение внутри Унитарной Конфедерации Труда. Они были объектом нападков анархо-синдикалистов, при чем они считали своим долгом молча выслушивать эти нападки. «Никогда старая социалистическая партия в прошлом,—пишет товарищ Томази в одном из своих докладов,—также как и коммунистическая партия в настоящем, не сумели или скорее не хотели заниматься действиями и поведением своих членов, работающих в профорганизациях. Так как очень редко, чтобы не сказать—никогда, члены партии не реагировали на получаемые удары, анархо-синдикалисты стали думать, что они могут просто вернуться к своим аполитическим формулам, которые представляли собой сущность довоенного синдикализма». Товарищ Томази, секретарь профессиональной Комиссии при коммунистической партии, признает, таким образом, что партия и не думала давать своим членам определенных директив. Именно поэтому члены партии разгуливали на конгрессе по разным группировкам. Несмотря на то, что партия старалась не иметь своего мнения по важным вопросам профдвижения, в союзах, благодаря серьезной работе журнала «Классовая Борьба», выходящего под редакцией т.т. Росмера, Томази, Годонеша и Турета, сложилось течение за безоговорочное присоединение к Профинтерну. Наиболее яркую форму приняло это течение на севере Франции, где имеются гедистские традиции и также в Эльзас-Лотарингии, где рабочие прошли немецкую школу. В резолюции Униона департамента Мозель высказывается самый решительный протест против позиции административной комиссии и ставится ребром вопрос о безоговорочном присоединении к Профинтерну. Для товарищей из этого департамента вопрос о присоединении к анархо-синдикалистскому Интернационалу равносителен расколу французского профдвижения. Они заявляют, что должны будут прекратить уплату членских взносов, если съезд предпочтет Берлин Москве. Они открыто объявляют себя коммунистами, протестуя против травли Коммунистического Интернационала и коммунистической партии. В этом духе и высказывались представители эльзас-лотарингских профсоюзов. Так же резко ставил вопрос о русской революции секретарь союза северного департа-

мента, тов. Лоридан. Он считает, что резолюция Монмуссо недостаточно полна. Коммунисты имеют право бороться в синдикатах и добиваться победы своей точки зрения. Лоридан удивляется тому, то вся дискуссия ведется вокруг параграфа 11 устава Профинтерна. Он указывает на то, что устав Профинтерна охватывает вопрос о производственных синдикатах, о фабзавкомах, о рабочем контроле и т. д. Лоридан заканчивает свою речь следующими словами: «Когда рабочий вступает в синдикат, он не требует отмены того или иного параграфа устава. Мы без всяких оговорок вступаем в Московский Интернационал. Мы, коммунисты, громко выражаем наше восхищение революцией и русскими революционерами. Мы заявляем нашу солидарность с русской революцией, с ее ошибками и также с тем, что вы называете ее преступлениями. Всей душой мы, коммунисты, хотим вступить в Красный Интернационал Профсоюзов».

Горячую речь за безоговорочное присоединение произносит и Томази. Затем товарищ Фроссар опровергает анархо-синдикалистские обвинения против коммунистической партии и, между прочим, говорит: «Синдикализм не есть только доктрина, он больше, чем доктрина. Синдикализм есть жизнь, он должен обладать достаточной смелостью мысли и проникательностью для того, чтобы подвергнуть пересмотру свои формулы и свои средства борьбы. Он должен учесть историческое значение войны и русской революции, которая принесла неисчислимые жертвы во имя освобождения всего мира от опеки капитализма и международной буржуазии. Присоединение У. К. Т. к Красному Интернационалу Профсоюзов,—детищу русской революции,—явится наиболее полным выражением солидарности французского пролетариата». Фроссар заканчивает свою речь призывом противопоставить блоку буржуазии единый революционный фронт, созданный вокруг русской революции.

Все ораторы-коммунисты, подчеркивавшие, что и они стоят за автономию, требовали немедленного присоединения, ввиду того, что требуемые гарантии уже выполнены. Все они стоят за автономию профдвижения, но они считают, что официальные гарантии Профинтерн уже дал и что дальнейшие требования автономии и подчеркивание своей независимости является политическим шагом со стороны анархо-синдикалистов, желающих на этом вопросе создать затруднение между Профинтерном и французским профессиональным движением.

Важнейшим фактом на с'езде в Сент-Этьене было собрание коммунистов, членов с'езда. Впервые в истории последних 20 лет французского рабочего движения члены партии собрались накануне с'езда профсоюзов для обсуждения вопросов, связанных со с'ездом. На этом собрании выступил Фроссар с изложением взглядов коммунистов на задачи профдвижения и на отношения французских союзов к Профинтерну. Фроссар указал, что ни резолюция Бенара, ни резолюция Монмуссо не могут удовлетворить комму-

нистов, которые должны отстаивать безоговорочное присоединение к Профинтерну. «Коммунисты,—говорил он,—ревностно работали для вербовки членов У. К. Т.; этим объясняется то обстоятельство, что в настоящий момент коммунисты стоят во главе многочисленных организаций. Но в этих организациях они не должны скрывать своих коммунистических убеждений. Конечно, дело не идет о подчинении, коммунисты не хотят этого подчинения, они стремятся создать сильную В. К. Т., проникнутую коммунистическим духом и мыслью». Это собрание вызвало, с одной стороны, большой под'ем среди коммунистов, но зато оно вызвало бешеный протест среди анархистов и анархо-синдикалистов. На следующий день анархо-синдикалисты и анархисты устроили на пленуме с'езда бурную сцену коммунистам за то, что они смели собраться, обвиняя их в желании подчинить французские профсоюзы коммунистической партии.

Если послушать анархистующих крикунов, коммунисты учинили заговор против жизни Унитарной Конфедерации Труда. На самом деле это, конечно, вздор, это было обычное коммунистическое собрание, где обсуждались вопросы коммунистической тактики, что является неотъемлемым правом коммунистов. Не так смотрят на это дело анархо-синдикалисты, которые, кстати сказать, не отказывали себе в праве собираться и обсуждать вопросы, связанные со с'ездом.

Характерно, что это единственное собрание коммунистов вызвало протест и среди коммунистов. Несколько членов коммунистической партии, членов с'езда, под напором анархо-синдикалистской демагогии заявили протест против этого собрания и здесь же публично вышли из партии. Это показывает, насколько слабо партийное сознание и партийная дисциплина. Не менее характерно для сосояния коммунистической партии Франции то, что на с'езде была группа «независимых», в которую также вошли коммунисты, при чем одни отстаивали безоговорочное присоединение, а другие присоединение с оговорками. Так коммунистка Марья Гильо, отстаивая Москву против Берлина, заявила: «Необходимо, чтобы общий дом был обитаем для всех, международная структура Профинтерна (связь с Коминтерном) мешает этому».

Сцена, разыгравшаяся вокруг фракционного заседания коммунистов, и независимость многих коммунистов от партийной линии свидетельствуют, несомненно, о ненормальном положении дел внутри рабочего движения Франции. Коммунистическая партия не завоевала еще права об'единять своих членов, где бы они не находились. Она не сумела завоевать этого права не только по отношению к другим враждебным группировкам, но даже по отношению к своим собственным членам. Если в результате собрания несколько коммунистов выходят из партии, то это свидетельствует о ненормальном положении партийного организма и о том, что коммунистическая работа велась в недостаточной степени, и поэтому можно приветствовать следующее заявление Фрос-

сара, сделанное на фракции: «Мы начинаем политику ясности. Никто не обязан быть членом коммунистической партии, но принадлежность к партии заставляет нас действовать всегда и повсюду так, как должны действовать истые коммунисты». В добрый час!

О ко М о с к в ы.

Сведения о моем пребывании во Франции, очевидно, просочились, и префект департамента Луары получил от правительства телеграмму о том, чтобы он обратил особое внимание на происходящий в Сент-Этьене конгресс, ибо там ожидается выступление московского большевика. Копию этой телеграммы один из телеграфистов, член партии, притащил на с'езд, о чем мне сообщили в тот же день. Для того, чтобы быть в курсе всего того, что происходит на с'езде, пришлось продвинуться немного ближе к Сент-Этьену. Я поселился в одном из городов, находящихся недалеко от швейцарской границы, куда мне по телефону ежедневно передавали о положении дел на с'езде. Кроме того, я получал каждый день краткие письменные сведения о том, о чем неудобно было говорить по телефону. Наконец на 4-й день с'езда мне сообщили, что наступил момент, когда надо взять слово.

Накануне своего выступления я приехал в Сент-Этьен, поселился в фешенебельной гостинице, хозяева которой менее всего могли предположить, что крупный промышленник и коммерсант на самом деле торгует большевистским товаром. 29-го июня утром мой чичероне, с которым я не расставался со времени моего приезда в Париж, мне сообщил, что пора итти. Мы отправились в Биржу Труда, о чем предупредили друзей. При входе в Биржу Труда я увидел несколько «благородных» физиономий, которые с независимым видом ходили около Биржи Труда и изучали наклеенные афиши. Нетрудно было догадаться, что эти приятные во всех отношениях и просто приятные джентльмены принадлежат к представителям министерства внутренних дел, на которых была возложена деликатная задача защищать независимость и автономию французского профдвижения от засилья Москвы. Меня ввели в пустую комнату, рядом с большим залом заседаний. откуда я слышал гул голосов. Мой проводник сообщил мне, что за стеклянной перегородкой заседает конгресс и что скоро мне дадут слово. Не прошло и несколько минут, как я услышал, что слово принадлежит Генеральному Секретарю Профинтерча, т. Лозовскому. Как только председатель дал мне слово, вся зала насторожилась, раздалась аплодисменты и члены с'езда начали искать меня. Я в это время прошел в боковую дверь и начал пробираться к трибуне. Как только я появился на трибуне, две трети с'езда поднялись со своих мест, и раздался оглушительный крик: «Да здравствует русская революция» и мощное пение «Интернационала». В это время анархисты и анархо-синдикалисты начали петь «Ла Револю-

тион», и анархист Контан крикнул: «Да здравствует Кронштадт! Долой московских диктаторов!» Своим пением анархисты хотели устроить анти-московскую и анти-коммунистическую манифестацию, но поднялся тов. Монмуссо и со свойственной ему горячностью заявил анархистам, что если они будут мешать, то он клянется от имени своего и своих друзей, что ни один из них не сможет вымолвить ни одного слова до окончания съезда. Я стоял на трибуне и ждал, пока закончится пение. Громадный зал Биржи Труда был целиком занят делегатами, при чем на хорах присутствовали несколько сот местных рабочих.

Странное ощущение испытывал я на этой трибуне. Я вспомнил конгресс в Гавре в 1912 году, где мне пришлось принять участие в качестве представителя одного французского союза. Я вспомнил бурные речи на этом съезде Жуо, Дюмулена, Мергейма и других живых мертвецов французского синдикализма против буржуазии и против войны. Передо мною мелькали многочисленные собрания, которые мне пришлось проводить в Париже во время войны, и особенно ярко припомнилось мне 1 мая 1917 года, когда я в зале французской Конфедерации Труда на «Рю Гранж о Белль» говорил о русской революции и о том, что она является началом революционного движения во всем мире.

Среди делегатов я увидел много знакомых лиц. Вот нервный и подвижной Монмуссо с его длинными, чисто французскими усами, дальше сидит секретарь союза Железнодорожников—Семар, плотный, здоровый железнодорожник, самый внешний вид которого свидетельствует об упорстве в достижении поставленных себе целей. Неуклюжий, похожий на нормандского крестьянина — секретарь Синдиката Департаментов Сены—Дюделье. Вот Жакоб — секретарь текстильщиков. Вечно смеющийся, пересыпающий свою речь шутками и прибаутками, типичный парижский Гаврош, подвижной и энергичный Томази, бывший раньше секретарем Союза Синдиката Департаментов Сены, но смещенный за то, что он подписал на 1-ом Конгрессе Революционных Профсоюзов резолюцию. Тут же я вижу секретаря Союза горнорабочих Эльзас-Лотарингии — Кирша, руководителя Союзов Северного Департамента — Лоридана, а дальше т.т. Барта, Вебера, Лекуэна и др. Вдруг вижу кто-то из залы мне дружески машет рукой, всматриваюсь, это — Люси Колльяр. У самой трибуны сидят Росмер и длинноволосый, похожий на земского статистика, Гюи Турет. Я всматриваюсь в лица в ожидании, когда импровизированный концерт закончится.

Наконец, пение кончилось. Я начал с того, что поблагодарил за доставленное мне удовольствие. Я сказал, что русские революционеры вообще очень любят пение, но что мы были бы рады, если бы наши французские товарищи не только пели революцию, но и сделали ее. Я дальше указал, что я имею право здесь говорить не только как представитель русских революционных профсоюзов и Профинтерна. впервые приехавший сюда, но и потому, что

я принимал участие в создании оппозиции военному курсу Всеобщей Конфедерации Труда. Я обратил внимание протестантов, что в то время, как мы, русские большевики, которых анархисты обвиняют в оппортунизме, вынуждены нелегально приезжать на их конгресс, архи-революционный Борги совершенно легально присутствует на этом конгрессе и имя его красуется во всех буржуазных газетах. Анархисты после этого успокоились и внимательно слушали.

Мне пришлось остановиться на основных вопросах, которые дебатировались на этом съезде. Указав на распад капиталистического строя, на революционное положение Европы и на причины, почему реформизм выступает против русской революции, я дальше остановился подробно на роли русских анархистов в русской революции и на причинах, почему международный анархизм перешел в наступление против Советской России. «Не случайно,— сказал я,— выступление международного анархизма против русской революции совпадает с отливом рабочего движения во всех странах и с наступлением капитала на рабочий класс. Здесь имеется тесная внутренняя связь».

Дальше я перешел к вопросам о независимости и автономии, о взаимоотношениях Коминтерна и Профинтерна, о роли русских профсоюзов в революции, о роли профсоюзов в социальной революции вообще, о диктатуре пролетариата, и остановился на попытках анархо-синдикалистов создать свой Интернационал.

В центре моей речи был вопрос о русской революции и о тех трудностях, в которых она находится, о том, что наше отступление является результатом неудачи наступления европейского пролетариата. Эта органическая связь между нашей революцией и рабочим движением западной Европы, связь между нашими победами и их победами, между нашим поражением и их поражением,—эта связь недостаточно ясна для многих и многих руководителей французского рабочего движения. Два часа длилась моя речь. Анархо-синдикалисты не пытались уже сорвать ее. Они подстерегали меня, ожидая, что я преподнесу им на блюде уступки и провозглашу от имени Профинтерна, что мы стоим за абсолютную независимость Профинтерна. Но я не думал, конечно, принести им деклараций, отменяющих решение 1 конгресса. Моя задача сводилась к тому, чтобы доказать, что диктатура пролетариата не есть злостная выдумка отвлеченных теоретиков, что она является орудием классовой борьбы, что она вытекает из самообороны рабочего класса, и каковы бы ни были формы этой диктатуры, она неизбежна, если рабочий класс хочет победить. «Здесь, на этом конгрессе,— сказал я,— один из ораторов, желая умалить значение русских союзов, заявил, что это семь миллионов рабов. Да,—воскликнул я,— семь миллионов рабов, но освобожденных и с оружием в руках».

Я не успел сказать всего того, что хотелось сказать. Хотелось поделиться с французскими рабочими опытом русской революции,

хотелось им рассказать о великих страданиях русского пролетариата, о той героической борьбе, которую он вел. Но всего не скажешь, речь и так уже длилась два часа. Я окончил призывом к французскому пролетариату итти вместе с российским и заявил, что как бы там ни было, что бы ни предпринимали отсталые рабочие, как бы они ни нападали на русский пролетариат, он будет итти вперед безостановочно, к великой цели рабочего класса—к коммунизму.

Будучи на трибуне, я совершенно забыл, что мне особенно задерживаться не следует. Я видел перед собою французских рабочих, от которых я был оторван с 1917 года и с которыми хотелось беседовать, и поэтому непосредственная опасность выскочила из моей головы. Но, как только я кончил и раздались дружные аплодисменты, я вспомнил, что мне нужно возможно скорее исчезнуть. С друзьями было условлено, что всех будут впускать в зал, но никого во время моей речи выпускать не будут. Я бросаюсь к двери, через которую я вошел. Я прохожу мимо скамей, жму руки знакомым и незнакомым товарищам. Вдруг ко мне бросается один из делегатов и говорит: «Товарищ Лозовский, пожалуйста вам принести привет от имени синдиката каскетников, секретарем которого вы были». Я наскоро жму руку товарищу и требую от сторожа, чтобы он мне открыл дверь. Он мне таинственно сообщает, что дверь приказано никому не открывать. Наконец, он убедился, что этот приказ на меня не распространяется, открыл мне дверь, и я совершенно спокойно, переменяв кой-какие принадлежности моего туалета, вышел к ожидавшим меня полицейским ищущим. Но эти бедняги совершенно не подозревали, что в то время, когда они так внимательно рассматривали афиши у дверей здания, то самое «око Москвы», для удовольствия которого они были здесь поставлены, уже совершил «неслыханную наглость», как выражались потом газеты, и теперь, как ни в чем не бывало, отправляется туда, откуда он пришел. Я еще видел издалека, как повалили делегаты с конгресса, как несколько товарищей бросились в близстоящий автомобиль и уехали. Я спокойно продолжал свой путь, предоставляя шпикам гнаться за автомобилем, который в течение нескольких часов подозрительно стоял у Биржи Труда.

Как я выбрался из Сент-Этьена? Это, может быть, и интересно, но вряд ли стоит об этом рассказывать. Я исхожу при этом из человеколюбивых соображений, ибо подробности дела могли бы испортить кровь и карьере специально поставленных на предмет уловления крамолы агентом Пуанкаре. Так как я знал, что меня будут искать везде, кроме Сент-Этьена, то я благополучно там оставался до окончания с'езда и таким образом, имел удовольствие в каких-нибудь ста метрах от Биржи Труда получать интересовавшие меня сведения о конгрессе и читать, как «око Москвы» и «эmissар московских диктаторов» таинственно исчез под самым носом «обслуживавших» конгресс агентов.

Г Л А В А IX.

Анти-большевистская лига Борги и К^о.

Сгладить впечатление от непосредственного вмешательства представителя Профинтерна и русских союзов, взял на себя гражданин Борги, представитель итальянского Союза синдикалистов. Гражданин Борги за последнее время прославился своими резкими выступлениями против Советской России. Было время,—совсем недавно, в 1920 году,—когда он приезжал в Россию для того, чтобы заявить о присоединении итальянского союза синдикалистов к III Коммунистическому Интернационалу. Вернувшись в Европу, Борги очень быстро «пришел в себя» и, начиная с середины 1921 года, повел решительную кампанию против Советской России. Борги—анархо-синдикалист чистейшей воды. Он хочет немедленного проведения анархо-синдикалистского идеала, при чем этот идеал должен быть проведен обязательно профсоюзами, которые все должны походить, как две капли воды, на итальянский союз синдикалистов. Правда, и в своей стране союз синдикалистов представляет собой величину незначительную. Правда, рабочие массы в большинстве своем очень мало обращают внимания на рационалистические построения Борги и К^о. Но Борги уверен, что именно союз итальянских синдикалистов, благодаря его антиполитическому и антигосударственному характеру, победит и что все остальные организации в конце концов подчиняются этому ссуюзу. Союз итальянских синдикалистов имел своих представителей на первом международном с'езде революционных профсоюзов (июль 1921 года) и формально присоединился к Профинтерну. Но по возвращении делегатов против присоединения выступил Борги, и итальянский союз синдикалистов начал борьбу против Профинтерна, при чем центром своей борьбы сделал «подчинение Профинтерна—Коминтерну и влияние Советского правительства на Профинтерн».

Борги начал с заявления, что отсутствие паспорта не является достаточным основанием для исчезновения Лозовского. Затем стал объяснять, почему он год тому назад примкнул к тому Коминтерну, который является вместилищем всех зол и несчастий. Он очень длинно и запутано рассказывал, что присоединение к Коммунисти-

ческому Интернационалу не было присоединением к Коммунистическому Интернационалу, а лишь симпатией к революционному русскому народу. Далее Борги перешел к своим впечатлениям о России, которые ничем не отличаются от впечатлений некоторых буржуазных журналистов, попавших в Советскую Россию и сугубо подчеркивавших диктатуру злокозненных большевиков. Борги ожидал встретить в России полную чашу и абсолютную свободу. Он думал, что раз революция сделана, то все счастливы, все сыты, каждый делает то, что хочет, а тут он попал в страну, которая ведет жестокую войну, где материальное положение трудящихся очень трудное и где установлен суровый режим против всех контр-революционеров. И вместо того, чтобы рассмотреть причины такого состояния Советской России, рассмотреть объективные трудности, в которых находится изолированная русская революция, этот мещанин и обыватель выступает с обвинениями Советского правительства и коммунистической партии во всех бедах русского народа. Для него вся беда в том, что во главе революции стоит коммунистическая партия. Вот если бы во главе стали любимые его сердцу анархо-синдикалистские путаники, тогда он уверен, что все было бы хорошо. Он отрицает Советское государство, потому что оно государство. Правительство уже тем плохо, что оно правительство, и в своей речи он выдвинул целый ряд обвинений против Советской России.

В своем желании во что бы то ни стало очернить русское правительство и коммунистическую партию этот коммивояжер международной контр-революции договорился до того, что гибель анархо-синдикалистов Лепти и Вержа, потонувших, как известно, при переезде из Мурманска в Вардэ, была подстроена Советским правительством. Он забыл прибавить, что одновременно с этими анархо-синдикалистами погиб и коммунист Раймонд Лефевр. По утверждению этого ограниченного субъекта, Советское правительство подстроило гибель Лепти и Вержа, потому что эти последние, приехав в Россию, сохранили свои анархо-синдикалистские принципы. Они полагали, что государство, даже советского типа, не является совершенством, и хотели об этом рассказать по приезде во Францию. Речь Борги вся была построена на инсинуациях и на такого рода сведениях о Советской России и Профинтерне. Так он сообщил, что в одном из пунктов Устава Профинтерна сказано, что руководители профсоюзов должны быть обязательно коммунистами, что в Москве революционный синдикализм называют «латинской глупостью», что, по приглашению Кибальчича (!), ему удалось увидеть через слуховое окно, как в погребке мучились запертые рабочие за то, что опоздали на пять минут на работу и т. д., все в том же духе. Весь этот вздор он излагал с видом знатока и эксперта по русским делам. Это бесчестная лож пересыпалась ссылками на то, что они в Италии не будут принуждать крестьян давать хлеб после победы, что они предоставят каждому, что он хочет. Наконец, в заключение этот обыватель, именующий

себя анархистом, закончил тем, что «русское золото служит для внесения раскола в западно-европейское рабочее движение». В вопросе о большевистском золоте, как и во всем остальном, Борги ничего своего не сказал, он повторил только то, что несколько месяцев тому назад сказал Д'Аррагона, и то, что все реформистские проходимцы всех стран в течение нескольких лет повторяют на всех перекрестках.

Выступление Борги показалось еще недостаточно сильным его испанскому коллеге, Диезу. Этот последний, обладая не меньшим темпераментом, чем его итальянский собрат, но еще большим невежеством, счел необходимым отгородить испанский пролетариат в какой бы то ни было степени от русской революции. По словам этого новоиспеченного представителя Испанской Конфедерации Труда, делегация испанских союзов, бывшая в Москве на Первом Съезде, не имела никаких полномочий, что она сама себя представляла и что испанские анархисты по гроб жизни будут верны прекрасной анархии и ни за что не согласятся на какую бы то ни было зависимость от Москвы.

Таким образом была произведена контр-манифестация, причем эта контр-манифестация была подхвачена всеми противниками коммунизма и оценена как вода на их мельницу. Если французские анархо-синдикалисты очень осторожно говорили о русской революции, стараясь вертеться вокруг 11 параграфа устава, и формальных вопросах, затрагивая крайне осторожно некоторые принципиальные вопросы, то здесь, в неуклюжих выступлениях Борги, в открытых его нападках на Советскую Россию, в повторении наглой и бесстыдной лжи, гуляющей по всем литературным притонам, ярко выявилась анархическая контр-революция. В этом выступлении еще более был подчеркнут отрыв анархизма и примыкающих к нему синдикалистских элементов от революции, их враждебность к освободительной борьбе рабочего класса России и их абсолютная неспособность понять историческую необходимость диктатуры пролетариата и ее неизбежность для построения действительного коммунистического общества. Под флагом абсолютной свободы, абсолютной независимости, протеста против всякой диктатуры, проявлялась протестующая природа мелкого буржуа, боящегося пролетарской революции и железной дисциплины. Никогда ярко не проявлялась мелкобуржуазная суть анархической фразеологии и анархического рационализма, как в этом ярком контр-революционном выступлении Борги, говорившим якобы от имени революционных рабочих Италии.

Не нужно забывать, что представители испанской Национальной Конфедерации Труда, выступившие с пожарными и огнедышащими речами по поводу оппортунизма и соглашательства большевиков, что эти господа провозгласили у себя в Испании лозунг культур-трегерства и фактического отказа от революционной борьбы. Так под маской крайнего революционаризма выступает

реформизм, являющийся, как известно, его родным братом. Анти-большевистские лиги, рассеянные по всей Европе обрели в лице Борги, Диеза и К⁰ достойных членов.

Д в а б л о к а .

Выступление представителей «иностранных держав» еще более подчеркнули принципиальные разногласия внутри этого с'езда. С самого начала с'езда сложились два блока: анархисты и анархо-синдикалисты, с одной стороны, и коммунисты и коммунисты-синдикалисты, с другой. Во главе первого блока были анархисты. Они придавали наибольшую колоритность выступлениям, они заостряли все принципиальные вопросы, их идеология украсила предлагаемые резолюции, и по существу все выступления анархистов и анархо-синдикалистов шли по линии, намеченной в общем и целом «Либертер». Конечно, в выступлениях Бенара, Кентона и «коммунистов» Тотти и Майю была некоторая нерешительность по отношению к Советской России и к диктатуре пролетариата. Но обоснование теории независимости, анти-государственные рассуждения—все это целиком было окрашено в анархистский цвет и имело своим исходным пунктом учение Бакунина, Кропоткина и других.

В интересах чисто стратегических в резолюциях этого блока ничего не говорится о создании нового Интернационала. Также как ничего не говорится относительно присоединения к Международной конференции анархо-синдикалистов в Берлине. Руководители этого блока прекрасно понимали, что, если они выдвинут немедленно идею создания нового Интернационала, если они выскажутся резко и категорически против Профинтерна, они будут разбиты наголову. Поэтому они в формулировке своей резолюции заострили вопросы общего характера, замолчав вопрос о новом Интернационале и о анархо-синдикалистской конференции. Они требуют признания исключительного значения и роли профсоюзов и построения на этом принципе всей тактики Профинтерна. Во все время конгресса анархисты и анархо-синдикалисты ни разу не отметили своих разногласий, которые, к стати сказать, были ничтожны. Анархисты и анархо-синдикалисты все время напирала на другой блок и совершенно не заботились о мелких вопросах, которые делили их внутри.

Другое соотношение сил было во втором блоке. Коммунисты и коммунисты-синдикалисты хотя и представляли собой блок, но оба течения организационно были недостаточно оформлены. Прежде всего, среди синдикалистов-коммунистов, во главе которых стояла «Рабочая Жизнь», три четверти, как уже было отмечено, были членами коммунистической партии. Поэтому довольно трудно даже говорить о блоке по той простой причине, что пришлось бы говорить о блоке между коммунистами одной группы с

коммунистами другой, что представляет собою нечто совершенно из ряда вон выходящее, а между тем так оно по существу и было. Этим блоком руководили коммунисты не члены партии, стоящие во главе непартийной синдикалистско-коммунистической группы «Рабочая Жизнь», идеология которых имеет очень большое распространение среди членов коммунистической партии Франции. Группа «Рабочая Жизнь» выдвинула свою резолюцию. Резолюция коммунистов о безоговорочном присоединении к Профинтерну даже не фигурировала на с'езде, хотя сторонников безоговорочного присоединения к Профинтерну было довольно большое количество. Главным противником анархо-синдикалистской теории и анархо-синдикалистских резолюций была группа «Рабочей Жизни», и она таким образом играла руководящую роль и т. д.

В общем и целом получилось следующее деление на с'езде. В анархо-синдикалистском блоке уклон был в сторону анархизма. Объясняется это тем, что анархисты имели определенную и ясную программу, стремились провести ее в жизнь и таким образом отклоняли равнодействующую блока в свою сторону. В другом блоке коммунисты не имели этой определенной четкой и ясной линии, они были плохо объединены, боялись проявить достаточно твердости и организованности, и поэтому равнодействующая в этом блоке целиком пошла по линии «Рабочей Жизни». Это своеобразное ссотношение сил внутри обоих блоков придавало особый характер самому конгрессу и наложило своеобразную печать и на результаты его работ.

З а П р о ф и н т е р н , н о...

Продолжавшиеся шесть дней дебаты, наконец, кончились. Что поражает в этих дебатах, это то, что три четверти из них были посвящены вопросу о том, кто будет руководить революцией и какую роль в революции будут играть коммунистическая партия и профсоюзы. Интерес к тому, что будет на другой день после социальной революции, был настолько велик, что ораторы почти забыли о том, что нужно сделать сейчас, для того, чтобы дождаться этого «другого дня». Наконец, в результате прений на голосование были поставлены две резолюции, и 741 против 406 была принята нижеследующая резолюция Монмуссо:

«Конгресс осуждает всякую мысль создать помимо Профинтерна новый Интернационал профсоюзов, при соблюдении определенного условия, что устав и резолюции этого Интернационала не будут нарушать национальной независимости французского синдикализма.

«Конгресс просит Московский Интернационал Профсоюзов изменить в кратчайший срок в этом направлении свой устав, для того, чтобы иметь возможность определить, наконец, положение французского синдикализма.

«Являясь определенным сторонником независимости Профинтерна от Коминтерна, конгресс дает мандат своим делегатам на Втором конгрессе Профинтерна защищать принцип этой независимости и голосовать за изменение пункта 11 устава Профинтерна.

«Конгресс надеется, что Второй Международный конгресс Профинтерна в полной мере удовлетворит его стремлениям; в случае, если такое удовлетворение ему не будет дано, конгресс решает вновь обратиться к синдикатам, прежде чем принять какое-либо решение».

Достаточно внимательно прочитать принятую резолюцию, чтобы убедиться, что оговорки ее довольно значительные. Мы имеем здесь единственно ясный пункт—это заявление о том, что съезд в Сент-Этьене высказывается категорически против создания нового Интернационала. По существу мы имеем условное присоединение к Профинтерну. Необходимо отметить, что резолюция ухудшена в сравнении с проектом. В проекте было заявлено, что в случае, если Международный Конгресс отвергнет предложение конгресса об уничтожении взаимного представительства между Профинтерном и Коминтерном, Унитарная Конфедерация Труда остается в Профинтерне, борясь за проведение в жизнь своей точки зрения. Резолюция заострила этот пункт: в случае непринятия предложения конгресса, весь вопрос снова переносится на решение союзов. Таким образом, в результате блока между сторонниками присоединения без всяких оговорок и присоединения к Профинтерну с одной оговоркой получилась резолюция с двумя оговорками! Напор анархо-синдикалистского блока передвинул немного равнодействующую в его сторону.

За это условное присоединение высказалось 741 синдикат, но напрасно мы бы стремились выяснить, сколько членов стоят за этим количеством синдикатов. Подсчета по членам не было и поэтому довольно трудно установить соотношение сил. Есть некоторые косвенные указания; это — количество синдикатов, голосовавших за резолюцию анархо-синдикалистов и синдикалистов-коммунистов.

Эти данные свидетельствуют о том, что анархо-синдикалисты преобладают по преимуществу у строителей, имеют довольно сильное влияние в союзах металлистов, пищевиков и кожевников. В остальных преобладание на стороне синдикалистов-коммунистов. Но так как в этом голосовании не указано количество членов каждого синдиката, то трудно установить, соответствует ли соотношение сил, выраженное в синдикатах, действительному соотношению сил членов. Меньшинство имело на своей стороне 400 мандатов, значит ли это, что анархо-синдикалистов имеется больше одной трети? Нет, так как крупнейшие промышленные центры, как Париж, Север, Луара, Эльзас-Лотарингия, в подавляющем большинстве высказались за резолюцию синдикалистов-коммунистов. По ряду косвенных данных можно установить, что при-

близительно одна четвертая часть членов союзов стоит за анархо-синдикалистский блок, а остальные $\frac{3}{4}$ за блок синдикалистов и коммунистов.

Французская буржуазия и независимость профдвижения.

Так как борьба на с'езде шла вокруг вопроса о русской революции и о диктатуре пролетариата, то победа группы «Рабочая Жизнь», несмотря на условное присоединение к Профинтерну, политически расценивалась, как победа Москвы, и после моего выступления и особенно результатов Сент-Этьенского конгресса вся буржуазная пресса обрушилась на французских синдикалистов за их «подчинение московским диктаторам». Надо иметь в виду, что французская буржуазия все время ревниво охраняет независимость и автономию французского профдвижения. Еще раньше, непосредственно после Первого конгресса, когда раздались первые протесты французских синдикалистов против «подчинения» Москве, уже тогда французские буржуазные газеты подхватили эту игравшую на националистических струнках французских рабочих.

В связи со с'ездом в Сент-Этьене вся буржуазная пресса сочувственно приводила нападки анархо-синдикалистов на коммунистов и Москву, все время подчеркивая возросшую смелость анархо-синдикалистов. «Фроссар, выступая на с'езде нарушил все традиции»,—пишет Р а п е л ь. «Антимосковские синдикалисты,— писал сочувственно «Фигаро»,—не хотят отречься от своих принципов под напором большевиков. Они приписывают свое поражение комедии, разыгранной Лозовским, и погоне за мандатами». Дальше, облаяв «москутеров» и меня как «эмиссара диктаторов» за мою «пожарную речь»,—«Фигаро» сообщает, что «анархо-синдикалисты надеются скоро взять реванш». Монархическая газета «Аксион Франсез» в статье под заголовком «Большевистская традиция» сообщает о моем выступлении на с'езде в следующих выражениях: «Сухой, нервный, властный, иногда циничный, всегда претенциозный, подстерегающий удобный случай, чтобы с'язвить и перейти в наступление, выказывающий к своим противникам высокомерное презрение, секретарь Профинтерна забыл только одно, что он обращался к французским рабочим, которые привыкли обсуждать, а не получать приказы. Он много раз пытался укротить свой темперамент и утверждал, что он обращается исключительно к разуму делегатов. Но привычка брала свое. Он был великолепным референтом, но жалким адвокатом». Ссылка на то, что французский рабочий не терпит «приказов», крайне характерна на страницах монархической газеты. Газета «Тан» писала, приблизительно то же самое: «Лозовский говорил в авторитетном тоне, совершенно забывая, что он имеет дело с французскими рабочими». И «Аксион Франсез» и «Тан» хотели, так сказать, ущемить национальную гордость французов, что вот, дескать, они терпят

такое «диктаторское» обращение с собой. Эта тактика буржуазии давала все время очень положительные результаты. Французской прессе удалось посеять в головах и умах французских рабочих и даже многих из руководителей потребность доказать, что они ни в коем случае никому не подчинятся и никакого диктаторства, никаких указов и приказов терпеть не будут. Известно, что под лозунгом: «Долой указы из Москвы» и «Долой диктаторов из Москвы» вообще шла борьба между разными течениями внутри рабочего движения всех стран. Особенно острые формы эта борьба приняла во Франции, где национальные особенности французского рабочего движения создавали такое представление в умах многих его руководителей, что Франция представляет собой во всех отношениях страну исключительную. Многие руководители французского профес. движения живут скорее прошлым, чем настоящим, и хотят получить патент на первенство французских союзов; они полагают, что лучи Парижской коммуны, хранителями которых они себя считают, продолжают указывать путь международному пролетариату. Многие из них хотели бы жить процентами на революционный капитал, который был нажит их предками.

Все это буржуазия очень ловко использовала, подсмеиваясь над французскими коммунистами и синдикалистами, что они утратили всякую самостоятельность и действуют под «кнутом» Москвы. Эта ирония буржуазной прессы возбуждала у некоторых желание доказать, что они никому не подчинены, никакой диктатуры не потерпят, и получался сугубо-подчеркнутый протест, сугубо-подчеркнутая независимость и борьба против «иностранный» вмешательства.

Результат Сент-Этьенского конгресса вызвал бешеную кампанию всей буржуазной прессы против Москвы и против московских диктаторов, нагло попирающих все законы, против моего выступления, нападки на французскую полицию, которая, по выражению некоторых газет, «оказалось хуже организованной, чем большевики», и резкое осуждение Сент-Этьенского конгресса, предавшего интересы французского пролетариата, подчинившего французское рабочее движение московским политикам и Советскому правительству. В этом вся пресса была совершенно единодушна. Надо отметить, что буржуазная пресса учла политическое значение этого решения. Для нее тонкости резолюции не играли никакой роли; для нее существенным был вопрос о том, что Сент-Этьенский конгресс высказался за диктатуру пролетариата, за безоговорочную поддержку русской революции. Оговорки для нее не играли никакой роли, главное—что Москва победила.

Лучше всего оценил смысл прений и результаты конгресса руководящий орган французской буржуазии «Тан». Отмечая с негодованием, что сторонники Москвы безоговорочно солидаризируются с русской революцией, эта газета в статье «У экстремистов» писала: «Они признают с редким цинизмом, что всякая рабочая организация и всякое рабочее объединение не имеет в

их глазах никакой другой цены, кроме цены революционного действия. Профсоюз—«машина революции», а революция, несмотря на то, что она несет с собой беспорядок и анархию, должна быть подготовлена и поддержана».

«Во время ожесточенной борьбы, — писал тот же «Тан» в статье «Синдикалисты и Москва»,—когда можно было усомниться в конечной победе, призвали на помощь г. Фроссара и затем г. Лозовского, Генерального секретаря Профинтерна, театральное появление которого на конгрессе имело целью произвести впечатление на сознательный и организованный пролетариат. Этим театральным эффектом хотели доказать, что большевистствующие революционеры умеют легко обманывать полицию и что при желании московские агенты могут работать и во Франции. Уполномоченный Москвы обратился к синдикалистам в тоне властного приказания, что возымело свое действие, так как присоединение к Профинтерну прошло значительным большинством голосов.

«В Сент-Этьене нашлось большинство в $\frac{2}{3}$ голосов за полное отречение от своих принципов и подчинение диктатуре Кремля, а меньшинство ($\frac{1}{3}$), состоящее из синдикалистов, федералистов и анархистов, солидарны лишь в одном пункте: в отрицании диктатуры пролетариата, такой, как она была осуществлена в России.

«Рабочим нетрудно будет сделать вывод для защиты своих интересов, ибо они теперь знают, что экстремисты только мечтают о том, чтобы принести их в жертву и превратить рабочие организации в «революционные машины»¹⁾.

Мы видим, что газета не лишена пронизательности, она уловила суть вопроса, она уловила, что «диктатура» и «указы» Москвы имеют своей целью превратить экономические организации пролетариата в орудие революции, и так как буржуазия именно этого не хочет, она и начала бешеную кампанию против У. К. Т., против ее московских увлечений, против «подчинения французского рабочего движения иностранному правительству», которое использует-де его «в своих дипломатических целях».

Надо отметить, что реформистская пресса в общем и целом повторяла то же самое. Ничего своеобразного, ничего нового, ничего глубокого ни в прессе диссидентов, ни в прессе Конфедерации Труда по поводу Сент-Этьенского конгресса не было сказано.

Так, Жан Лонге, отметив большой «маккиавелизм» Лозовского, писал по поводу разногласий, выявившихся на с'езде: «Как бы ни были многочисленны и серьезны наши разногласия — не подлежит ни малейшему сомнению, что в той мере, в какой они (анархо-синдикалисты) защищают достоинство (!) и независимость пролетарского движения против автократических (!) воцелений Кремля,—их усилие встречало симпатию у многочисленных то-

¹⁾ „Le Temps“ 39 июня и 2 июля 1922 г.

варищей, очень далеко стоящих от них по своим взглядам и методам». В том же духе писал и орган реформистской Конфедерации Труда «Le Peuple», играя на национальной гордости синдикалистов. «Достоинство» французского профдвижения стало очень занимать буржуазию и реформистскую прессу, которая оценила голосование, как окончательное подчинение «политики» и превращение У. К. Т. в орудие Москвы. Вся эта полемика вокруг Сент-Этьенского конгресса, выступления буржуазной и реформистской прессы, и резкие протесты против «порабощения союзов», крайне любопытны для Франции, где ясная и определенная линия и воля к революционным действиям объявляется даже синдикалистами продуктом иностранного происхождения и, главным образом, предметом импорта из Советской России.

Комитет Синдикалистской Защиты.

Как только выяснились результаты голосования о присоединении к Профинтерну, анархо-синдикалистское меньшинство внесло заявление о том, что ради спасения синдикализма они создают Комитет Синдикалистской Защиты, при чем меньшинство делает все для того, чтобы освободить французское рабочее движение от влияния политиканов. Создание этого комитета является результатом глубокого разочарования анархо-синдикалистов. Имея в своих руках административную комиссию, будучи организаторами с'езда, подготавливая конференцию в Берлине, они надеялись на то, что им удастся благодаря всему этому получить большинство на с'езде, а тут они получили всего лишь одну треть голосов, при чем они были разбиты по всем вопросам. Так как анархо-синдикалисты отождествляют истинный синдикализм с той группой, которая подписала знаменитый «договор», то поражение этой группы на с'езде они восприняли как разгром синдикализма, и поэтому последний день с'езда их ораторы на разные лады театрально объявляли синдикалистское отечество в опасности. Бенару показалось мало этого и он заявил, что «синдикализм умер». Для спасения «умершего» синдикализма была создана своя фракция, которая с первого же дня объявила ожесточенную борьбу против выборных органов Унитарной Конфедерации Труда. Анархо-синдикалисты были настолько обижены этим голосованием, что даже отказались войти на пропорциональных началах в административную комиссию У. К. Т., при чем они довели свою фракционность до того, что несколько членов союза синдикалистов Сенского департамента, стоящих на точке зрения анархо-синдикалистской, подали в отставку, заявляя, что они не могут взять на себя ответственности за ориентацию У. К. Т. «Политика или синдикализм», — под таким лозунгом повел Комитет Синдикалистской Защиты борьбу против У. К. Т. В своих двух программных воззваниях, выпущенных после уже с'езда. Комитет заявляет, что «решением Сент-Этьенского конгресса экономиче-

ская организация пролетариата отодвинута на задний план, и поэтому революционный синдикализм в опасности. Положение труднее, чем в 1914 году. Тогда надо было выступать против предательства людей.—теперь нужно защитить основные принципы синдикализма, оставленные искусственно созданным большинством, благодаря политическим маневрам коммунистической партии. «Комитет призывает дальше организовать противодействие» путем создания ячеек с выборными органами. Но это еще не все. Комитет дальше открыто объявляет, — он побоялся это сделать на съезде в Сент-Этьене,—что он за создание нового анархо-синдикалистского Интернационала, при чем он обещает «работать над объединением всех западных и восточных рабочих организаций» в настоящем Интернационале. Комитет Синдикалистской Защиты этим своим заявлением не отнимает надежды у «восточных» (русских) профсоюзов быть принятыми, если они исправятся, в лоно своей анти-большевистской лиги.

Попытки оправдать создание своей фракции тем, что У. К. Т. подчинилась Москве и московским политикам, что во главе ее стала партия,—есть не более, как демагогия и желание дать удовлетворение своему обиженному самолюбию тем, что организованные революционные рабочие Франции дали отставку своим анархо-синдикалистским руководителям. Эти синдикалистские франкмасоны, как и реформисты, считают, что рабочие не имеют права их смещать, и это, несмотря на то, что они в одном из параграфов своего устава предусматривают автоматическую смену чиновников! Комитет Синдикалистской Защиты представляет довольно серьезную опасность для единства революционного движения Франции. Комитет, конечно, все время выступает под флагом чистого синдикализма. Он является носителем заветов, борцом за независимость, за абсолютную автономию и пока что оформляется как самостоятельная организация. Он не только устраивает собрания и митинги, но посылает повсюду своих ораторов и представителей, противопоставляя себя У. К. Т.

Мы меньше всего хотим оспаривать право анархо-синдикалистов организоваться внутри У. К. Т., но вся эта организация, формы ее, обоснование причин ее возникновения представляют собою пример величайшего лицемерия и демагогии. Анархо-синдикалисты имеют право организовать свои ячейки, они имеют право стремиться проводить свою точку зрения, но попытка свои групповые дела провести под флагом спасения французского рабочего движения от политиков и московских диктаторов является сплошной демагогией.

Еще одна характерная черта этой фракции. Организовав свою фракцию, предлагая своим сторонникам организовываться в ячейки по районам и по производствам, эти господа продолжают всю ту же бешеную кампанию против коммунистической партии, среди членов которой имеется мысль о необходимости создания коммунистической ячейки. Опять старая позиция и старая идеология: «Мы

имеем право организовать ячейки, мы имеем право создавать организации по районам и в производственном масштабе, но этого права лишена коммунистическая партия, потому что она партия».

Комитет Синдикалистской Защиты уже выступает на международной арене. Это он сейчас представляет французский синдикализм в Берлинском анархо-синдикалистском Бюро. Этот комитет инспирирует политику анархо-синдикалистов других стран и направляет созданное в Берлине анархо-синдикалистское Бюро. Таким образом, Комитет Синдикалистской Защиты является организованной фракцией У. К. Т., имеющей свою особую национальную и международную политику. Разговоры о необходимости создать новый Интернационал раздаются все чаще и чаще. То, о чем анархо-синдикалисты по дипломатическим соображениям не говорили на съезде, то они считают возможным сейчас открыто провозгласить. Так Комитет Синдикалистской Защиты тормозит деятельность У. К. Т., связывает по рукам и ногам ее административную комиссию, не дает возможности ей развернуть все силы и все это во имя того, чтобы провести на ответственные посты наиболее чистых и федералистически настроенных синдикалистских франкмасонов.

Анархо-реформистский блок.

Деятельность анархо-синдикалистского блока встречала сочувствие во время конгресса в правом крыле коммунистической партии Франции. Еще до конгресса, в защиту анархо-синдикалистов и против меня выступил депутат-коммунист Лафон, который заявил, что не надобно трогать У. К. Т., пускай-де рабочие действуют так, как они хотят. Лафон в статье, которая попала на страницы реформистской прессы, возмущается, что центральный орган партии в «неподписанной статье занимает позицию между борющимися течениями Унитарной Конфедерации Труда и высмеивает сторонников автономии профдвижения». Лафон протестует против теории «порабощения профсоюзов», считая наилучшей политикой оставить в покое Унитарную Конфедерацию Труда и не вмешиваться в ее дела. Смысл этого выступления был тот, что партия не должна даже высказываться по вопросам профдвижения, что это является заповедной рожей, которая отведена исключительно для синдикалистов. В партии есть целая группа, которая довольно враждебно относилась к стремлению Коминтерна заставить коммунистическую партию Франции иметь свое мнение по вопросам профдвижения. Результат Сент-Этьенского конгресса внес разочарование в ряды этих формально партийных, но чуждых коммунизму элементов. Для этих реформистски настроенных «коммунистов» (есть и такие) анти-московская ориентация У. К. Т. дала бы возможность усилить свою анти-московскую линию. Это своеобразно, молчаливое соглашение между анархо-синдикалистами и коммунистами-реформистами (приходится, к сожалению, употребить такой термин) после Сент-Этьенского конгресса нашло свое яркое

выражение в том, что центральным органом Комитета Синдикалистской Защиты стал «Журнал дю Пепль», во главе которого стоит «известный» Анри Фабр. Правда, Анри Фабр и его журнал исключены из Коминтерна, но самое исключение произошло не болезненно, оно вызвало большое волнение внутри коммунистической партии, так как там имеется много элементов, симпатизирующих реформистскому уклону Фабра. Понадобилось вмешательство Коминтерна, чтобы выбросить из рядов коммунистической партии этого своеобразного коммуниста, который все время оплакивал происшедший раскол в Италии и выражал большое желание вступить в блок с буржуазией на предстоящих выборах. Для характеристики этого Фабра достаточно привести следующий пример: когда вокруг его журнала и его линии разыгралась острая полемика, то он в одной передовице писал: «Что собственно хотят от меня? Я вообще не занимаюсь политикой и большими вопросами. Мои желания очень ограничены: после трудового рабочего дня я мечтаю только о том, чтобы отдохнуть на груди любимой женщины». Орган этого обывателя имеет тем не менее сочувствие в некоторой части членов коммунистической партии. И вот Комитет Синдикалистской Защиты вошел в соглашение с Фабром, и «Журнал дю Пепль» отвел несколько столбцов для пропаганды идей Комитета Синдикалистской Защиты, а комитет призывает всех революционных синдикалистов озаботиться распространением и поддержкой «Журнал дю Пепль».

Так создавался анархо-реформистский фронт, фронт противников Москвы и московских, как они пишут, указов, при чем под этими московскими указами разумеется правильная коммунистическая линия. Этот анархо-реформистский блок сейчас закреплен, при чем в одной и той же газете можно видеть статьи за блок с буржуазией на ближайших выборах, а рядом анархо-синдикалистские истины об оппортунизме большевиков, об исключительном характере профдвижения и другие великие откровения Вердье, Бенара, Кентона и других путаников, встречающих сочувствие в реформистской прессе, за их резкую анти-московскую позицию.

Анархо-реформистский блок—факт. Их об'единяет ненависть к Коминтерну, глубокое непонимание характера диктатуры пролетариата и желание абсолютной независимости от революции и революционных идей. Только в этом смысле нужно и можно понять смысл их борьбы за независимость и постоянные, не прекращающиеся вопли против вмешательства Москвы. Они хотят вести свое мелкобуржуазное существование и прозябать, как и раньше. Для них Интернационал представляет вообще фикцию, они не мыслят себе Интернационал, как орган действия, он ими мыслится в лучшем случае как международный почтовый ящик, куда каждая организация от времени до времени кладет свою резолюцию, а затем, собравшись раз в год вместе, торжественно поют «Интернационал».

Это чисто мелкобуржуазное, реформистское представление о роли и задачах Интернационала, не соответствующее ни в какой степени переживаемой нами эпохе, и является наиболее характерным для анархо-синдикалистов и реформистов. Русская революция постоянно толкает к борьбе, они видят в ней постоянный укор их пассивности, они боятся, что движение русского пролетариата вперед должно побудить их к активным выступлениям. Они этой активности не хотят, они ее понимают в виде фраз, тогда как русская революция требует не фраз, а действий. Освободиться от постоянного напора этой революции, освободиться от ее влияния, освободиться от необходимости превратить свои слова в дела,— вот в чем смысл независимости, вот в чем смысл борьбы против «указов» и «приказов» из Москвы. На этой почве сложился анархо-реформистский блок и в этом его политическое содержание.

Г Л А В А X.

Французский рабочий.

Характерная особенность французского рабочего, это — его равнодушие к организации. Был короткий период непосредственно после войны, когда более или менее широкие массы рабочих наполнили синдикаты. Но первая неудача,—и профсоюзы быстро сжались в несколько раз. Но о французском пролетариате нельзя судить по количеству членов в союзах и политических партиях. При низкой организованности французского рабочего, он обладает индивидуальной революционностью. Она находится в скрытом состоянии. Неорганизованный, проникнутый мещанскими идеями и мещанским духом, пролетарий тем не менее завоевал себе определенный уровень жизни, ниже которого он идти не хочет.

Французские рабочие вписали много любопытнейших страниц в историю социальной борьбы. Бывали довольно длинные периоды, когда казалось, что французский пролетариат устал и окончательно поработан. Реакция как будто бы торжествовала полную победу. Затем как-то незаметно и часто неожиданно, плохо организованные, не имея достаточной классовой выучки, рабочие поднимались, и начинались те социальные битвы (июньские дни 48 г., Коммуна), которые вошли в историю мирового рабочего движения, как первые попытки наложить пролетарскую руку на современные общественные отношения. Парижская коммуна не вытравлена из сознания французского пролетариата, и поэтому в самое глухое время реакции, в дни, когда $\frac{9}{10}$ французского пролетариата были охвачены военно-националистическим угаром, — даже в эти дни нельзя было отчаиваться в рабочем классе Франции. Надо отметить, что французская буржуазия за последние 50 лет много поработала над психологией своего пролетариата. Кровавая неделя, которая давит на сознание двух поколений французских рабочих, дополняется крайне сложной системой воздействия на рабочий класс для того, чтобы его приковать к буржуазно-демократическому государству и к его системе.

Рабочие массы Франции иначе реагируют на политические события, рабочее движение двигается по каким-то своим собственным и нелегко уловимым законам. Обычное представление о французах,

что они очень увлекающиеся и очень экспансивные. На самом деле это только лишь внешнее впечатление. Француз рядом с экспансивностью обладает большой сдержанностью и здоровым практическим чутьем. В нем своеобразно переплетаются экспансивность с практицизмом, увлечение с логичностью мышления, безмерное веселье с крайним рационализмом. Француз быстро накаливается... но только временами; он быстро остывает... но не всегда. Несмотря на четыре революции средний француз крайне консервативен. Француз считает, что Франция достаточна для всего (*La France suffit à tout*) и поэтому склонен даже свою отсталость считать за добродетель.

Национальные особенности французского характера находят себе отражение и в рабочем движении и в рабочих организациях. Плохо организованный французский рабочий выдерживает иногда длительные стачки. Для того, чтобы немецкий или английский рабочий бастовал длительное время, ему необходима опора в виде стачечного фонда, крепкого союза и пр. Во Франции имели место продолжительные стачки, в то время союз представлял собой ничтожную величину, а кассы пустое место. Происходящая в настоящее время стачка в Гавре в этом отношении в высшей степени характерна. Вот уже два года, как во Франции понижают заработную плату. Третий раз проделывается та же самая процедура. Но на этот раз предприниматели натолкнулись на сопротивление, при чем там были в профсоюзе всего 250 человек, а забастовали 15.000. В Гавре бастуют уже тринадцать недель. Забастовка настолько затянулась и настолько обострилась, что она вызвала всеобщую забастовку в Гавре, столкновение с войсками, в результате были убитые и раненые, частичную забастовку в стране и крайнее возбуждение рабочих масс Франции. Так из-за обыденной обстановки в одном из углов Франции мы видим, как начинается массовое движение, громадное возбуждение и борьба принимает крайне напряженный характер.

Французскому пролетариату очень трудно вести борьбу, потому что он имеет дело с опытной, прекрасно организованной буржуазией, которая тоже имеет революционные традиции. Она имеет их еще больше, чем французский пролетариат. По крайней мере, из всех революций выходила победительницей она, и это придает ей особую уверенность и особую моральную силу.

Последние несколько недель особенно наглядно свидетельствуют о том, что рабочее движение Франции не раздавлено и не развращено в конец. В этом движении активную роль играет как раз неорганизованная масса. Она определяет ход стачки. Кровь, пролитая в Гавре, принесет французской буржуазии гораздо больше вреда, чем пользы. Французский рабочий, хотя и недавно вышел из войны, но он отвык проливать кровь на улицах городов. Полтора миллиона уложенных на войне были принесены в жертву на спасение Франции; теперь ту же самую Францию спасают на улицах Гавра и других городов, мостовые которых

орошаются пролетарской кровью. Этот расстрел стачечников взбудоражил широкие рабочие массы. Он поставил перед ним вопрос о методах и способах борьбы. Рабочий класс Франции получил новый урок сотрудничества классов и из этого печального урока он не сможет не сделать соответствующих выводов.

Связанный тысячами нитей с домашней промышленностью, с ремеслами и со всем мелкобуржуазным строем, пролетариат Франции тем не менее представляет собою уже такую силу, которая может притти на смену буржуазному порядку. Французский рабочий имеет высокую индивидуальную культуру, старые традиции борьбы, большую боеспособность; он умеет, хотя и не систематически, но напряженно бороться. Но рабочему классу Франции не хватает ясности линии и руководства в борьбе. Отсутствие этого руководства, недостаточная четкость и ясность лозунгов сбивает рабочих в их борьбе против буржуазии, ослабляет напряженность борьбы, отдаляя момент решительного столкновения. Франция имеет прекрасный боевой материал, но этот материал, к сожалению, пока еще недостаточно организован и недостаточно проникнут волей к победе.

Кризис руководства.

Французское рабочее движение имеет ту особенность в сравнении с немецким и английским, что оно не имеет мощных реформистских организаций, которые являются основным тормозом в развитии революционного движения. Во Франции нет многомиллионных реформистских союзов, там нет этих столетних традиций английского тред-юнионизма. В то время, как в Германии социал-демократы и независимые имеют полтора миллиона членов, а коммунистическая партия 400.000, во Франции обратное отношение: коммунистическая партия в несколько раз больше партии реформистской. В революционных союзах больше членов, чем в реформистской Конфедерации Труда. Об'ективная обстановка стало быть более благоприятна для революционной борьбы рабочего класса. Но во Франции особенно сильны еще пережитки военного периода. В массах не изжит еще тот яд, который попал в их мозги за последние годы, и поскольку кризис последних лет не изжит еще массой, он находит свое отражение, правда, в преломленном виде, и в самой коммунистической партии и в Унитарной Конфедерации Труда. Коммунистическая партия не представляет собою, как мне приходилось уже говорить, однородной по составу и единой по идеологии партии. В ней сейчас по существу борются четыре течения: правое, центр, левое и крайнее левое. Это не обычная борьба идей, которая имеется в любой партии, а это нечто гораздо большее. Здесь ясно намечаются границы в идейной борьбе, при чем правые несомненно отражают неизжитый еще рабочим классом Франции период военного социализма. Там мы имеем еще то, чем отличался в свое время французский ре-

формизм: боязнь действий, боязнь масс, стремление сконцентрировать свое внимание на невинных парламентских турнирах и желание делать оппозицию вместо революции. С другой стороны, на крайне левом фланге имеются элементы анархо-синдикалистского происхождения, среди которых довольно сильны отрывки старого эрвизма и бунтарского вербализма.

Партия еще не нашла, не определила себя. Она медленно и довольно болезненно переживает идейную борьбу. Партия и Конфедерация Труда не руководят, а скорее всего руководимы стихийным движением масс. Это с особой наглядностью проявилось во время событий в Гавре. Казалось бы, что в обстановке, какая создалась во Франции непосредственно после событий в Гавре, следовало бы открыто предложить реформистской Конфедерации Труда и диссидентам устроить совместную стачку. Чем рисковала У. К. Т.? Тем, что реформисты откажутся? Их отказ лишней раз подчеркнул бы предательство их в глазах рабочего класса. Если же они согласились бы призвать к стачке, протест получился бы гораздо импозантнее, ибо более широкие массы вошли бы в движение. От этого могла бы выиграть только лишь революция. Но ни партия, ни У. К. Т. не сочли нужным применить здесь тактику, предлагаемую Коминтерном и Профинтерном. Формальная и внешняя непримиримость, являющаяся следствием анархической сыпи на теле французского рабочего движения, крайне характерна для руководящих кругов партии и Унитарной Конфедерации Труда. Надо отметить, что анархический налет одинаково касается и левых и правых. Нигде, как во Франции реформизм не стоит так близко к анархизму, и формальная непримиримость не уживается так хорошо с очень большим оппортунизмом. Партия и У. К. Т. слишком локальны в своей борьбе. Они очень редко выходят за пределы территориальных границ и, выходя за эти пределы, не всегда выбирают тот путь, который наиболее правилен.

В партии особенно остро чувствуется то, что французы называют недомоганием. Это недомогание выросло на почве недоговоренности, неясности основных практических задач, в недостаточной энергии в их проведении и ложном представлении о том, что изжить внутренние трения и недомогания можно замалчиванием. Само собою разумеется, что коммунистическая партия и У. К. Т. со всеми борющимися в них течениями отражают наличное состояние рабочего класса страны. Каждый рабочий класс имеет такую коммунистическую партию и такие союзы, какие он заслуживает. Здесь меньше всего мы хотели бы говорить о личной вине того или другого руководителя. Мы только констатируем то, что ясно для каждого наблюдателя. Партия не оправдала бы своей исторической миссии, если бы она быстро не осознала этих особенностей французского рабочего движения, не преодолела бы внутреннего кризиса и не перешла бы от теоретических рассуждений о руководстве рабочим движением к практическому выполнению этих задач. Здесь, конечно, возникает больной для

Франции вопрос: кто будет руководить рабочим движением—коммунистическая партия или У. К. Т., руководители которой представляют собою тоже своеобразную партию. Какая из двух партий, коммунистическая или анархо-синдикалистская, станет во главе масс, когда массы придут в движение? Об этом сейчас идет не только теоретический, но практический спор в рабочем движении Франции. Коммунистическая партия Франции может выиграть этот спор, если она основательно перестроит свои ряды и отбросит все, что связывает ее со старыми реформистскими традициями, обретет волю к борьбе и волю к руководству этой борьбой.

Заключение.

Когда же будет во Франции революция? — Вот вопрос, который задают себе тысячи и тысячи русских пролетариев. Те, кто прочитали предыдущие очерки, могут притти, пожалуй, к пессимистическому выводу, что с революцией во Франции дело обстоит очень и очень скверно. Но это был бы ложный вывод. Если коммунистическая партия и У. К. Т. не могли до настоящего времени максимально использовать положение дел во Франции, при чем буржуазия все время побуждала, и не только материальным давлением, но и чисто моральными идейно-политическими средствами, то это ни в какой мере не значит, что так может тянуться очень долго. Положение Франции как раз такое, что буржуазия вынуждена идти или по пути Гавра, или военных действий против Германии. Нажим на рабочий класс своей страны для того, чтобы понизить жизненный уровень рабочих масс и оттянуть финансово-экономическое банкротство, ведет к восстанию пролетариата. Французская буржуазия—эта «наследница великих принципов и заветов революций»—является сейчас носителем самой безумной и самой свирепой реакции во всем мире. С усердием, достойным лучшей участи, Национальный Блок толкает рабочий класс к революции. Иначе Национальный Блок не может действовать, потому что связанные с ним крупнейшие и финансовые и промышленные предприятия требуют продолжения политики выкачивания денег извне, и повышения прибавочной стоимости внутри путем понижения жизненного уровня масс. Французская буржуазия учит французских рабочих. Раймонд Пуанкаре дает предметный урок классового сотрудничества французским пролетариям. Перед этим предметным уроком бледнеют и отходят на задний план все бесцветные разговоры о необходимости продолжить священное единение, это великое наследие войны. Решится ли Национальный Блок на военную авантюру или нет, трудно сказать, но что он увеличивает своей политикой социальную неустойчивость во Франции и Германии, это не подлежит ни малейшему сомнению. Франция получила Эльзас-Лотарингию с рудой и хочет получить обязательно и уголь к этой руде, т.-е. Рурский бассейн. Франция представляет собою богатейшую страну в Европе в смысле руды,

но руда притягивает к себе уголь, и наоборот; и французская буржуазия неудержимо стремится отхватить угольный бассейн Германии, что не может не привести к европейской катастрофе. Поведился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить...

Национальный Блок обучает не только широкие массы, но и руководителей. Под ударом Национального Блока коммунистическая партия выправляется, выправляется и У. К. Т. Толкаемые массовым движением они вынуждены становиться во главе, брать на себя руководство, иначе движение может пройти мимо них. Так заостряющаяся социальная борьба и железная логика событий будут толкать рабочий класс Франции к революции, создавая одновременно в предварительных схватках и руководителей и творцов этой революции.

Сколько лет еще будет тянуться господство буржуазии во Франции — неизвестно, но что Франция больна, что 3-я республика дошла до последних пределов национального разложения, это видно не только по ее политике, но это видно и по ее литературе, по ее искусству и по целому ряду симптомов ее обыденной жизни. История зло подшутила над Францией. Она первая подняла знамя свободы, равенства и братства. Она вошла в историю в ореоле социальных битв и социальных конфликтов. И когда новые битвы и новые социальные конфликты разразились, ничтожные потомки великих предков выступают, как застрельщики мировой реакции, как руководители трусливых и жадных, цепляющихся за свой денежный мешок ростовщиков. Творческий дух погас в сердцах французской буржуазии, она живет старым, она живет прошлым, она цепляется за традиции и даже за католическую церковь, лишь бы удержаться под напором могучего социального потока. Но нет уже былой уверенности у глашатаев и трубарудов великой Франции. Нотки сомнения, неуверенности, отчаяния и ужаса слышатся все чаще и чаще в речах и выступлениях ее буржуазных деятелей, ее публицистов, ее руководителей. Старая Франция хотя и медленно, сопротивляясь, но отходит в прошлое. Франция умирает, да здравствует Франция.

А. Лозовский.

Москва. Август—сентябрь 1922 года.

Приложения.

Послание Профинтерна Конгрессу У. К. Т. ¹⁾.

Дорогие товарищи!

Режим буржуазной диктатуры, господствующий в вашей стране, не дает возможности Красному Интернационалу Профсоюзов послать на ваш Конгресс делегата для того, чтобы развить перед представителями французского пролетариата ту совокупность проблем, которая стоит перед международным профессиональным движением. Присутствие нашего делегата было бы тем более необходимо, что резолюция и устав Профинтерна ни в одной стране не искажались и не извращались в такой степени, как во Франции. Ни в одной стране не возникло и не вошло в обращение больше недоразумений в связи с этими резолюциями.

Власть во Франции попрежнему находится в руках национального блока. Ваши правители отнюдь не являются противниками принципа власти. Поэтому мы вынуждены отказаться от устного выступления и послать вам настоящее письмо, в котором мы постараемся объективно и беспристрастно рассмотреть все вопросы, которые относятся к революционному и профессиональному движению во всем мире.

1. Нужен ли Революционный Интернационал?

Мы вынуждены этот вопрос поставить в первую очередь, так как 10 месяцев, которые прошли после 1-го Международного Конгресса Революционных Профсоюзов, доказали, что в этой области господствует наибольшая путаница. Существует мнение, что в Интернационале каждая составляющая его организация поступает так, как ей хочется, и так, как она считает необходимым поступить. Это называют „абсолютной автономией и полной независимостью“. Если мы согласимся с этим определением терминов „автономии и независимости“, то нам придется Интернационал признать ненужным. Организация, составные элементы которой не желают признавать никаких обязательств и действуют каждый по-своему, в разрез с принятыми решениями, такая организация является фикцией. В лучшем случае этот „Интернационал“—общество, члены которого в такой же степени независимы и автономны, как туристы агентства Кука: они путешествуют вместе и больше ничего не имеют между собой общего. Мы доходим до такой карикатуры Интернационала, когда день изо дня занимаемся повторением слов „независимость“ и „автономия“, ни разу не давая точного определения этих терминов. Однако мы создаем Интернационал действия, а не Интернационал слов. Поэтому нам необходим минимум единства взглядов, взаимные уступки должны быть сделаны национальными организациями для того, чтобы облегчить общую деятельность и обеспечить минимум пролетарской дисциплины, без которой организация невозможна.

Понятно, что наша дисциплина должна быть принята добровольно. Это добровольное подчинение части целому. Если бы в У. К. Т. не обнару-

¹⁾ Русский текст затерялся,—даем перевод с французского.

живалось желания принять на себя международные обязательства, если бы У. К. Т. твердо решила ставить постоянно интересы национальных союзов выше интересов международного профессионального движения, — вы не имели бы никакого основания присоединиться к какому бы то ни было Интернационалу; такое присоединение не принесло бы никакой пользы ни вашей организации, ни Интернационалу. Но мы убеждены, что даже те, которые только и мечтают об автономии, прекрасно понимают, что полная независимость отдельных частей делает невозможным правильное функционирование здоровой и сильной организации,

В преувеличенном стремлении к независимости проявляется, повидимому, опасение того, что Интернационал будет требовать путем „указов“ и „распоряжений“ вашего участия в невыполнимых для У. К. Т. выступлениях. Национальные организации, и в данном случае У. К. Т., боятся, что их втянут в политические авантюры. Во Франции злоупотребляют словом „указ“.

Что означает собой эта боязнь?

Она свидетельствует только о том, что У. К. Т. с первого момента отнесится с недоверием к Исполнительному Бюро, которое стоит во главе Профинтерна. Эта боязнь указывает также на то, что наши французские товарищи не рассчитывают пользоваться в Красном Интернационале достаточным влиянием для того, чтобы охранить рабочее движение всех стран от возможной политической авантюры. Мы не можем понять этих опасений, этого недоверия. Всякая организация всегда имеет тот руководящий орган, который она заслуживает иметь. Одна стоит другого. Наши французские товарищи могут быть уверены, что всякий совет, который они дадут в области международной тактики, всякое полезное обоснованное указание в области стратегии классовой борьбы будут приняты во внимание как Профинтерном, так и всеми организациями, которые в него входят. Мы являемся интернационалистами, мы создали Интернационал с той целью, чтобы *опыт всех стал достоянием каждого*.

Если мы встанем на эту точку зрения, то будет ясно, что „Интернационал“ Профсоюзов необходим. Но в Интернационале—помните же об этом—не может быть прав без обязанностей.

2. Автономия и независимость.

Как только во Франции узнали о резолюции Учредительного Международного Конгресса Революционных Союзов относительно взаимоотношений между Профинтерном и Коминтерном, французские синдикалисты, которые тогда составляли еще меньшинство В. К. Т., хлопнув дверью, вышли из Интернационала. Профинтерн был создан при участии Комитетов Революционных Синдикалистов. И вдруг это шумное выступление, прежде чем стали известны все решения Конгресса! Когда вы так внезапно покинули *ваш* Интернационал, мы могли вывести из этого только то заключение, что вы, повидимому, согласны были участвовать в Интернационале лишь постольку, поскольку этот Интернационал разделяет вашу точку зрения. Десять месяцев, которые прошли после Конгресса, только подтвердили наше предположение. В самом деле! В нашем обращении к Лилльскому Конгрессу мы подчеркнули, что Профинтерн не собирается подчинять французские синдикаты коммунистической партии. Мы указали, что автономия профсоюзов ничто не угрожает. После этого мы подписали вместе с частью ваших делегатов декларацию, в которой мы установили самым определенным образом, что согласно подлинного смысла инкриминируемой нам резолюции, дело идет только о том, чтобы предложить вам участвовать в *совместной борьбе* против нашего классового врага, не нарушая ни в какой степени независимости синдикатов. Еще позже, в феврале 1922 г., Центральный Совет принял резолюцию, в которой отчетливо подчеркнул, что никто не покушается на вашу автономию. Аналогичная декларация была нами послана Союзу Синдикалистов Италии и синдикатам Португалии и Аргентины. Но известно, что неизлечимо глух тот, кто не хочет слышать.

В синдикалистской прессе компания против Профинтерна продолжалась. Люди, которые не потрудились даже прочесть устав Профинтерна, писали, что Интернационал Профсоюзов заставит французские синдикаты установить органическую связь с партией, что Профинтерн стремился обманом вовлечь французский синдикализм в Третий Интернационал и т. д. Но достаточно внимательно прочесть относящиеся сюда резолюции, чтобы убедиться, в какой степени глупы и намеренно запутаны нападки против Профинтерна. В постановлении конгресса говорится о том, что было бы желательно установить связь между революционными синдикатами и коммунистическими партиями для того, чтобы согласовать выступления. Почему же мы писали *желательно*, а не *обязательно*? Потому, что конгресс учитывал состояние революционного профессионального движения в тех странах, в которых отношения между синдикатами и политическими партиями натянуты и далеко не дружеские. Если конгресс пишет в своей резолюции „желательно“, то этим самым он обнаруживает, что он представляет каждой организации возможность свободно определить свои отношения с коммунистической партией, сообразно с обстоятельствами и местными особенностями. Полагают ли революционные синдикалисты, что Профинтерн исключил бы их, если бы они после 1-го Конгресса заявили: мы остаемся в Красном Интернационале Профсоюзов, но мы не можем выполнить пожелание, выраженное конгрессом по вопросу об органической связи с коммунистической партией. Мы не можем этого сделать из-за существующих во Франции особых условий?

Ответ, который можно дать на этот вопрос, настолько очевиден, что нет надобности на нем останавливаться. Если бы руководители У. К. Т. имели желание договориться, если бы там не находились люди, которые стремятся создать во что бы то ни стало пропасть между вами и Профинтерном,—соглашение давно было бы достигнуто. Для Профинтерна эта задача тем более легка, что мы никогда не думали навязывать вам органическую связь с французской коммунистической партией и что мы не видели ни пользы, ни необходимости в том, чтобы нарушить вашу независимость. Профинтерн всегда стремился добиться единства наступательного и оборонительного действия против буржуазии всех участников революционной борьбы и пропаганды. Но эта совместная деятельность приобретает различные формы в зависимости от характера профессионального движения в разных странах. Если бы мы не считались с особенностями международного профессионального движения, если бы мы хотели создать однородную коммунистическую организацию, нам незачем было бы создавать Интернационал Профсоюзов. Коммунисты объединены в Коммунистическом Интернационале; параллельная организация не принесла бы им никакой пользы. Если коммунисты взяли на себя инициативу создания Интернационала Профсоюзов, это было сделано для того, чтобы различные организации революционного рабочего движения могли объединиться и, не отказываясь от своих особенностей, могли совместно выступать и готовить уничтожение капитализма. Возможно ли, чтобы такая точка зрения оказалась непримлемой для У. К. Т.

3. Коминтерн и Профинтерн.

Буржуазия представляет собою могущественный международный фактор, против которого можно бороться только в международном масштабе. Из этого факта вытекает необходимость совместно действовать и совместно развертывать все революционные пролетарские силы, организованные в международном масштабе. Вот почему Учредительный Конгресс Профинтерна установил взаимное представительство между Коминтерном и Профинтерном для координирования их борьбы против буржуазии. Это взаимное представительство во Франции вызвало возражение. Одни рассматривали его как доказательства порабощения профдвижения; другие возражали против принятой резолюции потому, что Профинтерн связывал свою судьбу с организацией, революционный дух которой подвергался сомнению ввиду ее поли-

тического характера. Между тем, если взаимное представительство влечет за собой подчинение, то это в одинаковой степени относится к обоим сторонам. Придерживаясь этой терминологии, можно было бы здесь говорить о взаимном подчинении. Вместо того, чтобы задуматься над проблемой концентрации всех революционных сил, прибегают к словам „подчинение, порабощение“ и считают, что оказывают этим большую услугу рабочему классу. Но фактически они только запутали положение. Если можно выражать хотя бы плохо обоснованные сомнения по поводу революционного духа Коминтерна в будущем, то никто не может отрицать, что в настоящий момент Коминтерн представляет собою могучую активную силу революции. Можно ли действовать в международном масштабе,—мы говорим о действии, а не о резолюциях,—без Коминтерна?

Целью стремлений Коминтерна является уничтожение буржуазного строя и установление диктатуры пролетариата. Как же успешно осуществить эту задачу без координирования общих усилий установить абсолютную независимость, когда логика требует в интересах пролетариата и революции совместной деятельности, совместных выступлений?

Если до войны было возможно считать, что Амьенская хартия могла защитить рабочие организации от коварства и предательства, то после войны дальнейшее жонглирование словом „политика“ является недопустимым. Все знают, что В. К. Т. неожиданно завязла в болоте в компании с социалистической партией. В предательстве рабочего класса осуществилось их объединение. Сомнительно, чтобы среди вас нашелся человек, который бы предпочел „рабочих“, *Жуо* и *Менгейма*, интеллигентам, *Либкнехту* и *Розе Люксембург*, членам компартии. Война в такой степени преобразила рабочее движение, что те, кто не жалеет еще расстаться со старыми формулами, рискуют отодвинуть рабочее движение назад на десятки лет. Война и революция провели глубокую борозду в рабочем движении. Образовались два лагеря: лагерь сторонников социальной революции и диктатуры пролетариата и лагерь, объединяющий все враждебные революции элементы. Горе тем, кто отказывается занять определенную позицию и чисто формальной постановкой вопросов извращает перспективу борьбы!

Основной осью вопроса является для нас *совместная деятельность* Профинтерна и Коминтерна, вопрос же о *взаимном представительстве* имеет только второстепенное значение. Второй Конгресс рассмотрит предложение профессиональных организаций об упразднении взаимного представительства, т.-е. об анулировании параграфа 11-го Устава. Не желая и не имея возможности предпринять вопрос, который зависит исключительно от конгресса, мы спрашиваем вас, является ли сохранение 11-го параграфа Устава достаточным основанием для того, чтобы вы изолировали себя от международного рабочего движения? В Интернационале Профсоюзов всегда может быть некоторое число организаций, которым не нравятся тот или иной параграф, та или иная резолюция. Если эти организации будут идти путем, проложенным У. К. Т. и, в свою очередь, будут предъявлять ультиматум за ультиматумом, что из этого получится? Революционный Интернационал действия или международное общество любителей независимости.

4. О новом Анархистском Интернационале Профсоюзов.

Конечно, возможен еще один выход: в случае, если ультиматум не будет принят, можно создать новый анархо-синдикалистский Интернационал, который будет состоять из людей, совершенно совпадающих во взглядах. Но этот исход представляет собою самую большую опасность для рабочего движения. Ведь синдикализм как доктрина не образует однородного целого. Он не высечен целиком из камня. В синдикализме можно различить три течения, и, следовательно, первейшим последствием создания нового Интернационала был бы раскол в синдикалистских организациях, которые и без того, как все это знают, не отличаются значительным числом членов.

Новый Интернационал, который в латинских странах будет опираться на организации, ослабленные расколом, явится только тенью Интернационала. Правда в этом Интернационале все смогут гордиться своей независимостью, но это будет *независимость бездействия и автономия слабости*. А будет ли этот новый Интернационал самым независимым из всех Интернационалов в мире, по крайней мере, свободным от „политики“, которая так пугает французских товарищей? Нет! Новый интернационал будет всецело подчинен анархистам, которые поведут там свою „политику“ и осуществят все свои идеи под флагом независимости. Можно заранее утверждать, что этот Интернационал никакой угрозы не будет представлять для буржуазии, ибо она не боится фраз. В самом деле, международному, прекрасно организованному капитализму новый Интернационал сможет противопоставить только свои резолюции. Нужно к тому же заметить, товарищи, что Интернационалы не растут, как грибы после дождя. В международном рабочем движении нет места для двух революционных Интернационалов. Если вы собираетесь создать Интернационал раскольников, вы скоро убедитесь, что наша точка зрения была правильной. Вы будете находиться между Амстердамом и Москвой, вы займете среднюю позицию между революцией и реакцией. И так как в латинских странах нет еще, к сожалению, революции, то вам не удастся создать жизнеспособный революционный Интернационал, черпающий свою силу в революционном опыте и являющийся прочным оружием для наступления против классового врага.

5. Об едином революционном фронте.

Что же необходимо делать? В первую очередь нужно создать единый фронт революционного профессионального движения. Единый фронт был сорван не по нашей вине. Мы много раз обращались к революционным профсоюзам Франции, предлагая им братское соглашение, но каждый раз мы наталкивались на подозрение и недоверие. Создать единый революционный фронт—это значит образовать блок коммунистов и революционных синдикалистов. Профинтерн олицетворяет этот блок, союз двух революционных потоков международного рабочего движения. Разногласия в целом ряде вопросов не должны, не могут помешать единству действия. Только на кладбище царствует полное спокойствие и „единомыслие“. В жизнеспособном и полном сил рабочем организме, каким является Профинтерн, будет продолжаться борьба идей, будет сообщаться опыт различных стран, будут возникать новые спорные вопросы, волнующие рабочие массы. Этого требует жизнь, требуют условия борьбы. Профинтерн выйдет невредимым из этих столкновений мнений и тенденций, если найдется минимум единомыслия в вопросе об основных принципах и путях, которые могут непосредственно повести к социальной революции и к установлению на время переходного периода диктатуры рабочего класса. Существует ли этот минимум единства? Нам кажется, что да. Этим для нас определяется необходимость бороться совместно с революционными рабочими других стран. С вашей стороны будет преступлением против французского пролетариата и против Интернационала, если вы останетесь в стороне от мирового центра революционного профессионального движения—Красного Интернационала Профсоюзов.

6. Единство профессионального движения.

Синдикаты были объединены во время войны. После же войны начался раскол. Какова причина этого раскола?

Причина заключается в том, что руководители профессионального движения продолжают вести политику „священного союза“ и сотрудничества классов. Чувствуя, что растет сопротивление со стороны рабочих, реформисты решили прибегнуть к расколу с единственной целью сохранить официальную организацию рабочего класса, подчиненную идейному и полити-

ческому влиянию буржуазии. Амстердамский Интернационал, оперируя в контакте с Лигой Наций, осуществляет в каждой стране свою политику при помощи людей, принадлежащих к буржуазным правительствам. Вице-председатель Амстердамского Интернационала, *Жуо*, претворил в жизнь давнишнюю мечту французской буржуазии, вызвав раскол в В. К. Т. Вы боролись против раскола, но вам не удалось избежать его. Вы назвали созданную вами организацию „Унитарной“. Поэтому мы были поражены, когда узнали, что среди вас есть много противников единого фронта. Наше удивление было тем более сильно, что резолюция Центрального Совета Профинтерна о едином пролетарском фронте не вызвала никаких возражений. Никто и не пытался критиковать решение, которое мы приняли, в такой степени это решение соответствует основной мысли революционного профессионального движения, его задачам, его целям. Бесспорно, что в тот момент, когда профсоюзам приходится преодолевать трудности раскола, не легко говорить об едином фронте, но все же никакие трудности не должны останавливать революционера в осуществлении того, что он считает важным и необходимым. Необходимо уяснить себе создавшееся положение. Ясно, что никакая серьезная экономическая борьба во Франции невозможна до тех пор, пока параллельно существующие синдикаты не придут к соглашению. Даже там, где вы располагаете большинством организованных рабочих, вы будете побеждены, если реформистские синдикаты не окажут вам поддержки. Это произойдет потому, что неорганизованные массы, а во Франции большинство рабочих находится вне профессиональных организаций, присоединятся в настоящих условиях скорее к реформистам. Так как исход борьбы зависит от этой неорганизованной массы, революционные синдикаты будут побеждены, если они не прибегнут к тактике единого фронта. Единый фронт представляет собой борьбу за влияние в массах для общего действия. Единый фронт не создан для сотрудничества классов (что касается реформистов, то они за единый фронт с буржуазией), но для противопоставления одного класса другому. Все рабочие стремятся сохранить 8-часовой рабочий день, ни один из них не согласен на понижение заработной платы. Почему же вам не взять на себя инициативу предложить параллельным синдикатам общую борьбу в целях защиты завоеванных позиций? Вас смущает, что вам придется разговаривать с реформистами? Но вы же говорили с ними, когда составляли часть В. К. Т.? Эти разговоры будут касаться, не забывайте этого, классового действия! Из каждой попытки совместного выступления рабочих, к какому бы течению они не принадлежали, профсоюзы только выиграют.

Необходимо, чтобы каждый рабочий знал, что вы являетесь сторонниками единства профессионального движения, что если единство В. К. Т. было насильно уничтожено, то вина за это падает не на вас, и что ответственность за создавшееся положение всецело должны нести реформистские политики, которые предпочитают соглашение с буржуазией соглашению с революционными рабочими. Таково значение единого фронта. Мы никак не можем понять, почему В. К. Т. может быть враждебна идее единого фронта.

7. Французская буржуазия и Профинтерн.

На рынке международной реакции Профинтерн котируется одинаково с Москвой. Это значит, что он отождествляется с социальной революцией. Вот почему французская буржуазия так боится вашего присоединения к этому Интернационалу. Она рассматривает это присоединение как акт солидарности с русской революцией, — с революцией разбойников, которые лишили „честных людей“ Франции миллионов.

Послушайте только этих ростовщиков. Вся французская буржуазная пресса ведет неустанную кампанию против „указов“ Москвы; она требует независимости французских рабочих организаций. За ними плетутся и мотыльки и с улицы Лафайэт. Они также в своих речах и статьях провозглашают независимость французского рабочего движения и необходимость ока-

зять твердое сопротивление „московским диктаторам“. Думаете ли вы, что они так действуют случайно? Нет! Естественно и нормально, что они именно так выступают. Французская буржуазия прекрасно понимает опасность, которую представляет для нее Интернационал, опирающийся на опыт революции. Буржуазия боится международного союза, в ряды которого входит испытанный пролетариат, привыкший к борьбе против буржуазного мира. Если французская буржуазия усиливает свои нападки против диктаторов и разбойников из Москвы, то это потому, что эти так называемые разбойники направили острие своей диктатуры против буржуазии, лишив ее земель, фабрик, заводов и банков. Ожесточенная ненависть, проявляемая по отношению к нам, доказывает, что мы представляем собою опасную силу, угрожающую капиталу. Революционные рабочие не должны радовать буржуазию, выступая против Москвы.

Профинтерн несколько не сомневается, что из наших дружеских дискуссий, наших товарищеских бесед, наши враги в будущем не извлекут никакой пользы для себя, как это было тогда, когда руководители У. К. Т. считали своим долгом участвовать в враждебных манифестациях против Советского правительства и Русской Революции. Профинтерн убежден, что рабочий класс Франции сумеет защитить себя от уродливого единого фронта, который образован против Советской России всей буржуазией совместно с некоей сектой, которая называет себя революционной.

Заключение.

В заключение мы обращаем ваше внимание на то обстоятельство, что до настоящего момента мы не знаем отношения У. К. Т. к „Программе Действий“, которая была выработана Учредительным Конгрессом Профинтерна и является результатом коллективного революционного опыта всех стран.

Как объяснить, что революционные профсоюзы Франции придают так мало значения работам 1-го Международного Конгресса? Потому ли это, что эти профсоюзы еще не примкнули к Профинтерну? Но разве этот факт может помешать им использовать опыт рабочих других стран?

Огромное большинство ваших революционных профсоюзов не знает даже о существовании этой программы. Между тем именно неприсоединение к Профинтерну должно было бы, казалось, побудить руководителей У.К.Т. распространить текст всех решений, принятых 1-ым Конгрессом, для того, чтобы сделать возможным беспристрастное изучение его работ. Мы ожидали много месяцев, чтобы вы, пославшие делегацию на Конгресс, опубликовали решения этого Конгресса.

Вы могли, в крайнем случае, опубликовать эти решения с комментарием, в котором вы заявили бы, что вы не примете двух параграфов из резолюций, но долгом вашим было осведомить ваших товарищей.

Нас также удивляет, что все дискуссии ведутся в течение десяти месяцев только относительно двух параграфов одной резолюции. Вне сферы суждений оставлена вся огромная и тактическая работа, которая была произведена Учредительным Конгрессом революционных синдикатов.

Но оставим это. Ваш Конгресс должен будет выяснить свое отношение к действенной революционной борьбе, как в национальном, так и в международном масштабе. Каковы бы не были решения, которые вы примете, мы уверены, что вы будете исходить из интересов мировой революции. Примите же наш горячий братский привет. Знайте, что позиция, которую вы займете по отношению к Профинтерну, не мешает нам встретить вас с радостью в рядах единого фронта социальной революции, в борьбе за коммунизм.

Привет революционному пролетариату Франции!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Да здравствует Красный Интернационал Профсоюзов!

Исполнительное Бюро Профинтерна.

Москва, 10 июня 1922 г.

К Съезду французской коммунистической партии¹⁾.

Дорогие товарищи!

Предстоящий съезд французской коммунистической партии имеет исключительное значение: он должен помочь партии, после года глубокого внутреннего кризиса, парализовавшего ее волю, выйти на широкую дорогу революционного действия. Чтобы съезд с успехом выполнил эту задачу, нужно, чтобы вся партия критически оглянулась на пройденный путь, дала себе ясный отчет в причинах тяжелого внутреннего недомогания, ведущего к политической пассивности, и твердой рукой провела бы на своем съезде необходимые меры оздоровления и возрождения. Цель настоящего письма— оказать общественному мнению нашей французской партии содействие в деле разрешения этой задачи.

1. Общие причины кризиса партии.

Официальный французский социализм и официальный французский синдикализм во время империалистической войны оказались насквозь пропитаны отравой демократической и патриотической идеологии. Со страниц „Юманите“ и со всех других партийных и синдикальных трибун изо дня в день проповедывалось, что эта война есть последняя война, что это война за право, что Антанта, с Францией во главе, представляют высшие интересы цивилизации, что победа Антанты приведет к демократическому миру, к разоружению, к социальной справедливости и пр. и пр. После того, как эти отравленные шовинизмом фантазии нашли свое воплощение в подлой и отвратительной реальности версальского мира, официальный французский социализм попал в совершенно безвыходное положение. Его внутренняя фальшь обнаружилась с неотразимой наглядностью. Идеиная тревога овладела массами, верхи партии потеряли равновесие и доверие к себе. В этих условиях произошло преобразование партии на турском конгрессе и ее присоединение к Коммунистическому Интернационалу. Разумеется, результаты турского конгресса были подготовлены неутомимой героической работой Комитета 3 Интернационала. Тем не менее, быстрота, с какой эти результаты были достигнуты, поразила тогда весь международный пролетариат. Подавляющее большинство партии, вместе с ее важнейшими органами и в том числе и с „Юманите“, превратилось во французскую секцию коммунистического интернационала. Откололись от партии наиболее скомпрометированные элементы, всеми своими интересами и всем своим мышлением связанные с буржуазным обществом. Эта быстрота превращения социалистической партии в коммунистическую, явившаяся результатом вопиющего противоречия между идеологией демократического патриотизма и версальской реальностью, имела неизбежно и свои отрицательные последствия. Партия отшатнулась от прошлого, но это вовсе не значило, что она успела за короткий период критически продумать и проработать теоретические принципы коммунизма и методы революционной пролетарской политики.

¹⁾ Съезд открылся 15 октября 1922 г

К этому присоединилось еще и то, что революционное движение за последние два года приняло во всей Европе более медленный, затяжной характер. Буржуазное общество обрело некоторую видимость нового равновесия. На этой почве внутри коммунистической партии стали оживать старые предрассудки реформизма, пацифизма и демократизма, от коих партия формально отказалась в Туре. Отсюда неизбежная внутренняя борьба, приведшая к глубокому кризису партии. Можно таким образом сказать, что турский конгресс наметил лишь общие грубые рамки, внутри которых и совершается до сего дня трудный процесс перерождения партии, из демократической и социалистической в коммунистическую.

2. Внутренние группировки партии.

Наиболее очевидное и острое выражение кризис находит себе в борьбе тенденций внутри партии. Этих тенденций, если свести их к основным группировкам, четыре:

а) *Правое крыло*. Его возрождение и сплочение внутри коммунистической партии пошло по линии наименьшего сопротивления, именно по линии пацифизма, который всегда может рассчитывать на поверхностный успех в стране с такими традициями, какие у Франции, особенно посл: империалистической войны. Гуманитарный и слезливый пацифизм, не заключающий в себе ни единого революционного атома, создает наиболее удобную маскировку для всех других воззрений и симпатий в духе реформизма и центризма. Правое крыло партии начинало чувствовать себя тем увереннее и тверже, чем более обнаруживался затяжной характер пролетарской революции, чем более европейская буржуазия овладевала государственным аппаратом после войны, чем большие хозяйственные трудности возникали перед Советской Республикой. Правые элементы сознавали и чувствовали, что только бесформенность и смутность партийного сознания может обеспечить их влияние, поэтому они, не всегда решаясь открыто нападать на коммунизм, вели тем более непримиримую борьбу против требований ясности и отчетливости в идеях и в организации партии. Под лозунгом „свободы мнений“ они отстаивали свободу мелкобуржуазных интеллигентов, адвокатских и журналистских группок вносить в партию сумбур, хаос и тем парализовать ее способность к действию. Все нарушители партийной дисциплины находили сочувствие со стороны правого крыла, которое усматривает особое мужество в том, когда депутат или журналист попирает ногами программу, тактику или устав пролетарской партии. Под лозунгом национальной автономии они открыли борьбу против Коммунистического Интернационала. Вместо того, чтобы бороться внутри Интернационала, к которому они формально примкнули, за ту или другую точку зрения, правые стали оспаривать самое право Интернационала „вмешиваться“ во внутреннюю жизнь отдельных партий. Они пошли далее и, отождествляя Интернационал с Москвой, стали в прикрытой и тем более злостной форме намекать французским рабочим, что те или другие решения Коммунистического Интернационала диктуются не интересами мировой революции, а оппортунистическими государственными интересами Советской России. Если бы это было так, или если бы правые серьезно думали, что это так, они были бы обязаны поднять против русских коммунистов непримиримую борьбу, объявить их изменниками делу международного коммунизма и призвать русских рабочих к свержению такой партии. Но правые и не думали становиться на этот единственно-последовательный и принципиальный путь. Они ограничивались намеками и инсинуациями, стремясь играть на националистических струнках известной части партии и рабочего класса. Это кокетничанье с лже-демократизмом („свобода мнений“) и национализмом Париж—Москва, дополнялось вздохами по поводу раскола с диссидентами и нащупыванием почвы для подготовки политики левого блока. Таким образом, правое крыло по всему духу своему враждебно коммунизму и пролетарской революции. Элементарным требованием самосохранения партии является очищение ее рядов от тенденций этого

рода и от тех элементов, которые являются проводниками таких тенденций. Само собой разумеется, что члены партии, явно обнаружившие после Тура свою фактическую принадлежность к правому крылу, не могут занимать никаких ответственных постов в коммунистической партии. Это есть первое, совершенно очевидное условие для преодоления внутреннего кризиса.

б) *„Крайнее левое“ крыло.* На противоположном фланге партии мы видим так называемую крайнюю левую, в которой, под мнимым радикализмом слов, нередко скрываются, наряду с революционным нетерпением, чисто оппортунистические предрассудки в вопросах тактики и организации рабочего класса. Локализм, автономизм и федерализм, совершенно несовместимые с революционными потребностями рабочего класса, находят своих сторонников в среде так называемого крайнего левого крыла. Отсюда же иногда раздавались призывы к мнимо революционным действиям, явно не отвечающим обстановке и несовместимым с реалистической политикой коммунизма. Большинство крайних левых, как свидетельствует опыт последнего года и особенно сенской федерации, представляет собою прекрасный революционный материал и при правильном и твердом руководстве со стороны партии легко освобождается от мнимо-революционных предрассудков во имя действительной коммунистической политики. Но несомненно, что в этом крыле имеются отдельные представители анархо-реформистского склада, готовые в любой момент на блок с правыми против коммунистической политики. Внимательный и строгий контроль над дальнейшей деятельностью этих элементов должен дополнить собою педагогическую просветительную работу в тех партийных кругах, неопытность коих эксплуатируется анархо-синдикалистами „крайнего“ левого крыла.

в) *„Левое течение“* является, как в идейном отношении, так в значительной мере и по личному составу, продолжением и развитием комитета 3 Интернационала. Левое течение, бесспорно, прилагало все усилия к тому, чтобы направить политику партии в действительном, а не только словесном согласии с принципами Коммунистического Интернационала. Известное возрождение активности левой группировки было вызвано сплочением правого крыла и его агрессивной политикой против принципов, политики и дисциплины коммунизма. Исполком, распустивший в свое время во имя единства Партии Комитет 3 Интернационала, принял необходимые меры к тому, чтобы избежать возрождения режима фракций, опасность которого стала совершенно очевидной с того момента, как правое крыло, не встречая необходимого отпора, осмелилось открыто попираť идеи коммунизма, устав партии и Интернационала. Исполком не видел и не видит в деятельности левой группы таких шагов, которые говорили бы, что левые стремятся создать замкнутую фракцию. Наоборот, в полном согласии с решениями и указаниями исполкома, левая группировка отстает от необходимости полного единения и слияния всех искренно коммунистических элементов для очищения партии от дезорганизующих и разлагающих ее пережитков прошлого.

г) Наиболее широкая и наименее оформленная группа *центра* полнее всего отражает охарактеризованную в начале этого письма эволюцию французской партии. Быстрота перехода от социализма к коммунизму, под давлением революционных настроений снизу, привела к тому, что в рамках партии оказались многочисленные элементы, вполне искренно относящиеся к коммунистическому знамени, но еще далеко не ликвидировавшие своего демократически-парламентского и синдикалистского прошлого. Многие представители этого центра вполне искренно думали, что достаточно отказать от наиболее скомпрометтированных формул парламентаризма и национализма, чтобы тем самым превратить партию в коммунистическую. Формальное принятие 21 пункта в Туре уже само по себе казалось им решением вопроса. Не отдавая себе достаточного отчета в том, какое глубокое внутреннее перерождение должна еще претерпеть партия, чтобы стать руководительницей пролетарской революции в главной цитадели капиталистической реакции, считая, что турский конгресс уже разрешил главные затруднения, представители центра неодобрительно относились к возбуждению в партии тактических и организационных вопросов и склонны были в принципиальных столкновениях ви-

деть личные конфликты и кружковые домогательства. Правое крыло, идейно ничтожное и скомпрометированное, могло поднять голову только благодаря тому, что руководящий партией центр не оказал ему сразу необходимого отпора. Ограниченный с двух сторон более или менее оформленными правой и левой группировками, сам центр лишен самостоятельной политической физиономии. Попытка отдельных представителей центра, как т. Даниеля Рену, создать самостоятельную платформу, приводила на деле к тому, что он по одним вопросам сходил с правой, по другим — с крайней левой, только увеличивая этим идейную путаницу. Несомненно, что отдельные представители центра целиком тяготеют к правой и остаются тормозом партийного развития. Но задача большинства руководящих элементов центра — и мы надеемся, что они эту задачу выполнят — состоит в том, чтобы стать обеими ногами на почву решений Коммунистического Интернационала, и рука об руку с левой, очистить партию от всех тех элементов, которые на политическом опыте обнаружили, обнаруживают и еще обнаружат, что им не место в коммунистических рядах, — чтобы таким путем укрепить дисциплину партии и сделать ее надежным орудием революционного действия.

На ряту с представителями левой, доказавшими свою верность делу пролетарской революции в труднейший период, в Центральный Комитет партии должны войти те представители Центра, которые действительно обнаружили готовность открыть *н. вую эру* в жизни французской партии.

Вопрос единого фронта.

Вопрос единого фронта вставал перед Интернационалом в той мере, в какой коммунистические партии важнейших стран от подготовительной идейной и организационной работы переходили на путь массового действия. В силу указанной выше причины французская партия оказалась застигнутой вопросом об едином фронте врасплох, что и нашло свое выражение в ряде неправильных решений партии по этому вопросу. Между тем, именно для французского рабочего движения политика единого фронта, проводимая однородной централизованной революционной партией, может и должна получить неизмеримое значение.

Социальные отношения Франции имели до войны наиболее косный характер во всей Европе, из относительной устойчивости хозяйственных форм, при многочисленности мелкого крестьянства, вытекал консерватизм политической жизни, отражавшийся и на рабочем классе. Нигде не было такого цепкого режима революционных и мнимо-революционных сект, как во французском рабочем движении. Чем неопределеннее были перспективы социальной революции, тем больше каждая из группировок, фракций и сект стремилась превратиться в замкнутый мирок. Иногда эти фракции боролись друг с другом за влияние, как гэдисты и жоресисты, иногда же размежевывали свое влияние на основе принципа невмешательства, как жоресисты и синдикалисты. Самое существование каждой группировки казалось ей самой, особенно ее бюрократии, самоцелью. К этому присоединялись неизбежные парламентские соображения: пресса становилась самоцелью для журиналиста, парламентские места — для депутатов. Эти традиции и навыки — результат долгого демократического прошлого в условиях консервативной среды — еще и сейчас очень сильны во французском рабочем движении.

Коммунистическая партия возникла вовсе не для того, чтобы существовать, как одна из фракций в пролетариате, на ряду с диссидентами, синхронистами и пр., а для того, чтобы потрясти эти консервативные группировки и фракции в самой их основе, обнаружить их полное несостоятельность перед потребностями и задачами революционной эпохи и тем заставить пролетариат почувствовать себя, как класс, все части которого активно связаны единством фронта против буржуазии и ее государства. Организация парламентского социализма или пропагандистская секта могут в течение десяти-

летий существовать в одних и тех же тесных рамках, которые обеспечивают им несколько парламентских мест или известный сбыт их брошюркам. Партия социальной революции должна учиться на деле сплачивать большинство рабочего класса, пользуясь для этого каждой открывающейся возможностью массового действия. В то время, как пережившие себя группировки и фракции заинтересованы в устойчивости и незыблемости перегородок, разделяющих рабочий класс на части, мы, наоборот, кровно заинтересованы в том, чтобы нарушать консерватизм этих перегородок и учить этому рабочие массы. В этом весь смысл политики единого фронта и этот смысл непосредственно вытекает из социально-революционного существа нашей партии.

С этой точки зрения разговоры о том, что мы готовы идти на единый фронт с массами, но не с их вождями, представляют собою чистойшую схоластику. С таким же успехом можно сказать, что мы согласны вести стачки против капиталистов, но не согласны вступать с ними в переговоры. Как нельзя вести стачечной борьбы, не вступая в известные моменты в переговоры с капиталистами или их уполномоченными, так нельзя звать организованные массы к объединенной борьбе, не вступая в переговоры с теми, кого данная часть массы уполномочивает. Здесь под видом революционной непримиримости явно выступает политическая пассивность, не выходящая из себя той важнейшей работы, ради которой и создавалась коммунистическая партия.

Мы считаем необходимым рассмотреть здесь те возражения, против единого фронта, которые выдвинуты были в последнее время, в особенности товарищем Даниэлем Рену, и которые как бы опираются на опыт Коммунистического Интернационала и отдельных его секций.

Указывают на то, что попытка созыва мирового рабочего конгресса неуспешна и наоборот привела только к усугублению борьбы 2-го и 2½ интернационалов против коммунизма. Тот же самый вывод пытаются сделать из опыта политики единого фронта в пределах Германии: на деле мы видим там, — говорят нам, — не единый фронт пролетариата, а объединение социал-демократов и независимых против коммунистов.

Эти факты бесспорны; но видеть в них довод против политики единого фронта могли бы только те, которые надеялись бы при помощи политики единого фронта достигнуть смягчения политических противоречий или превратить Эберта, Шейдемана, Вандервельда, Реноделя, Блюма и Лонге в революционеров. Но такую надежду могли бы питать только оппортунисты, и мы действительно видим, что точка зрения тов. Рену и его единомышленников есть позиция не революционеров, а пришедших в отчаяние оппортунистов. Наша задача вовсе не в том, чтобы перевоспитать Шейдемана, Блюма, Жуо и компанию, а в том, чтобы расшатать консерватизм их организации и открыть в массе выход к действию. В последнем счете от этого может выиграть только коммунистическая партия. Стремление к единству в массах велико. Наша агитация вынудила в известный момент даже 2 и 2½ интернационалы вступить с нами в переговоры по поводу единого рабочего конгресса. Совершенно неоспоримо, что социал-демократы и независимые всеми силами стремились сорвать единство действий и еще более сблизиться друг с другом в процессе борьбы на этой почве с коммунистами. В Германии это привело к подготовке полного слияния этих двух партий. Видеть в этом крушение политики единого фронта может только тот, кто совершенно не понимает сложных путей политического развития рабочего класса. Слияние независимых с социал-демократами временно создаст видимость их усиления против нас. Но на самом деле слияние целиком пойдет нам на пользу. Независимые будут пытаться мешать социал-демократам выполнять их буржуазно-правительственную роль; с несомненно большим успехом социал-демократы помешают нынешним независимым выполнять их „опозиционную“ роль. С исчезновением бесформенного пятна независимых коммунистическая партия останется перед рабочим классом как единственная сила, борющаяся с буржуазией и призывающая рабочий класс к единому фронту в этой борьбе. Это не сможет не изменить соотношение сил в нашу пользу. Вполне вероятно, что через некоторое время, когда наше усиление обозначится, объединенная социал-демократическая партия окажется вынужденной в том

или другом случае принять лозунг единого фронта. Так как и в этом случае коммунисты, как более решительные в борьбе за частные и общие интересы рабочего класса, могут только выиграть во мнении трудящихся, то в результате временного сотрудничества социал-демократы снова еще раз отшатнутся от коммунистов и откроют против них еще более неистовую кампанию. Борьба коммунистической партии за влияние на рабочий класс идет не по прямой, а по очень сложной ломанной линии, которая ведет, однако, в одном и том же направлении,—при условии однородности, выдержанности и дисциплинированности самой коммунистической партии.

Несомненные политические успехи достигнуты в Германии политикой единого фронта уже сейчас, и как видно из прилагаемой к этому письму справки т. Клары Цеткин.

* * *

В то время, когда некоторые французские товарищи, даже готовые, в принципе признать тактику единого фронта, считают ее неприменимой в настоящее время во Франции, мы, наоборот, полагаем, что нет другой страны, где тактика единого фронта являлась бы столь несложной и настоятельной, как во Франции. Это обуславливается, в первую голову, состоянием французского синдикального движения.

Раскол французских профессиональных организаций, произведенный Жуо и К⁰ по политическим мотивам, представляет собою не меньшее преступление, чем поведение этой клики во время войны. Каждая тенденция и доктрина имеет возможность создать свою группировку в рабочем классе. Но профессиональные союзы являются основной формой организации пролетариата, как класса, и единство профессиональных организаций диктуется уже необходимостью защиты самых элементарных интересов и прав трудящихся масс. Раскол профессиональных союзов по политическим мотивам является одновременно изменой рабочему классу и признанием своего банкротства. Только изолированием небольшой части рабочего класса от революционных группировок путем раскола, Жуо и К⁰ могли надеяться сохранить еще в течение известного времени свое влияние и свою организацию. Но этим самым реформистские профессиональные союзы переставали быть профессиональными союзами, т. е. массовыми организациями трудящихся, а становились замаскированной политической партией Жуо и К⁰.

Нет никакого сомнения, что сторонники раскола были также и в среде революционных анархо-синдикалистов. Чуждые широких задач пролетарской революции, эти элементы, по существу, ограничивают свою программу созданием поповско-анархической секты со своей иерархией и своими прихожанами. Они создают свой „пакт“, тайное соглашение, где обязуются друг другу помогать при захвате ответственных должностей, и в этом смысле раскол профессиональных союзов, как нельзя лучше, устраивает дела подобной клики.

Наша позиция была и остается в этом вопросе совершенно непримиримой. Интересы нашей партии и здесь, как и во всем остальном, совпадают с подлинными интересами рабочего класса, которому нужны единые профессиональные союзы, а не их осколки. Разумеется, революционная конфедерация труда нам ближе, чем реформистская. Но нашей обязанностью является борьба за восстановление единства профессиональных организаций — и не в неопределенном будущем, а теперь же, немедленно, для отпора наступлению капитала. Раскол профессиональных союзов есть дело преступной синдикальной бюрократии. Массы в обеих группировках не хотели и не хотят раскола. Мы должны быть с массой против раскольничьей и предательской синдикальной бюрократии.

Революционная Конфедерация Труда называет себя объединительной (unitaire). Если для анархо-синдикалистов это лишь лицемерный звук, то для нас, коммунистов, это — знамя. Мы должны при каждом подходящем случае, особенно при всякой возможности массового действия выяснять, что существование революционной конфедерации труда есть не самоцель, а только средство к скорейшему достижению единства синдикального движения. Обр-

тила ли партия по поводу Гаврской стачки с открытым предложением к обеим конфедерациям о координированности своих усилий в деле обслуживания стачки? Нет. Это крупнейшая ошибка. То обстоятельство, что У. К. Т. этого не хотела, ни в каком случае не может служить оправданием. Ибо мы не обязаны делать только то, чего хочет У. К. Т. У нас есть свои, коммунистические воззрения на задачи синдикальной организации, и когда эта последняя делает ошибку, мы должны за собственной ответственностью эту ошибку открыто поправлять перед лицом трудящихся масс, чтобы помочь рабочему классу избежать таких ошибок в будущем. Мы обязаны были опросить обе конфедерации открыто, перед лицом всего пролетариата, — готовы ли они встретиться для выработки программы сотрудничества по обслуживанию Гаврской стачки. Такого рода конкретные предложения, заранее выработанные нами деловые программы нужно выдвигать неутомимо по каждому подходящему поводу, в локальном, или и в общем государственном масштабе, в зависимости от характера вопросов и размера движения. У. К. Т. не сможет и не будет противиться такой инициативе. В. К. Т., охраняя своих сторонников от соприкосновения с революцией, будет неизбежно упираться. Тем хуже для В. К. Т. Политика единого фронта станет тем тараном, который пробьет брешь в последних укреплениях Жуо и К⁰.

Но этого мало. Мы сами, как партия, не можем оставаться в стороне от такого крупного события, как Гаврская стачка. И мы не можем позволить г.г. диссидентам отсиживаться и отмалчиваться в стороне. Мы должны были обратиться с прямым и открытым предложением совещания и к ним, к диссидентам. Нет и не может быть ни одного здравого и серьезного довода против такого обращения. И если бы диссиденты, под влиянием обстановки и под нашим давлением, сделали пол-шага вперед, навстречу интересам стачки, они этим оказали бы рабочим реальную услугу, а большинство рабочей массы, в том числе и примыкающие к диссидентам, увидели бы, что эти последние сделали свой политический шаг под нашим давлением. Если бы диссиденты отказались, они только скомпрометировали бы себя. Мы же только выполнили бы наш долг по отношению к активно борющейся в данный момент части пролетариата, т.е. к Гаврским стачникам, но и повысили бы наш авторитет. Только такая неутомимая, настойчивая и гибкая пропаганда единства, на почве живых фактов массового действия, способна перебороть сектанства и кружковой замкнутости внутри рабочего класса, повышая его чувство классовой сплоченности и тем самым неизбежно увеличивая наше влияние.

На основе всей этой работы лозунг рабочего правительства, выдвинутый в подходящую минуту, может развить могущественную притягательную силу. В известный момент, подготовленный событиями и нашей пропагандой, мы скажем, обратившись к тем рабочим массам, которые еще отрицают революцию и диктатуру пролетариата, или же просто не доросли до этих вопросов: вы видите сейчас, как буржуазия переустраивает единство своего класса под вывеской левого блока и подготавливает „левое“ правительство, фактически объединяющее всю буржуазию; почем же нам, рабочим разных партий, направлений и беспартийным, не создать наш, пролетарский блок для защиты наших интересов и не выдвинуть нашего, рабочего правительства? Вот естественная, простая, ясная постановка вопроса! Но мыслимо ли нам, коммунистам, заседать в правительстве с Ренолем, Блюмом и пр.? — спросит некто из товарищей. При известных условиях это может казаться временно неизбежным, как и мы, русские коммунисты, уже после нашей победы в октябре соглашались допустить в состав правительства меньшевиков, эсеров и фактически привлекли левых эсеров. Но сейчас для Франции вопрос еще не стоит — к сожалению — столь практически. Дело идет не о немедленном или близком образовании рабочего правительства с участием Фроссара и Блюма, а об агитационном противопоставлении рабочего блока блоку буржуазии. Прежде чем дело дойдет до создания самого рабочего правительства, нужно чтобы большинство рабочего класса присоединилось к этому лозунгу. Когда мы этого достигнем, т.е. в тот момент, когда рабочие диссиденты и члены всеобщей конфедерации потребуют объединенного

рабочего правительства, акции Ренделя, Блюма и Жуо будут стоять крайне низко, ибо эти господа только и держатся своим союзом с буржуазией при расколе рабочего класса.

Совершенно очевидно, что, когда большинство французского рабочего класса объединится под знаменем рабочего правительства, у нас не будет никакого основания беспокоиться относительно состава этого правительства. По существу дела, действительный успех лозунга рабочего правительства уже означал бы пролог к пролетарской революции. Вот чего не понимают те товарищи, которые берут лозунги формально и измеряют их мериллом словесного радикализма, не отдавая себе отчета в тех процессах, какие происходят в самом рабочем классе.

Выдвинуть программу социальной революции и „непримиримо“ противопоставить ее диссидентам, синдикалистам — реформистам, отказываясь вступать с ними в какие бы то ни было переговоры до тех пор, пока они не признают нашей программы—это очень простая политика, для которой не нужно ни находчивости, ни энергии, ни гибкости, ни инициативы. Это не коммунистическая политика. Мы, коммунисты, ищем способов и путей политически, практически, на деле довести еще несознательные массы до революционной постановки вопроса. Объединить авангард рабочих под знаменем социальной революции—это уже сделано в виде коммунистической партии. Теперь эта коммунистическая партия должна попытаться объединить весь рабочий класс, как на почве экономического отпора капиталу, так и на почве политического отпора буржуазии и ее правительственному блоку. Таким путем мы фактически приблизим социальную революцию и подготовим пролетариат к победе.

Важнейшая политическая задача французского коммунизма.

Борьба против версальского договора, вовлечение в эту борьбу все более широких масс и придание этой борьбе все более решительного характера является центральной политической задачей французской коммунистической партии.

Французская буржуазия может поддерживать тот чудовищный и гибельный для Европы режим, какой установлен версальским миром, только путем милитаристического напряжения сил французского народа и непрерывного грабежа и разорения Германии. Постоянные угрозы оккупации германской территории являются одной из сильнейших помех развитию пролетарской революции в Германии. С другой стороны, похищаемые у германского народа материальные средства идут на укрепление позиции французской буржуазии, представляющей сейчас главную контр-революционную силу не только в Европе, но и во всем мире.

Несомненно в то же время, что французская буржуазия, используя германскую контрибуцию, создает привилегированное положение для небольшой части французского рабочего класса, чтобы тем самым облегчить французскому капиталу натиск против французского пролетариата в целом. Эту политику, но в более широком масштабе, мы в течение десятилетий наблюдали в Англии, буржуазия которой, грабя свои колонии и эксплуатируя более отсталые страны, расходовала небольшую частицу своей мировой добычи на создание привилегированного слоя рабочей аристократии, которая помогала буржуазии тем более жестоко и безнаказанно эксплуатировать рабочие массы. Именно таким путем была воспитана насквозь растленная бюрократия великобританских трэд-юнионов. Разумеется, империалистические усилия французской буржуазии являются запоздалыми в этой области, как и во всех остальных: европейский капитализм находится не в стадии прогрессивного развития, а в стадии разложения и борьба французского капитала, за поддержание версальского режима, окупается ценой дальнейшей

деорганизации и углубляющегося обнищания хозяйства всей Европы. Совершенно, однако, очевидно, что срэк, в течение которого французский капитал будет еще сохранять возможность продолжать свою гибельную работу, зависит в огромной степени от той энергии, с какой коммунистическая партия развернет в стране активную борьбу против версальского мира и его автора — французской буржуазии.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что диссиденты и синдикалисты-реформисты имеют активных, сознательных сторонников в той ничтожной части рабочего класса, которая прямо или косвенно заинтересована в разбойничьем режиме контрибуций. Экономика, психология этих элементов имеет по существу паразитарный характер. Господа Блюм, Жуо и др. являются законченными политическими и профессиональными выразителями того духа паразитизма, который связывает известные элементы пролетарской аристократии и бюрократии с версальским режимом в Европе. Эти клики не способны вести серьезную борьбу против нынешней грабительской гегемонии Франции, ибо эта борьба наносила бы неизбежно раны им самим.

Борьба за социальную революцию во Франции встает сейчас перед пролетариатом прежде всего, как борьба против милитаристской гегемонии французского капитала, против разграбления Германии, против версальского мира. Именно на этом вопросе должен обнаружиться и развернуться подлинно интернациональный и подлинно революционный характер нашей французской коммунистической партии.

Во время войны интернациональный характер пролетарской партии выражался в отказе от принципа национальной обороны, ибо тогда этот отказ имел действительный характер, вел за собой мобилизацию рабочих масс против буржуазного отечества. В настоящее время, когда французская буржуазия пожирает и переваривает несбываемую добычу, отказ коммунистической партии от принципа национальной обороны сам по себе необходим, но совершенно недостаточен. Буржуазия легко может мириться с этим декларативным анти-патриотизмом до новой войны. Сейчас актуальный и действительно революционный характер может иметь только борьба против разбойничьих плодов (национальной обороны), против контрибуций и репараций, против версальского мира. Только в этой борьбе партия в то же время может проверить и закалить свой внутренний состав, беспощадно выметая вон элементы, затроученные язвой национального паразитизма, если бы такие элементы оказались в том или другом углу самої коммунистической партии.

Ваш конгресс и в этом вопросе должен открыть новую эру массовой и революционной борьбы против Версаля и версальцев.

Организационные вопросы.

Из развитых выше соображений организационные вопросы вытекают сами собой: дело идет об обеспечении за коммунистической партией характера подлинной пролетарской политической организации, тесно связанной со всеми формами рабочего движения, протягивающей свои щупальцы во все объединения и группировки рабочих, в одинаковой мере контролирующей и направляющей деятельность коммунистов в парламенте, в прессе, муниципалитетах и кантональных советах, профессиональных союзах и кооперативах. С этой точки зрения проекты изменений, выработанные центральным комитетом, по вопросу об уставе партии и о режиме прессы представляют собой несомненный шаг вперед. Само собою разумеется, что эти уставы и формально-организационные изменения могут получить реальное значение лишь в том случае, если им будет соответствовать по всему своему содержанию работа руководящих учреждений партии. С этой точки зрения исключительное значение получает вопрос о составе центрального комитета партии. При определении этого состава решающую роль, по на-

шему миссию, должны играть два критерия: во-первых, центральный комитет должен воплощать собой объединение левой и центра против правой, то-есть против оппортунизма и центризма. во имя развития революционной политической активности масс; во-вторых, большинство центрального комитета должно состоять из рабочих и притом преимущественно из таких рабочих, которые неразрывно связаны с синдикальными организациями. Значение первого критерия выяснено выше, о втором критерии необходимо сказать несколько слов.

Обеспечить партии связь с массами, значит в первую голову обеспечить эту связь с профессиональными союзами. Надо раз навсегда покончить с чудовищным, самоубийственным—с точки зрения революции, воззрением, будто партии нет дела до профессиональных союзов и их работы. Разумеется, профессиональная организация, как таковая, автономна, то-есть сама на основах рабочей демократии направляет свою политику. Но и партия автономна в том смысле, что никакие анархо-синдикалисты не смеют ей предписывать, каких вопросов она может касаться и каких не может. Коммунистическая партия не только в праве, но обязана стремиться занять руководящее положение в профессиональных союзах на основе добровольного доверия членов союзов к лозунгам и тактике партии. Тому режиму, когда союзы управляли анархо-синдикалистские клки, связанные с секретными договорами в духе массонского карьеризма, должен быть раз навсегда положен конец. Партия выступает в союзах с открытым забралом. Все коммунисты работают в профессиональных союзах, как коммунисты, и связаны партийной дисциплиной в коммунистические ячейки. В вопросах синдикального действия коммунисты, разумеется, подчиняются синдикальной дисциплине. С этой точки зрения огромное значение приобретает привлечение в состав центрального комитета значительного числа активных работников синдикального движения. Если они обеспечат связь центрального комитета с массовыми организациями, то с другой стороны для них самих центральный комитет станет высшей академией коммунистической политики, а наша французская партия чрезвычайно нуждается в воспитании революционных пролетарских вождей.

Таковы главные задачи предстоящего конгресса французской коммунистической партии. Коммунистический Интернационал будет с величайшим вниманием следить за его ходом и результатом. Требовательность, проявляемая Интернационалом в отношении к коммунистической партии Франции, есть требовательность по отношению к самому себе, ибо французская партия является одной из важнейших его частей. Глубокие противоречия, заложенные в положении Республики французского капитала, открывают перед французским пролетариатом в близком, надемся, будущем возможности величайших исторических действий. В подготовке к ним нужна высшая бдительность и требовательность к себе. Этой мыслью о великой исторической миссии французского пролетариата внушено настоящее письмо. Требовательность, проявляемая Интернационалом к своим партиям опирается на глубокое доверие к революционному развитию мирового пролетариата и прежде всего пролетариата Франции. Французская коммунистическая партия преодолет свой внутренний кризис и будет на высоте своих неизмеримых революционных задач.

*Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.*

Москва, 15 сентября 1922 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.	Стр. 3
Г Л А В А I.	
Введение. В Германии. В оккупированной Германии. Париж. Н положении буржуа. Организация связи	5
Г Л А В А II.	
Экономическое положение. Политическое положение. Причины социальной реакции. Методы влияния буржуазии на рабочий класс	14
Г Л А В А III.	
Экономическое положение рабочего класса. Коммунистическая пар тия Франции.	29
Г Л А В А IV.	
Коммунистическая партия и профсоюзы. Французская социалисти ческая партия. Всеобщая Конфедерация Труда	40
Г Л А В А V.	
Католические профессиональные союзы. Унитарная Конфедерация Труда. Ориентация Унитарной Конфедерации Труда	52
Г Л А В А VI.	
Синдикалистское франкмасонство. Анархо-синдикалистская конфе ренция в Берлине	62
Г Л А В А VII.	
Состав Сент-Этьенского конгресса. Анархисты. Чистые синдика листы.	75
Г Л А В А VIII.	
Синдикалисты-коммунисты. Коммунисты „Око Москвы“.	88
Г Л А В А IX.	
Анти-большевистская лига Борги и К ^о . Два блока. За Профин терн., но... Французская буржуазия и Профинтерн. Комитет синдикалистской защиты. Анархо-реформистский блок	100
Г Л А В А X.	
Французский рабочий. Кризис руководства. Заключение	114
П Р И Л О Ж Е Н И Е.	
1. Послание Профинтерна Конгрессу У. К. Т.	121
2. Послание Коминтерна Парижскому конгрессу коммунистической партии	130

- Маркс и Энгельс**—Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические работы.
 ” ” —Т. IV. Процесс производства капитала.
 ” ” —Т. V. Процесс обращения капитала.
 ” ” —Т. VI. Капитал. Критика политической экономии.
 ” ” —Нищета философии.
- Меринг**—История германской социал-демократии до 1848 г. Т. I.
 ” — ” ” до прусского конституц. конфликта. Т. II.
 ” — ” ” до франко-прусской войны. Т. III.
 ” — ” ” до выборов 1903 г. Т. IV.
- Полонский**—Бакунин.
- Покровский**—Русская история. Т. I. С древнейших времен до Грозного.
 ” —Т. II. Смута. Борьба за Украину. Петровская реформа.
 ” —Т. III. Монархия XVIII. Александр I. Декабристы.
 ” —Т. IV. Крестьянская реформа. 60 годы. Конец XIX века.
- Павлович**—Империализм и борьба за великие железнодорожные и водные пути будущего.
 ” —Советская Россия и капиталистическая Англия.
 ” —Советская Россия и капиталистическая Франция.
 ” —Советская Россия и капиталистическая Америка.
- Преображенский**—Итоги Генуэзской конференции.
- Плеханов**—Собрание сочинений. Том I, II, III и IV.
 ” —К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
- Радек**—Октябрьская революция и ее место в истории.
- Раковский**—Накануне Генуи.
- Рейснер**—Буржуазное государство и советский строй. Т. I, II и III.
- Степанов**—Электрификация Р. С. Ф. С. Р.
- Стучка**—Революционная роль права и государства.
- Сергеев**—Европейский кризис на заре XIX века.
- Сеньобос**—Политическая история современн. Европы. Т. I и II.
- Троцкий**—1905.
 ” —Между империализмом и революцией.
- Троцкий и Раковский**—Очерки политической Румынии.
- Фалькнер, М.**—Основы статистической методологии.
- Фалькнер, С.**—Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства.
- Шляпников**—Канун 17-го года. Т. I и II.
- Шпенглер**—Закат Европы.
- Штейн**—Генуэзская конференция.
 ” —Гаагская конференция.
- Эйдус**—Очерки рабочего движения в странах Востока.
- Энгельс**—Крестьянский вопрос во Франции и Германии.
 ” —Жилищный вопрос.

Торговый сектор Государственного Издательства:

Москва, Ильинка, Биржевая площадь, уг. Богоявленского пер., № 4.
 Телефоны: 1-57-57, 47-35.

Розничная продажа:

- 1) Советская площадь, под гостиницей „Дрезден“, 2) Моховая, 17,
- 3) Б. Никитская, 13 (консерватория) и 4) Никольская, 3.

11. 4.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1923